

orientalis

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL. 6 , №1
TOM 6 , №1

2024

Востоковедение

Asian-Pacific Region

сотрудничество

international relations

international cooperation

philosophy

cultural exchange

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 20.04.2024. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 1/2024. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 20.04.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 1/2024. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганова, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Дэжин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Bukhologova S.B.* **About the original lexicon of the Barguts** 6
- Sayfullina D.R.* **Use of クッション言葉 as a way to avoid face-threatening speech acts in Japanese language** 28
- Khuzina A.I., Nguen K.N.* **Lexical guessing as a way of mastering vocabulary at the intermediate level in the study of a foreign language (on the example of the semantic field “人” “person” in Vietnamese and Korean)** 35
- Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K.* **Terms in the field of the beauty industry and their etymological features in the Turkish language (using the example of make-up and care products)** 46
- Kurochkin R.V., Valeev R.M.* **Bulent Ecevit: From Social Democrat to Leader of Turkey — the Path to Political Maturity** 54

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

- Magdeev R.R., Balakin D.A., An D.M.* **Shinzo Abe's “new approach” to developing economic cooperation between Russia and Japan in the context of the “northern territories” problem** 67
- Ostanin-Golovnya V.D., Baskakov I.D.* **Iran-Saudi Arabia relations after 1979: interests in the Persian Gulf** 82
- Khrenov V.V.* **The problem of exporting products by defense industry enterprises of Perm city to the DPRK in 1959–1964** 94
- Lukyanov G.V., Kulieva N.S.* **Representations on the role of external actors in the Libyan conflict in the modern expert and analytical community of Turkey (the case of SETA materials)** 111

PHILOSOPHY AND CULTURE

- Umyarova D.F., Gainullina L.A., Balakin D.A.* **The history and functions of the Joseon Star chart** 128
- Skorokhodova T.G.* **“Discovery of Hinduism”: the Social Thought Phenomenon in the Bengal Renaissance** 136
- 刘一枝, 张勇. **俄苏文学影响下韩少功的知青自审书写研究——以小说《日夜书》《暗示》为** 155
- Information for authors** 167
- Article formatting sample** 172

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бухоголова С.Б.* Об исконной лексике баргутов 6
- Сайфуллина Д.Р.* Использование クッション言葉 как речевая стратегия «сохранения лица» собеседника в японском языке 28
- Хузина А.И., Нгуен Х.Н.* Языковая догадка как способ овладения лексикой на среднем этапе при изучении иностранного языка (на примере семантического поля “人” “человек” во вьетнамском и корейском языках) 35
- Галяутдинова Л. М., Кызылкая З.Х.* Термины в области индустрии красоты и их этимологические особенности в турецком языке (на примере средств для макияжа и ухода) 46
- Курочкин Р.В., Валеев Р.М.* Бюлент Эджевит: от социал-демократа до лидера Турции — путь к политической зрелости 54

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Магдеев Р.Р., Балакин Д.А., Ан Д.М.* «Новый подход» Синдзо Абэ по развитию экономического сотрудничества России и Японии в контексте проблемы «северных территорий». 67
- Останин-Головня В.Д., Баскаков И.Д.* Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива 82
- Хренов В.В.* Проблема отправки на экспорт в КНДР продукции предприятий оборонной промышленности города Пермь в 1959–1964 гг. 94
- Лукьянов Г.В., Кулиева Н.С.* Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции (на примере анализа материалов SETA) 111

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

- Умярова Д.Ф., Гайнуллина Л.А., Балакин Д.А.* История и функции чосонской карты звёздного неба 128
- Скороходова Т.Г.* «Открытие индуизма»: феномен общественной мысли Бенгальского Возрождения 136
- Лю Ичжи, Чжан Юн.* Влияние советской культуры на литературный самоанализ Хань Шаогуна 155
- Информация для авторов** 167
- Образец оформления статьи** 172

About the original lexicon of the Barguts

Об исконной лексике баргутов

Бухоголова Саяна Батыевна

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

Автор, ответственный за переписку:

sayana050379@yandex.ru

https://orcid.org/_0000-0001-8121-8906

Sayana B. Bukhologova

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Corresponding author: sayana050379@yandex.ru

https://orcid.org/_0000-0001-8121-8906

УДК 81-571 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-6-27](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-6-27)

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности лексики баргутских говоров (язык старых и новых баргутов АРВМ КНР) в сравнительно-сопоставительном исследовании с бурятским и монгольским языками. Проведение этих лексических параллелей выявляет и раскрывает собственно баргутские слова и словосочетания. Предмет исследования включает семантические особенности исконного словарного состава баргутов. Целью работы является выявление собственно баргутской лексики. В работе использованы работы отечественных, китайских и монгольских лингвистов; полевые материалы автора, полученные в ходе научно-исследовательских экспедиций в 2002-2004 гг.; «Словарь баргутского говора», переизданный автором в 2021 г. в пятиязычном формате с приведением русских и монгольских (халха-

ABSTRACT

The article reveals the features of the vocabulary of the Bargut dialects (the language of the old and new Barguts of the IMAR of the PRC) in a comparative study with the Buryat and Mongolian languages. Drawing these lexical parallels reveals and reveals the actual Bargut words and phrases. The subject of the study includes the semantic features of the original vocabulary of the Barguts. The purpose of the work is to identify the actual Bargut vocabulary. The work uses the works of domestic, Chinese and Mongolian linguists, the author's field materials obtained during research expeditions, the Dictionary of the Bargut dialect, republished by the author in 2021 in a five-language format with Russian and Mongolian (Khalkha-Mongolian) equivalents. In addition, various dictionaries of the Mongolian languages, Chinese and Manchu languages, lexical material

монгольских) эквивалентов. Кроме того, были использованы различные словари монгольских языков, китайского и маньчжурского языков, лексический материал из научной литературы по монголистике, монгольскоязычной лексикологии, диалектологии. В ходе работы нашли применение такие методы исследования, как метод анализа, обобщения, сплошной выборки, описательный, сравнительно-исторический, лексикографический и сопоставительный. В результате исследования обнаруживается довольно большой пласт баргутской исконной лексики, не имеющей аналогов в остальных родственниках монгольских языках, что, во-первых, подтверждает высокую степень уникальности, самобытности и богатства языка, во-вторых, демонстрирует достаточно высокую степень устойчивости и сохранности языка в сложных поликультурных условиях, в-третьих, указывает на внушительный лексический фундамент для обогащения, дальнейшего гармоничного развития языка.

Ключевые слова. лексика, баргутский говор, исконная баргутская лексика, монгольские языки, «Словарь баргутского говора»

Размещение дополнительной информации: Работа выполнена в рамках государственного задания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия, № 121031000302-9».

Для цитирования: Бухоголова С.Б. Об исконной лексике баргутов. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 8-27 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2023-6-27>

from scientific literature on Mongolian studies, Mongolian lexicology, and dialectology were used. In the course of the work, such research methods as the method of analysis, generalization, continuous sampling, descriptive, comparative-historical, lexicographic and comparative were used. As a result of the study, a fairly large layer of Bargut native vocabulary is found that has no analogues in other related Mongolian languages, which, firstly, confirms the high degree of uniqueness, originality and richness of the language, and secondly, demonstrates a fairly high degree of stability and preservation of the language in complex multicultural conditions, thirdly, indicates an impressive lexical foundation for enrichment, further harmonious development of the language.

Keywords. vocabulary, Bargut dialect, native Bargut vocabulary, Mongolian languages, «Dictionary of the Bargut dialect»

Funding / financial support/ acknowledgements: The research was carried out within the state assignment: “Monuments of scripts of the peoples of Russia and Inner Asia in oriental languages and archival documents of the XVIII-th and early XXI-th centuries in the context of intercultural interaction”, № 121031000302-9

For citation: Bukhоголова S.B. About the original lexicon of the Barguts. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 6 (№1). P. 8-27 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-6-27>

Баргутские говоры — язык старых и новых баргутов Автономного района Внутренняя Монголия Китая, использующих в качестве письма общий для всех монгольских народов Китая старописьменный монгольский язык. Баргутские говоры наряду с языком шэнэхэнских бурят входят в так называемую общую баргу-бурятскую языковую общность, относящуюся к монгольской группе алтайской семьи языков.

В отечественном монголоведении изучением говоров и диалектов Восточной Монголии в разные годы занимались А.Д. Руднев [Руднев 1911, 233-256], Г.И. Рамстедт [Рамстедт 1908, 4-6], Ц.Ж. Жамцарано [Жамцарано 1913, 50], Б.Я. Владимирцов [Владимирцов 1929, 5-10], Н.Н. Поппе [Поппе 1933, 9-40], Г.Д. Санжеев [Санжеев 1952, 40], Т.А. Бертагаев [Бертагаев 1968, 7-12], Б.Х. Тодаева [Тодаева 1960, 22; Тодаева 1985, 13], Н.С. Яхонтова [Яхонтова 1997, 10], И.А. Грунтов, О.М. Мазо [Грунтов и др. 2015, 212-214] и др., работы которых в большинстве посвящены рассмотрению классификаций монгольских говоров Китая. Кроме того, в качестве объекта исследования баргутские говоры рассматривали В.И. Рассадин [Рассадин 1989, 140-142], Л.Б. Бадмаева [Бадмаева 2003, 50-56; Бадмаева 2004, 18-19; Бадмаева 2005, 171-174; Бадмаева 2006а, 38-41; Бадмаева 2006б, 99-108; Бадмаева 2012, 155-162; Бадмаева и др. 2012, 18-25; Бадмаева 2016, 140-145], Э.В. Афанасьева [Афанасьева 2006, 136].

Исследователи из КНР и Монголии Боусян [1981, 1995, 2002], Жираннигэ [1995], Ууда [1984, 2002], З. Пурбу [1987, 1997, 2002, 2012],

З. Норжин [1992, 2002], Бу. Намсарай [2012], С. Сурья [2012], Г. Гантогтох [2011, 2017], А. Улаанхүү [2017], У. Дэнсэма [2012], Буринбилэг [2016], Ш. Лувсанвандан [Mongyul... 1998, 82-84] и др. проводят работу по изучению баргутских говоров. Их труды часто освещаются в сравнительно-сопоставительном плане со старописьменным монгольским языком.

Формирование и сложение лексического состава баргутских говоров явилось результатом сложного и длительного исторического процесса, который до сих пор остается предметом дискуссии в научном мире. По итогам нашего исследования делается вывод, что новые баргуты в прошлом являлись частью прибайкальского племени хори, а старые баргуты — насельниками восточной стороны Байкала, местности Баргуджин-Токум в XIII в. и имеют родственные связи с западными бурятами РФ.

В связи с этим, в языке баргутов условно следует выделить три пласта: общемонгольскую лексику в фонетическом освоении баргутских говоров, собственную баргутскую и заимствованную лексику, приобретенную в ходе определенных взаимоотношений с теми или иными этническими общностями. В настоящей работе рассмотрим исконную лексику баргутов, состоящую из устойчивых слов и выражений, имеющих ряд только им присущих специфических черт. При передаче баргутских слов использован международный фонетический алфавит, принятый в китайском монголоведении. Для удобства восприятия лексика дана в алфавитном порядке русского языка.

Определенный интерес представляют слова в баргутских говорах, не зафиксированные в халхаском, но бытующие в бурятском языке, например,

- 1) ст.-барг. *ава:хай*, бур. *абаахай*, стпмя *arbaḡaqai* 'паук', монг. *отсут.* (син. *аалз*);
  - 2) нов.-барг. *burfəṁ*, стпмя *bürčim* 'небольшой мешочек для хранения лекарств и т. д.' [Norjın 1992, 86], хорин. бур. *бүршэм, бүршэн* 'чехол для ружейного ствола (обычно из барсучьей шкурки)', монг. *отсут.*;
  - 3) нов.-барг. *təxi:*, стпмя *tekei* 'нежный, ласковый', бур. *мээхэй, эмээхэй* 'нежный, ласковый', монг. *отсут.*;
  - 4) ст.-барг. *эрхүлән*, стпмя *orqulang* 'вихор, завиток (волос)', бур. *эрьяулгэ* 'вихор, завиток (волос)', монг. *отсут.* (син. *уйл*);
  - 5) нов.-барг. *susaḷ*, стпмя *šičali* 'дровишки для топки, собранные в разных местах', бур. *сусал* 'обгоревшее полено, головешка', монг. *отсут.*;
  - 6) нов.-барг. *səx*, стпмя *šeke* 'прямо, прямой', бур. *сэхэ* 'прямо, прямой', монг. *отсут.* (син. *шулуун*);
  - 7) ст.-барг. *tarfa:hai*, бур. *таршаахай*, стпмя *čarčaqai* 'саранча; кузнечик', монг. *отсут.* (син. *голио*);
  - 8) ст.-барг. *u:r*, бур. *үүри*, стпмя *egüri* 'люди одного возраста; ровесники', монг. *отсут.* (син. *үетэн, үеийн хүн*);
  - 9) нов.-барг. *hadza:-*, бур. *һажааха*, стпмя *sajiyuqu* 'подражать кому-либо, копировать, передразнивать кого-либо', монг. *отсут.* (син. *дууриах*);
  - 10) нов.-барг. *hi:nəg*, стпмя *seyineg* 'баран', бур. *һиинэг* '1. в некоторых диалектах кастрированный трёхгодовалый козёл; 2. бохан. бур. вол, кастрированный бык' [Шагдаров и др. 2008, 556], монг. *отсут.*
- Кроме того, в баргутских говорах противоположную группу составляют слова, существующие в халхаском, но не имеющиеся в бурятском в этом звучании, например,
- 1) нов.-барг. *bulu:gana*, монг. *булуу цагаан*, стпмя *buluḡan-a* 'сазан', бур. *булу-усхай* 'язь';
  - 2) ст.-барг. *budə:xəŋ*, монг. *бүгээхэн*, стпмя *bügegeng* 'серовато-белый, седой, светлый (о масти)', бур. *отсут.*;
  - 3) ст.-барг. *ibə:*, монг. *ивээс*, стпмя *ibegesü* 'подкладка; подпорка', бур. *отсут.*;
  - 4) ст.-барг. *indu:r*, монг. *индүүр*, стпмя *indegür* 'ручная мельница; каменный каток', бур. *отсут.* (син. *тээрмэ*);
  - 5) ст.-барг. *irəṁ-*, монг. *ирмэх*, стпмя *irtekü* 'моргать, подмигивать (глазами)', бур. *отсут.* (син. *нюдөө сабшаха*);
  - 6) ст.-барг. *nəxəi tu:l-*, монг. *нохой туулах*, стпмя *noqai tuulaqu* 'науськивать собаку, травить собаками', бур. *отсут.* (син. *нохой тухирха*);
  - 7) ст.-барг. *zil*, монг. *уйл*, стпмя *uil* 'вихор,

- завиток (волос)', бур. *отсут.* (син. *эрюулгэ*);
- 8) ст.-барг. *эңгилд-*, монг. *унгалдах, янцгаах* [БАМРС 2002–2003, 1760], стпмя ᠡᠨᠭᠢᠯᠳᠠ *ongγuldaqu* 'ржать (о лошади)', бур. *отсут.* (син. *инсагааха*);
- 9) ст.-барг. *хифэ:*, монг. *жүчээ*, стпмя ᠵᠢᠰᠢᠶᠤ *jüciyü* –е 'конюшня, коровник (изгородь сделанная из ивовых прутьев)', бур. *отсут.*
- В ходе написания настоящей работы был обнаружен огромный пласт, собственно, баргутской лексики, происхождение которой на данный момент трудно установить и требует дальнейшего изучения. Этот словарный фонд, не имеющийся в других монгольских языках, представлен в русском алфавитном порядке с применением букв международной транскрипции, принятой в китайском монголоведении, её переложением на старописьменный монгольский язык с латинской транслитерацией. К баргутским словам, имеющим определенное созвучие, близкое значение в монгольском и бурятском языках, были подобраны их лексические параллели.
- 1) ст.-барг. (*аβа:d*) *tut-*, стпмя ᠲᠦᠲᠠ *(abuγad) tutaqu* '(взяв), оставить у себя', бур., монг. *отсут.*;
- 2) нов.-барг. *agta:l-*, стпмя ᠠᠭᠲᠠᠯ *aytaγalaqu* 'опереться обеими руками за дверные откосы' [Norjīn 1992, 17], бур., монг. *отсут.*;
- 3) нов.-барг. *altrag*, стпмя ᠠᠯᠲᠠᠭ *altary-a* 'единица измерения роста человека', бур., монг. *отсут.*;
- 4) нов.-барг. *anag*, стпмя ᠠᠨᠠᠭ *anay-a* 'остроконечная хижина, применяемая при перекочевке', бур., монг. *отсут.*;
- 5) ст.-барг. *andga:*, стпмя ᠠᠨᠳᠠᠭᠠ *anday-a* 'качество, свойство; причина; довод', бур., монг. *отсут.*;
- 6) нов.-барг. *arinda:*, стпмя ᠠᠷᠢᠨᠳᠠ *arinda* 'обычный, обыкновенный; простой', бур., монг. *отсут.*;
- 7) ст.-барг. *aju:ηaju:langu:d*, стпмя ᠠᠵᠤᠨᠭᠤᠨᠠᠵᠤᠯᠠᠩᠳᠠ *ayungγ-a ayuulang-ud*, монг. *авьсан* 'снохи, невестки, жёны двух братьев (так называют друг друга жёны братьев)', бур. *отсут.*;
- 8) нов.-барг. *ax̣:r-*, стпмя ᠠᠬᠢᠷ *aqaraqqu* 'повышаться (о градусе молочных напитков)', бур., монг. *отсут.*;
- 9) ст.-барг. *ba:gue:*, стпмя ᠪᠠᠭᠤᠢ *bayui* 'воздушный змей; жив. панда', бур., монг. *отсут.*;
- 10) нов.-барг. *badzir*, стпмя ᠪᠠᠳᠵᠢᠷ *bajir* 'состояние скопленности *каких-л.* вещей', возможно, < от маньчж. *бачжарь сэмэ* 'в бесчисленном множестве' [Захаров 1875, 477], бур. *баржагар олон* 'много, множество вещей', монг. *отсут.*;
- 11) ст.-барг. *baigafig-*, стпмя ᠪᠠᠶᠢᠭᠠᠶᠢᠭᠢᠭᠠᠭᠢ *bayiγašiqaqu* 'отставать; оставаться позади; отбиться', бур. *отсут.* (*байшаха*) 'очутиться *где-л.*, оказаться *каким-л.*', монг. *отсут.* (*байчихах*) 'прекращать';
- 12) ст.-барг. *baitugd-*, стпмя ᠪᠠᠶᠢᠲᠦᠭᠳᠠ *bayituydaqu* 'оставаться на месте' < от бур., монг. *бай-*

- тагдах* ‘не выходить за пределы, черту; оставаться на месте (о мишенях-ременных шишках при стрельбе из лука)’;
- 13) ст.-барг. *balsai*, стпмя ᠪᠠᠯᠰᠠᠢ *balsai* ‘лягушка’, бур. *отсум.* (син. *баха*), монг. *отсум.* (син. *мэлхий*) ‘лягушка’;
- 14) ст.-барг. *baltu:*, стпмя ᠪᠠᠯᠲᠤ *baltuu* ‘муть; грязь, нечистоты; помой’, возможно, < от бур. *балтаһан* ‘ерунда, чепуха, вздор’ [Шагдаров и др. 2008, 112], монг. *отсум.*;
- 15) нов.-барг. *banag*, стпмя ᠪᠠᠨᠠᠭ *banay* ‘плохие последствия; результат; несчастье, зло, беда (как следствие)’, возможно, < от монг. *банага* ‘1. фантазия, воображение; 2. желание’; бур. *отсум.*;
- 16) нов.-барг. *banagla-*, стпмя ᠪᠠᠨᠠᠭᠯᠠ *banaylaqu* ‘возиться, долго копаться с какой-л. работой’, бур., монг. *отсум.*;
- 17) нов.-барг. *banigan*, стпмя ᠪᠠᠨᠢᠭᠠᠨ *baniyan* ‘фигура, тело человека’, возможно, от маньчж. *банинь* ‘природа, врожденное свойство; наружный вид, облик, сложение тела’ [Захаров 1875, 467], бур., монг. *отсум.*;
- 18) нов.-барг. *bargai*, стпмя ᠪᠠᠷᠭᠠᠢ *baryai* ‘1. таранная кость парнокопытных; 2. большие, округлившиеся каловые образования на хвосте у жирных баранов в осеннее время’, бур., монг. *отсум.*;
- 19) ст.-барг. *barv:t* [Краткий... 2021, 161], стпмя ᠪᠠᠷᠪᠤᠲᠤ *bariyuta* ‘тотчас, немедленно, скоро, сразу’, бур., монг. *отсум.*;
- 20) нов.-барг. *barxānag*, стпмя ᠪᠠᠷᠬᠠᠨᠠᠭ *barqanay* ‘запутанная узлами верёвка’, бур., монг. *отсум.*;
- 21) ст.-барг. *basa:r*, стпмя ᠪᠠᠰᠠᠷ *basar* ‘звукоподражание, обозначающее ласковое подзывание щенков, небольших собак: *басар-басар*’, бур., монг. *отсум.*;
- 22) нов.-барг. *bərgəhu:*, стпмя ᠪᠢᠷᠭᠡᠬᠤ *buryusu* ‘нежный, ласковый, милый’, бур., монг. *отсум.*;
- 23) нов.-барг. *bərdhu:*, стпмя ᠪᠢᠷᠳᠤ *bordusu* ‘вьюга, метель’, < от бур. *бордоһо* ‘вьюга, метель’, монг. *отсум.*;
- 24) нов.-барг. *bərg:l-*, стпмя ᠪᠢᠷᠭᠠᠯ *boruulaqu* ‘прошить ниткой петельку для пуговицы’, < от монг. *бороо* ‘1. пуговица; 2. косточки на счётах’, бур. *отсум.*;
- 25) ст.-барг. *bumbe:re: bumbe:re:*, стпмя ᠪᠤᠮᠪᠡᠷᠡ *bümbürei* *bümbürei* ‘используется в припеве песни: *бүмбээрээ, бүмбээрээ*’, бур., монг. *отсум.*;
- 26) нов.-барг. *bənd-*, стпмя ᠪᠠᠨᠳᠦ *bendekü* ‘суетиться, торопиться; спешить’, бур. *мэгдэхэ*, монг. *мэгдэх* ‘прийти в смятение, переполошиться, опешить, растеряться’. Здесь, возможно, имеется двойное чередование согласных: *b→m* и *n→γ*.
- 27) ст.-барг. *birgil*, нов.-барг. *birgil*, стпмя ᠪᠢᠷᠭᠢᠯ *birgil* ‘личинка мухи’, бур., монг. *отсум.*;
- 28) ст.-барг. *bud* [Краткий... 2021, 161], стпмя ᠪᠦᠳᠦ *büde* ‘сова’, бур. *отсум.* (син. *шара шубуун*), монг. *отсум.* (син. *шар шувуу, ууль*) ‘сова’;

- 29) нов.-барг. *budžär-*, стпмя ᠪᠦᠳᠵᠡᠷ *buḵaraqı* 'заболеть из-за неправильного, несбалансированного питания', бур., монг. *отсут.*;
- 30) нов.-барг. *buim-*, стпмя ᠪᠤᠢᠮ *buııtaqu* 'быть в достатке, довольствоваться благами', бур., монг. *отсут.*;
- 31) нов.-барг. *buı*, стпмя ᠪᠤᠢ *bulı* 'неуклюжий, неловкий, нерадивый', возможно, от бур. *һали-були* 'кое-как, небрежно; халатно' [Шагдаров и др. 2008, 543], монг. *отсут.*;
- 32) нов.-барг. *bumba:g*, стпмя ᠪᠤᠮᠪᠠᠭ *bumbayau* 'грязь, разлетающаяся от ног при ходьбе', возможно, < от монг. *бумбаа* 'помёт', бур. *отсут.*;
- 33) ст.-барг. *ga:da:*, стпмя ᠭᠠᠳᠠ *γada* 'рак пищевода, сужение пищевого канала', бур., монг. *отсут.*;
- 34) ст.-барг. *girβu:*, стпмя ᠭᠢᠷᠪᠦ *girbegen* 'застенчивый, робкий, стыдливый', возможно, < от монг. *гирви* 'малодушный, слабонервный; слабовольный'; бур. *отсут.*
- 35) ст.-барг. *goltig (gar-)*, стпмя ᠭᠣᠯᠲᠢᠭ (ᠭᠣᠷᠠᠭᠤ) *γoltiγ (γarqu)* 'ягнёнок, отвергнутый матерью-овцой', бур., монг. *отсут.*;
- 36) нов.-барг. *goltäg*, стпмя ᠭᠣᠯᠲᠠᠭ *γolitay* 'шов с изнаночной стороны', бур., монг. *отсут.*;
- 37) ст.-барг. *gäl*, стпмя ᠭᠡᠯ *gel* 'слегка, немного, мало-мальски; чуть-чуть', бур., монг. *отсут.*;
- 38) ст.-барг. *gärβä:*, стпмя ᠭᠡᠷᠪᠡᠭᠡ *gerbege* 'работа или занятие, которое необходимо сде-
- лать', бур., монг. *отсут.* (син. *ажал, ажил*);
- 39) ст.-барг. *dagtaŋ*, стпмя ᠳᠠᠭᠲᠠᠩ *daytan* 'всегда, все время, постоянно', бур., монг. *отсут.*;
- 40) нов.-барг. *dadar*, стпмя ᠳᠠᠳᠠᠷ *dadar* 'хромой', бур., монг. *отсут.*;
- 41) нов.-барг. *daiti:*, стпмя ᠳᠠᠢᠲᠢ *daitai* 'соразмерный, соответственный, пропорциональный', бур., монг. *отсут.*;
- 42) ст.-барг. *dalβa:*, стпмя ᠳᠠᠯᠪᠠ *dalbay-a* 'крылья, крыло', мухор. бур. *далбаа* 'полотнище', зап. бур. *далбаа* 'отвисающий лоскут' [Шагдаров и др. 2008, 254], монг. *далбаа* 'флаг, знамя; полотнище знамени';
- 43) нов.-барг. *dambai-*, стпмя ᠳᠠᠮᠪᠠᠢ *dambayıqu* 'толстеть, полнеть', бур. *дамбайха* 'толстеть, полнеть', монг. *отсут.*;
- 44) ст.-барг. *diβdžä:*, стпмя ᠳᠢᠪᠳᠵᠠ *debis* 'подушка (на седле)', бур. монг. *отсут.*;
- 45) ст.-барг. *dönđig*, стпмя ᠳᠥᠨᠳᠢᠭ *donjıy* 'медлительный, неторопливый', бур., монг. *отсут.*;
- 46) ст.-барг. *dza:gue:*, стпмя ᠳᠵᠠᠭᠡ *ḵayui* 'соответствующий, подходящий, надлежащий; достаточный, довольный', бур., монг. *отсут.*;
- 47) ст.-барг. *dzadgal-*, стпмя ᠳᠵᠠᠳᠭᠠᠯᠠᠭᠠᠯᠠᠭᠤ *ḵadayalaqu* 'заболеть', бур., монг. *отсут.*;
- 48) ст.-барг. *džad*, стпмя ᠳᠵᠠᠳ *jıda* 'мешок для лошадиного помёта', бур., монг. *отсут.*;

- 49) нов.-барг. *dzai*, стпмя ᠵᠠᠢ *ʃai* '1. небольшой ингредиент, добавляемый в состав лекарств; 2. странность, чудачество; чудинка; что-либо странное, непонятное; что-то подозрительное', бур., монг. *отсут.*;
- 50) нов.-барг. *dzail*, стпмя ᠵᠠᠢᠯ *ʃail* 'бык-производитель', < от хорин. бур. *зайла* 'пороз, бык-производитель' [Шагдаров и др. 2008, 374], монг. *отсут.*;
- 51) нов.-барг. *dzailxai*, стпмя ᠵᠠᠢᠯᠢᠬᠠᠢ *ʃalixai* 'небольшое отверстие', бур., монг. *отсут.*;
- 52) нов.-барг. *dzaim-*, стпмя ᠵᠠᠢᠮ *ʃaim* 'качаться, шататься, колебаться (из стороны в сторону)', бур., монг. *отсут.*;
- 53) нов.-барг. *dzamx*, стпмя ᠵᠠᠮᠬᠠ *ʃamx* 'длинное копьё', бур., монг. *отсут.*;
- 54) нов.-барг. *dzan-*, стпмя ᠵᠠᠨ *ʃan* '1. чувствовать жгучую боль; жечь; 2. подкарауливать, подстерегать; следить; сторожить', возможно, < от бур. *занаха* 'грозить, угрожать, страшать' [Шагдаров и др. 2008, 383], монг. *отсут.*;
- 55) нов.-барг. *dzana:ti*, стпмя ᠵᠠᠨᠠᠲᠢ *ʃanati* 'намеренно, преднамеренно, специально', бур., монг. *отсут.*;
- 56) нов.-барг. *dzanga:lai*, стпмя ᠵᠠᠨᠭᠠᠯᠠᠢ *ʃangalai* 'расстояние между спицами (одного из стержней, соединяющих втулку колеса с ободом) колеса телеги', бур., монг. *отсут.*;
- 57) нов.-барг. *dzawai*, стпмя ᠵᠠᠠᠢ *ʃawai* '1. жизнерадостность, бодрость, оптимизм; прилив сил; здоровье; 2. лик, внешность', возможно, < от закам. бур. 'величие, великолепие', монг. *отсут.*;
- 58) нов.-барг. *dzasdu*, стпмя ᠵᠠᠰᠳᠤ *ʃasadu* 'стружка', бур. *отсут.* (син. *зоргодохон*), монг. *отсут.* (син. *зоргодос*) 'стружка';
- 59) ст.-барг. *dzalaŋ*, стпмя ᠵᠠᠯᠠᠩ *ʃalang* 'потомок; предки', бур., монг. *отсут.*;
- 60) ст.-барг. *dzana*, стпмя ᠵᠠᠨᠠ *ʃina* '1. щётка с тонкой металлической ручкой для ступицы колеса или тряпка; 2. беспомощное существо; 3. насмешливое название тоненькой косички у детей и пожилых людей', бур., монг. *отсут.*;
- 61) ст.-барг. *dzilwəŋ*, стпмя ᠵᠢᠯᠠᠦᠩ *ʃilwing* 'молозиво', < от монг. *жилбэ* '1. молозиво; впервые появляющееся у скотины молоко; 2. бедренная мышца', бур. *отсут.*;
- 62) ст.-барг. *dzirβə:də*, стпмя ᠵᠢᠷᠪᠡᠳᠡ *ʃirbidede* 'образное название зуба (в загадках)', бур., монг. *отсут.*;
- 63) нов.-барг. *dzingiri*, стпмя ᠵᠢᠩᠭᠢᠷᠢ *ʃingirei* 'металлическое колечко для игры', бур., монг. *отсут.*;
- 64) ст.-барг. *dzingə:ru*, стпмя ᠵᠢᠩᠭᠡᠷᠠ *ʃinggerü* 'сосновые иглы, хвоя', возможно, < от зап. бур. *шэнгэрүүхэн* 'шишка (сосновая, кедровая и т. п.)' [Шагдаров и др. 2008, 638], монг. *отсут.*;
- 65) нов.-барг. *dzifigt*, стпмя ᠵᠢᠶᠭᠢᠭᠲᠦ *ʃifigtü* 'побег, молодая ветка; мелкие ветви', бур., монг. *отсут.*;
- 66) ст.-барг. *dzuirə*, стпмя ᠵᠢᠦᠢᠷᠡ *ʃüirei* 'двойня, близнецы', бур. *отсут.* (син. *эхур*), монг.

- отсут. (син. *ихэр*) 'двойня, близнецы; пара; чётный; двойной';
- 67) нов.-барг. *dəwxər-*, стпмя ᠳᠦᠬᠡᠷ *dobqurqu* 'съесть, выпить без остатка', бур., монг. *отсут.*;
- 68) нов.-барг. *dəgi-*, стпмя ᠳᠦᠭᠢ *dogiqu* 'испугавшись, отскочить (о животных)', от бур. *добихо* 'пугаться, избегать', монг. *отсут.*;
- 69) нов.-барг. *dəɟar*, стпмя ᠳᠦᠭᠢᠷ *dodiγar* 'бестолковый; бесстыдный; дерзкий', бур. *отсут.*, монг. *додигор* 'фанфаронство; хвастовство, самохвальство';
- 70) нов.-барг. *dədi-*, стпмя ᠳᠦᠳᠢ *dodiqu* 'быть бестолковым, бесстыдным; дерзким', от монг. *додийх* 'фанфаронить, хвастаться, хвалиться, куражиться', бур. *отсут.*;
- 71) нов.-барг. *dəigəŋ*, стпмя ᠳᠦᠢᠭᠦᠨ *doiγun* 'небрежный, невнимательный, неаккуратный; леворукий', бур., монг. *отсут.*;
- 72) нов.-барг. *dəl-*, стпмя ᠳᠡᠯ *dolqu* 'изнашиваться; стираться; протираться', возможно, от бур. *доло* 'совсем, совершенно, всё, окончательно, начисто', монг. *отсут.*;
- 73) нов.-барг. *dul-*, стпмя ᠳᠤᠯ *dülükü* '1. долго варить на медленном огне; 2. спокойно уйти; 3. не иметь спутника жизни' [Norjın 1992, 214], бур., монг. *отсут.*;
- 74) нов.-барг. *duldhu:*, стпмя ᠳᠤᠯᠳᠠᠬᠤ *dülüdesü* 'живое дерево, сгоревшее на пожаре', бур., монг. *отсут.*;
- 75) нов.-барг. *du:je:*, стпмя ᠳᠤᠵᠡ *degüy-e* 'возлюбленная', бур., монг. *отсут.*;
- 76) нов.-барг. *du:je:lx*, стпмя ᠳᠤᠵᠡᠯᠬᠡ *degüyelekü* '1. сдружиться, сближаться; 2. любить; влюбляться; 3. питать нежность (о мужских чувствах)', бур., монг. *отсут.*;
- 77) нов.-барг. *du:mə:-*, стпмя ᠳᠤᠮᠡ *düümeyikü* 'вдали неотчетливо виднеться (очертания крупных объектов, например, гор)', бур., монг. *отсут.*;
- 78) ст.-барг. *dur arangue:*, стпмя ᠳᠦᠷᠠᠨᠭᠦᠡ *düri aran ügei* 'вызывающее поведение человека, выходящее за рамки приличий', бур., монг. *отсут.*;
- 79) ст.-барг. *du:r-*, стпмя ᠳᠦᠷ *dügürekü* 'нести (везти) с собой', бур., монг. *отсут.*;
- 80) нов.-барг. *duxa:*, стпмя ᠳᠤᠬᠠ *duquγ-a* 'навес; небольшое строение, предназначенное для защиты, прикрытия двери', бур., монг. *отсут.*;
- 81) нов.-барг. *du:rmag*, стпмя ᠳᠤᠷᠮᠠᠭ *duγurmay* 'сонливый, дремлющий', < от бур. *дуурах*, монг. *дуурах* 'засыпать, дремать, клевать носом';
- 82) нов.-барг. *dəwɟə:*, стпмя ᠳᠡᠬᠡ *debjiy-e* 'ватный матрас, подстилаемый под стёганный тюфяк', < от бур. *дэбжээ* 'помощь, поддержка, содействие', монг. *дэвжээ* 'подстил; старый войлок, подстилаемый под шерстью (при валянии войлока)';
- 83) нов.-барг. *dəwəŋ (dəlxɪ:)*, стпмя ᠳᠡᠬᠡᠢ *debeng (delekei)* 'весь мир', монг. *дэвэн*

- (*дэлхий*) ‘весь мир’, бур. *отсут.*;
- 84) нов.-барг. *dəlwə:*, стпмя ᠳᠡᠯᠪᠡᠭᠡ *delbege* ‘1. вол, идущий в упряжке с первой телегой; 2. поводья вола, идущего в упряжке с первой телегой; 3. поводья конной телеги’, монг. *дэлбээ* ‘конная тяга, перевозка на лошадях’, бур. *отсут.*;
- 85) нов.-барг. *dəju:r-*, стпмя ᠳᠡᠵᠢᠦᠷᠡᠬᠦ *deliüreki* ‘по ошибке принять чужого детёныша (о матке скота)’, бур., монг. *отсут.*;
- 86) ст.-барг. *dələns*, стпмя ᠳᠡᠯᠢᠨᠴᠢ *delense* ‘скорпион’, монг. *дэлэнч* ‘мошка, мошкара’, бур. *отсут.*;
- 87) ст.-барг. *i:g*, стпмя ᠶᠡᠭ *ig* ‘бараний сухой помёт’, бур. *уиг* (*хоргооһон, хохир*) ‘1. сухой навоз для подстилки скоту; 2. зап. бур. овечий помёт’, монг. *отсут.*;
- 88) ст.-барг. *la:g*, стпмя ᠯᠠᠭᠠᠭ *laḡaḡ* ‘грязная, невытая шерсть животного с засохшими каловыми массами; остатки сухого навоза’ [Краткий... 2021, 314], бур., монг. *отсут.*;
- 89) ст.-барг. *laḡa:ŋ* (*xalu:ŋ*), стпмя ᠯᠠᠭᠠᠨ (ᠶᠡᠯᠠᠭᠠᠨ) *laḡiyan* (*qalayun*) ‘сильная жара; зной’, бур., монг. *отсут.*;
- 90) ст.-барг. *taḡzi:-*, стпмя ᠲᠠᠭᠵᠢ *taḡyiqu* ‘медлить, опаздывать (о человеке)’, бур., монг. *отсут.*;
- 91) нов.-барг. *patxä*, стпмя ᠯᠠᠮᠢᠭᠠ *patuq-a* ‘1) шест, втыкаемый на могиле, длинный шест с флагами, на которых написаны молитвы; 2) *ругат*. название деревянного изделия, вышедшего из применения по причине негодности’, бур., монг. *отсут.*;
- 92) нов.-барг. *pa:ju:l-*, стпмя ᠯᠠᠵᠢᠯᠠᠭᠢ *payulaqu* ‘обрести возлюбленного (о женщине)’, бур., монг. *отсут.*;
- 93) ст.-барг. *zil-*, стпмя ᠵᠢᠯᠠᠭᠢ *oyilaqu* ‘колоть; втыкать; пронзать; жалить’, бур., монг. *отсут.*;
- 94) ст.-барг. *zil-* (*alax*), стпмя ᠵᠢᠯᠠᠭᠢ (ᠠᠯᠠᠬᠤ) *oyilaḡu* (*alagu*) ‘заколоть насмерть’, бур., монг. *отсут.*;
- 95) ст.-барг. *pa:gu:*, стпмя ᠫᠠᠭᠤᠭᠡᠢ *pa ügei* ‘беспольный’, бур., монг. *отсут.*;
- 96) ст.-барг. *saiḡarxai*, стпмя ᠰᠠᠶᠢᠪᠠᠷᠬᠠᠢ *ḡayibarqai* ‘колосок, метёлка (растения)’, бур., монг. *отсут.*;
- 97) ст.-барг. *suḡ-*, стпмя ᠰᠤᠯᠢᠭᠢ *suliqu* ‘просить (кого-л. сделать что-л.); обращаться с просьбой (к кому-л. о чем-л.)’, бур., монг. *отсут.*;
- 98) ст.-барг. *suḡa:ŋ*, стпмя ᠰᠤᠯᠢᠭᠠᠨ *suliyān* ‘приглашение’ [Краткий... 2021, 344], бур., монг. *отсут.*;
- 99) ст.-барг. *suntai*, стпмя ᠰᠤᠨᠲᠠᠢ *suntai* ‘особенный’, бур., монг. *отсут.*;
- 100) ст.-барг. *sunsə:xi:*, стпмя ᠰᠤᠨᠰᠡᠭᠡᠭᠡᠬᠡᠢ *sünsegekei* ‘образное название утюга в загадках’, бур., монг. *отсут.*;
- 101) ст.-барг. *surḡu:l*, стпмя ᠰᠤᠷᠪᠤᠭᠤᠯ *surbuḡul* ‘тонко нарезанные полоски, куски из шкуры скота для изготовления сбруи’, < от бур. *хур*,

- монг. *сур* 'ремешок, ремень; сыромять, выделанная кожа';
- 102) ст.-барг. *səs-*, стпмя ᠰᠢᠴᠢᠬᠦ *šičikü* 'тыкать, колоть; вонзать', бур., монг. *отсут.*;
- 103) ст.-барг. *taixar*, стпмя ᠲᠠᠶᠢᠻᠠᠷ *taiyiqar* 'застёжка; пуговица; кнопка; пряжка', бур., монг. *отсут.*;
- 104) ст.-барг. *taxtag*, стпмя ᠲᠠᠬᠲᠠᠭ *taqtay* 'шкура павшего домашнего скота', монг., бур. *отсут.* (син. *дурасха, адасха*) 'шкура павшего домашнего скота';
- 105) ст.-барг. *tə:daɣ*, стпмя ᠲᠡᠳᠠᠭ *tegedeg* 'низкорослый, низкий, короткий', бур. *отсут.* (син. *набтар*), монг. *отсут.* (син. *намхан*) 'низкорослый, низкий, короткий';
- 106) ст.-барг. *təntər-*, стпмя ᠲᠦᠨᠲᠦᠷᠭᠢ *tonturqu* 'становиться укрощённым, прирученным; смиренным, послушным', бур. *отсут.* (син. *номгорхо*), монг. *отсут.* (син. *номхрох*) 'усмиряться, укрощаться, становиться смиренным, спокойным';
- 107) ст.-барг. *tənd*, стпмя ᠲᠦᠨᠳᠠ *tondu* 'укрощенный, прирученный; смиренный, послушный', бур., монг. *отсут.* (син. *номгон*) 'смиренный, спокойный, тихий, кроткий';
- 108) ст.-барг. *təŋɣ*, стпмя ᠲᠦᠨᠭᠢ *tongyu* 'свежий, молодой, нежный', < от бур. *тунга ногоон* 'нетронутая, нехоженая, свежая трава' [Шагдаров и др. 2008, 256], монг. *отсут.*;
- 109) ст.-барг. *təɟja:ŋq*, стпмя ᠲᠡᠵᠢᠶᠠᠩᠭᠠ *tojiyangq-a* 'пень (людей с больными ногами сравни-
вают с ним)', возможно, < от монг. *отсут.* (син. *хожуул; разг. пренебр.* о человеке: *мануухай, годил*), бур. *отсут.* (син. *түгсүүл*);
- 110) ст.-барг. *uβə:l-*, стпмя ᠤᠪᠡᠭᠡᠯᠦᠬᠦ *übegelekü* 'плесневеть, покрываться плесенью; зацветать', монг. *отсут.* (син. *ваалах*), бур. *отсут.* (син. *бурьтаха*) 'плесневеть, покрываться плесенью; зацветать';
- 111) ст.-барг. *uŋqun*, стпмя ᠤᠩᠭᠦᠨ *ungqun* 'большой; крупный; великий; огромный', бур., монг. *отсут.*;
- 112) ст.-барг. *xambal*, стпмя ᠬᠠᠮᠪᠠᠯ *qambal* 'умелый, гибкий, точный; оперативный; быстрый', бур., монг. *отсут.*;
- 113) ст.-барг. *xəŋɣ*, стпмя ᠬᠦᠩᠭᠠ *qongyu* 'глухой', бур., монг. *отсут.* (син. *дүлиу*), 'глухой';
- 114) ст.-барг. *xəŋqiu:r*, стпмя ᠬᠦᠩᠭᠢᠦᠷ *qonggiyur* 'инструмент для копания', бур. *отсут.*, возможно, < от бур., монг. (*хонгил, хонги*) 'дупло';
- 115) ст.-барг. *xugsrəɣ*, стпмя ᠬᠦᠭᠰᠢᠷᠭᠢ *kükserge* 'гусеница, обитающая в сыромятной коже', бур., монг. *отсут.*;
- 116) ст.-барг. *xuda:*, стпмя ᠬᠤᠳᠠᠭ *qudaɣ-a* 'цена', бур., монг. *отсут.* (син. *үнэ*) 'цена';
- 117) нов.-барг. *faga:l-*, стпмя ᠶᠠᠭᠠᠯᠠᠭᠤ *šayalaqu* '1. покрасить что-нибудь всеми цветами радуги; 2. украсить воротник, рукава шубы разноцветными тканями' [Norjın 1992, 172], бур., монг. *отсут.*;
- 118) нов.-барг., ст.-барг. *falam*, стпмя ᠶᠠᠯᠠᠮ *šalam*

- ‘подпруга (у седла)’, бур., монг. *отсут.*;
- 119) ст.-барг. *filtfag*, стпмя ᠮᠢᠯᠲᠡᠭ *šilčegeg* ‘корзинка из плетенных ивовых прутьев’, бур., монг. *отсут.*;
- 120) ст.-барг. *fiŋgə:rə:*, стпмя ᠰᠢᠩᠭᠡᠭᠡᠷᠡᠢ *šinggegerei* ‘исчезающий, пропадающий’, возможно, < от бур. *отсут.* *шэнгэхэ* [Шагдаров и др. 2008, 638], монг. *отсут.* *шингэх* ‘1. впитываться, всасываться, вбираться; пропитываться; 2. заходить, закатываться (о солнце)’;
- 121) ст.-барг. *fiχag*, стпмя ᠴᠢᠬᠡᠭ *čikeg* ‘линии на руке’, бур., монг. *отсут.*;
- 122) ст.-барг. *foxol*, стпмя ᠴᠢᠬᠢᠯ *čiqul* ‘узкий, тесный’, возможно, получил развитие < от монг. *цухал* ‘1.узкий, тесный; 2. нервозность, нервность; раздражение’, бур. *сухал* ‘гнев, ярость; нервозность’;
- 123) ст.-барг. *fūŋkrəg*, стпмя ᠴᠢᠩᠭᠦᠷᠦᠭ *čüngkürüg*, ‘яма, углубление’, бур., монг. *отсут.*, возможно, < от баргуз. бур. *хэнхэрэг* ‘что-то ненадёжное, проваливающееся под ногами’;
- 124) ст.-барг., нов.-барг. *aldə:*, стпмя ᠠᠯᠳᠡᠭ *eldege* ‘пол’ [Краткий... 2021, 68], бур. *отсут.* (син. *шала*) < монг. *отсут.* (син. *шал*) ‘пол’;
- 125) нов.-барг. *ə:nɪ-*, стпмя ᠡᠭᠡᠨᠢᠬᠦ *egenikü* ‘1. идти не прямо, наискосок; 2. подозревать, сомневаться’, бур., монг. *отсут.*;
- 126) ст.-барг. *əŋgə:l*, стпмя ᠡᠩᠭᠡᠭᠡᠯ *engegel* ‘мягкий’, бур., монг. *отсут.*;
- 127) ст.-барг. *ərdə*, стпмя ᠡᠷᠳᠡ *erde* ‘прямой’, бур., монг. *отсут.*;
- 128) ст.-барг. *jagir*, стпмя ᠵᠠᠭᠢᠷ *yagir* ‘1. твердый, засохший; 2. кривой, плохой’, бур., монг. *отсут.*;
- 129) ст.-барг. *jaŋgə:dai*, стпмя ᠵᠠᠩᠭᠠᠳᠠᠢ *yangyadai* ‘название инструмента для стрижки волос’, бур., монг. *отсут.*;
- 130) ст.-барг. *jax-*, стпмя ᠵᠠᠬᠢᠭᠢ *yakiqu* ‘побелеть; побледнеть; рассветать’, бур., монг. *отсут.*;
- 131) ст.-барг. *jəŋgir*, стпмя ᠵᠠᠩᠭᠢᠷ *yangkir* ‘как раз; именно’, бур., монг. *отсут.*

Таким образом, в разговорном языке баргутов нами выявлен достаточно большой процент исконной лексики, не имеющей аналогов в остальных родственных монгольских языках, что подтверждает высокую степень уникальности, самобытности и богатства языка. Также это демонстрирует высокую степень устойчивости и сохранности языка в сложных поликультурных условиях и указывает на основательный лексический фундамент для обогащения, дальнейшего гармоничного развития языка.

На примерах видно, что лексический фонд языка баргутов (старых и новых) богат исконными архаичными словами, связанными в основном со скотоводческой, бытовой терминологией, но утрачивающими свою значимость в связи с сильным влиянием других монгольских языков, диалектов и китайского языка. В результате этого на смену им приходят более современные и созвучные социокультурным процессам и явлениям слова и выражения.

Список литературы

1. Корпус ВСС (ВСС 语料库). <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (Дата обращения: 20.07.2023) (на кит.яз.)
2. Руднев А.Д. *Материалы по говорам Восточной Монголии*. СПб., 1911.
3. Рамстедт Г.И. *Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора*. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1908.
4. Жамцарано Ц.Ж. *Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II*. СПб., 1913. № 2. 53 с.
5. Владимирцов Б.Я. *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика*. Л., 1929.
6. Поппе Н.Н. *Бурят-монгольское языкознание*. Ленинград: Акад. наук СССР: Ин-т культуры БМАССР, 1933.
7. Санжеев Г.Д. *Монгольские языки и диалекты*. М., *Ученые записки Института востоковедения АН СССР*. т. IV, 1952. С. 30-125.
8. Бертагаев Т.А. *Монгольские языки: введение. Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*. Л.: Наука, 1968, С. 7-12.
9. Тодаева Б.Х. *Монгольские языки и диалекты Китая*. М.: ИВЛ, 1960.
10. Тодаева Б.Х. *Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов*. М.: Наука, 1985.
11. Яхонтова Н.С. *Монгольские языки. Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М.: Индрик, 1997. С. 10-18.
12. Грунтов И.А., Мазо О.М. *Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным. Вопросы языкового родства. Языкознание*. 2015. С. 205-255.
13. Рассадин В.И. *Историческая связь бурятского языка с языком баргутов. Владимирцовские чтения: II Всесоюзная конференция монголоведов: тезисы докладов и сообщений*. М.: Наука, 1989. С. 140-142.
14. Бадмаева Л.Б. *Этнолингвистический очерк о баргутах. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (13–14 октября 2003 г.)*. СПб.: Наука, 2003. С. 50-56.
15. Бадмаева Л.Б. *Баргу-бурятские языковые связи. Международный конгресс востоковедов. Тезисы*. М., 2004. С. 18-19.
16. Бадмаева Л.Б. *Лексические параллели в языке хори-бурят и шэнэ-баргутов. Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов*. Улан-Удэ, 2005. С. 171-174.
17. Бадмаева Л.Б. *Заднеязычный X в языке хуучин баргутов и бурят. Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения. 6. Ч.1 Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 38-41.*

18. Бадмаева Л.Б. Языковые параллели баргутов и бурят. *Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности*. Улан-Удэ, 2006. Т. 3: С. 99-108.
19. Бадмаева Л.Б. О баргу-бурятской языковой общности. *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 2. С. 155-162.
20. Бадмаева Л.Б., Нимаев Д.Д. Об исторических связях бурят и баргутов. *Вестник БНЦ СО РАН*. 2013. № 3. 11. С. 18-25.
21. Бадмаева Л.Б. Лексические параллели в языке байкало-кударинских бурят и хуучин-баргутов. *Баргуты: история и современность: сб. науч. ст.* Иркутск: Оттиск, 2016. С. 140-145.
22. Афанасьева Э.В. *Исторические связи бурятского и баргутского языков*. Издательство Бурятского госуниверситета: Улан-Удэ, 2006.
23. Боусян. (Boušiyang) О согласных *-s/-x* в говоре старых баргутов. Qaγučin baryu aman ayalyun-u geiygülgüçi *-s-x-un tuqai*. (*Kele bičig-ün erdem šinjilegen-ü ögülel-ün tegüberi*) Сборник научных докладов по филологии. Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul kele bičig sudulqu γaγar, 1981. (на старописьм.монг.яз.)
24. Боусян, Жараннэгэ Б. (Boušiyang, Jirannige B.) Баргутский говор. (*Baryu aman ayalyu*). Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriγ-a, 1995. (на старописьм.монг.яз.)
25. Боусян, Ууда, Жараннэгэ. (Boušiyang, Uuda, Jirannige B.) Падежный аффикс *-sa* в старобаргутском говоре. (Qaγučin baryu aman ayalyun-u tein ilγal-un dayaburi *-sa*). *Erdem-ün qaryui elbeg bütügel*. Mongγul kele bičig sudulqu γaγar-un döčün jil-ün oyi-du. 2002. (на старописьм.монг.яз.)
26. Боусян, Жараннэгэ Б. (Boušiyang, Jirannige B.) Баргутский говор. (*Baryu aman ayalyu*). Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriγ-a, 1995. (на старописьм.монг.яз.)
27. Ууда. (Uuda) Материалы по баргутской лексике. (*Baryu aman ayalyun-u üge kelelge-yin material*). Öbür mongγul-un arad-un keblel-ün qoriγ-a. 1984. (на старописьм.монг.яз.)
28. Боусян, Ууда, Жараннэгэ. (Boušiyang, Uuda, Jirannige B.) Падежный аффикс *-sa* в старобаргутском говоре. (Qaγučin baryu aman ayalyun-u tein ilγal-un dayaburi *-sa*). *Erdem-ün qaryui elbeg bütügel*. Mongγul kele bičig sudulqu γaγar-un döčün jil-ün oyi-du. 2002. (на старописьм.монг.яз.)
29. Пурбу З. (Pürbü Z.) Сравнение старописьменного монгольского языка и баргутского говора. (Bičig-ün kele ba šin-e baryu aman ayalyun-u qarīčayulul). Статьи по монгольским языкам. (*Mongγul kele šinjilegen-ü ögülel-üd*). Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriγ-a. 1987. Q. 282-334. (на старописьм.монг.яз.)
30. Пурбу З. (Pürbü Z.) Сравнительные

- материалы баргутского говора с современным письменным монгольским языком. (*Orčin čaγ-un mongγul bičig-ün kele-tei qaričaγuluγsan šin-e barγu ayaγun-u material*). Pürbū-yin mongγul bičig-ün kelen-ü teüke tuqai šinjilege. Öbür mongγul-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1997. 90 q. (на старописьм.монг.яз.)
31. Пурбу З. (Pürbū Z.) О говоре новых баргутов Хулун-Буира. (Külün Buyir-un šin-e barγu ayaγun-u tuqai). *Доклад на междунар. конф. «Мир Центральной Азии»*. Улан-Удэ, 2002. (рукопись) (на старописьм.монг.яз.)
32. Пурбу З. (Pürbū Z.) Сравнительные материалы новобаргутского говора с современным письменным монгольским языком. (*Orčin čaγ-un mongγul bičig-ün kele-tei qaričaγuluγsan šin-e barγu ayaγun-u material*). Сборник статей по баргутоведению (1) *Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige)*. Öbür Mongγul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriγ-a. 2012. Q. 1-41. (на старописьм.монг.яз.)
33. Норжин З., Чойдандар (Norjīn Z., Čoyidandar) Краткое обозрение диалектных слов. (*Nutuγ-un ayaγun-u üges-ün quriγangγui*). Ündüsüten-ü keblel-ün qoriγ-a. 1992. 510 q. (на старописьм.монг.яз.)
34. Норжин З. (Norjīn Z.) Долгие гласные в старобаргутском говоре. (*Qaγučin barγu-yin eteged urtu egešig*). *Mongγul kele utγ-a jokiyal*. Öbür Mongγul-un neyigem-ün šinjilekü uqayan-u küriyeleng-ün keblekü üyiledbüri. 2002. Q. 3-13. (на старописьм.монг.яз.)
35. Намсарай Бу. (Namsarai Bu.) Некоторые особенности баргутского говора. (*Barγu ayaγun-yin jarim ončaliγ*). Сборник статей по баргутоведению (1). *Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige)*. Öbür Mongγul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriγ-a. 2012. Q. 42-51. (на старописьм.монг.яз.)
36. Суруя Сартагул Ма. (Suruy-a Sartayul Ma.) Замечания о диалектных словах в баргутском говоре. (*Barγu aman ayaγu bolun nutuγ-un ončaliγ-tai üges-ün tuqai ajiylalta*). Сборник статей по баргутоведению (1). (*Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige)*). Öbür Mongγul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriγ-a. 2012. Q. 95-107. (на старописьм.монг.яз.)
37. Гантогтох Г. Лексические особенности баргутского говора. (*Баргын аман аялгууны үгсийн сангийн бүрэлдэхүүний онцлог*). Исследования баргутской истории, культуры. (*Баргын түүх соёлын судалгаа*). Улаанбаатар, 2011. X. 241-246. (на совр.монг.яз.)
38. Гантогтох Г. (Gangtoγtaqu G.) Особенности словарного состава баргутского говора. *Barγu-yin aman ayaγun-u üges-ün sang-un büreldükün-ü ončaliγ*. Сборник статей по баргутоведению (2). (*Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (qoyar)*). Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriγ-a. 2017. Q. 18-

25. (на старописьм.монг.яз.)
39. Улаанхуу А. (Ulaanküü A.) О некоторых особенных баргутских выражениях. (Barγučud-un ĵarim öbermiče kelelge-yin tuqai). Сборник статей по баргутоведению (2). (*Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (qoyar)*). Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2017. Q. 86-92. (на старописьм.монг.яз.)
40. Дэнсэма Уриянхан. (Dengsema Uriyangqan) О попытке рассмотрения говора новых баргутов из хошуна Шулуун Хух. (*Šin-e barγu-yin Šiluyun köke aman ayalyun-u tuqai turšin ögülekü ni*). Сборник статей по баргутоведению (1). *Barγu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige)*. Öbür Mongγul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2012. Q. 52-70. (на старописьм.монг.яз.)
41. Бурэнбилиг. Особенности языка баргутов Хулун-Буира и старых баргутов. (Хөлөнбуирын баргачууд ба хуучин баргын хэлний аялгууны онцлог). *Баргуты: история и современность*. Улан-Удэ: Издательство «Оттиск». 2016. С. 126-139. (на старописьм.монг.яз.)
42. Исследования диалектов монгольского языка. (Mongγul kelen-ü nutuy-un ayalyun-u šinjilel). Төб үндүсүтен-ү yeke surγayuliyin keblel-ün qoriy-a. 1998. 673 q. (на старописьм.монг.яз.)
43. Норжин З., Чойдандар (Norĵin Z., Čoyidandar) Краткое изложение диалектных слов. (*Nutuy-un ayalyun-u üges-ün quriyangγui*). Üндүсүтен-ү keblel-ün qoriy-a. 1992. (на старописьм.монг.яз.)
44. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь*. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. 708 с. (на старописьм.монг.яз.)
45. БАМРС – *Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах*. М.: Academia, 2001. Т. III. – Ө-Ф. – 440 с.
46. Норжин З., Чойдандар (Norĵin Z., Čoyidandar) Краткое изложение диалектных слов. (*Nutuy-un ayalyun-u üges-ün quriyangγui*). Üндүсүтен-ү keblel-ün qoriy-a. 1992. (на старописьм.монг.яз.)
47. Захаров И.И. *Полный маньчжурско-русский словарь*. Спб.: 1875. 1235 с.
48. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь*. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
49. Захаров И.И. *Полный маньчжурско-государственный словарь*, 2021. 404 с. *русский словарь*. Спб.: 1875. 1235 с.
50. *Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2021. 404 с.
51. *Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2021. 404 с.

52. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
53. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
54. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
55. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
56. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
57. Норжин З., Чойдандар (Norjīn Z., Čoyidandar) Краткое изложение диалектных слов. (*Nutuγ-un ayalyun-u üges-ün quriyangγui*). Ündüsüten-ü keblel-ün qoriγ-a. 1992. (на старописьм.монг.яз.)
58. *Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. 404 с.
59. *Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. 404 с.
60. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
61. Норжин З., Чойдандар (Norjīn Z., Čoyidandar) Краткое изложение диалектных слов. (*Nutuγ-un ayalyun-u üges-ün quriyangγui*). Ündüsüten-ü keblel-ün qoriγ-a. 1992. (на старописьм.монг.яз.)
62. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах*. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
63. *Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского

References

1. Rudnev A.D. Materials on dialects of Eastern Mongolia. SPb., 1911. (In Russ.)
2. Ramstedt G.I. Comparative phonetics of the Mongolian written language and the Khalkha-Urga dialect. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk, 1908. (In Russ.)
3. Zhamtsarano Ts.Zh. Trip to Southern Mongolia in 1909–1910 Izv. Rus. committee for the study of Central and East Asia. Ser. II. SPb., 1913. No. 2. 53 p. (In Russ.)
4. Vladimirtsov B.Ya. Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics. L., 1929. (In Russ.)

5. Poppe N.N. Buryat-Mongolian linguistics. Leningrad: Akad. nauk SSSR: Institute of Culture of the BMASSR, 1933. (In Russ.)
6. Sanzheev G.D. Mongolian languages and dialects. M., Uchenye zapiski Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. vol. IV, 1952, pp. 30-125. (In Russ.)
7. Bertagaev T.A. Mongolian languages: an introduction. Languages of the peoples of the USSR. Mongolian, Tungus-Manchu and Paleoasiatic languages. L.: Nauka, 1968, pp. 7-12. (In Russ.)
8. Todaeva B.Kh. Mongolian languages and dialects of China. M.: IVL, 1960. (In Russ.)
9. Todaeva B.Kh. The language of the Mongols of Inner Mongolia. Outline of dialects. Moscow: Nauka, 1985. (In Russ.)
10. Yakhontova N.S. Mongolian languages. World languages: Mongolian languages. Tungus-Manchu languages. Japanese language. Korean. M.: Indrik, 1997. S. 10-18. (In Russ.)
11. Gruntov I.A., Mazo O.M. Classification of the Mongolian languages according to lexicostatistical data. Questions of linguistic kinship. Linguistics. 2015. S. 205-255. (In Russ.)
12. Rassadin V.I. Historical connection of the Buryat language with the language of the Barguts. Vladimirtsov Readings: II All-Union Conference of Mongolian Studies: abstracts of reports and messages. M.: Nauka, 1989. S. 140-142. (In Russ.)
13. Badmaeva L.B. Ethnolinguistic essay on the Barguts. Proceedings of the conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Vera Ivanovna Tsintsius (October 13–14, 2003). St. Petersburg: Nauka, 2003, pp. 50-56. (In Russ.)
14. Badmaeva L.B. Bargu-Buryat language ties. International Congress of Orientalists. Abstracts. M., 2004. S. 18-19. (In Russ.)
15. Badmaeva L.B. Lexical Parallels in the Khori-Buryat and Shene-Bargut Languages. Problems of ethno-cultural relations of the Mongolian and Turkic peoples. Ulan-Ude, 2005, pp. 171-174. (In Russ.)
16. Badmaeva L.B. Back-lingual X in the language of the Huuchin of the Barguts and Buryats. Actual problems of Mongolian studies. Sanzheevsky readings. 6. Part 1 Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2006, pp. 38-41. (In Russ.)
17. Badmaeva L.B. Linguistic parallels of Barguts and Buryats. Buryats in the context of modern ethno-cultural and ethno-social processes. Traditional culture, folk art and national sports of the Buryats in the conditions of polyethnicity. Ulan-Ude, 2006. Vol. 3: pp. 99-108. (In Russ.)
18. Badmaeva L.B. About the Bargu-Buryat language community. Siberian Philological Journal. 2012. No. 2. S. 155-162. (In Russ.)
19. Badmaeva L.B., Nimaev D.D. On the historical ties between the Buryats and the Barguts. Vestnik BNC SO RAN. 2013. No. 3. 11. S. 18-25. (In Russ.)
20. Badmaeva L.B. Lexical parallels in the

- language of the Baikal-Kudara Buryats and Khuchin-Barguts. Barguts: history and modernity: Sat. scientific Art. Irkutsk: Ottisk, 2016, pp. 140-145. (In Russ.)
21. Afanas'eva E.V. Historical connections between the Buryat and Bargut languages. Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta: Ulan-Ude, 2006. (In Russ.)
  22. Bousyan. (Boušiyang) About the consonants –s/–x in the dialect of the old Barguts. Qayučin baryu aman ayalyun–u geyigülügči –s–x –un tuqai. (Kele bičig–ün erdem šinjilegen–ü ögülel–ün tegüberi) Collection of scientific reports on philology. Öbür mongyul–un yeke suryayuli–yin mongyul kele bičig sudulqu yaĵar, 1981. (in old Mongolian script)
  23. Bousyan, Zharannege B. (Boušiyang, Jirannige B.) Bargut dialect. (Baryu aman ayalyu). Öbür mongyul–un yeke suryayuli–yin keblel–ün qoriy–a, 1995. (in old Mongolian script)
  24. Bousian, Uuda, Zharannage. (Boušiyang, Uuda, Jirannige B.) Case affix –sa in Old Bargut dialect. (Qayučin baryu aman ayalyun–u tein ilyal–un dayaburi –sa). Erdem–ün qaryui elbeg bütügel. Mongyul kele bičig sudulqu yaĵar–un döčin ĵil–ün oyi–du. 2002. (in old Mong. language)
  25. Bousyan, Zharannege B. (Boušiyang, Jirannige B.) Bargut dialect. (Baryu aman ayalyu). Öbür mongyul–un yeke suryayuli–yin keblel–ün qoriy–a, 1995. (in old Mongolian script)
  26. Uuda. (Uuda) Materials on the Bargut vocabulary. (Baryu aman ayalyun–u üge kelelge–yin material). Öbür mongyul–un arad–un keblel–ün qoriy–a. 1984. (in old Mong. language)
  27. Bousian, Uuda, Zharannage. (Boušiyang, Uuda, Jirannige B.) Case affix –sa in Old Bargut dialect. (Qayučin baryu aman ayalyun–u tein ilyal–un dayaburi –sa). Erdem–ün qaryui elbeg bütügel. Mongyul kele bičig sudulqu yaĵar–un döčin ĵil–ün oyi–du. 2002. (in old Mong. language)
  28. Purbu Z. (Pürbü Z.) Comparison of the old written Mongolian language and the Bargut dialect. (Bičig–ün kele ba šin–e baryu aman ayalyun–u qaričayulul). Articles on the Mongolian languages. (Mongyul kele šinjilegen–ü ögülel–üd). Öbür Mongyul–un arad–un keblel–ün qoriy–a. 1987. Q. 282–334. (in old Mongol script)
  29. Purbu Z. (Pürbü Z.) Comparative materials of the Bargut dialect with the modern written Mongolian language. (Orčin čay–un mongyul bičig–ün kele–tei qaričayuluysan šin–e baryu ayalyun–u material). Pürbü–yin mongyul bičig–ün kelen–ü teüke tuqai šinjilege. Öbür mongyul–un arad–un keblel–ün qoriy–a, 1997. 90q. (in old Mongol script)
  30. Purbu Z. (Pürbü Z.) On the dialect of the new Barguts of Hulun-Buir. (Külün Buyir–un šin–e baryu ayalyun–u tuqai). Report to the international conf. "World of Central Asia". Ulan-Ude, 2002. (manuscript) (in old Mongolian script)
  31. Purbu Z. (Pürbü Z.) Comparative materials of the New Bargut dialect with the modern written Mongolian language. (Orčin čay–un

- mongyul bičig-ün kele-tei qaričayuluysan šin-e baryu ayalyun-u material). Collection of articles on Bargut studies (1) Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige). Öbür Mongyul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2012. Q. 1-41. (in old Mongol script)
32. Norzhin Z., Choydandar (Noržin Z., Čoyidandar) Brief review of dialect words. (Nutuy-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui). Ündüs-üten-ü keblel-ün qoriy-a. 1992. 510q. (in old Mongol script)
33. Norzhin Z. (Noržin Z.) Long vowels in the Old Bargut dialect. (Qayučin baryu-yin eteged urtu egešig). Mongyul kele utγ-a jokiyal. Öbür Mongyul-un neyigem-ün šinžilekü uqayan-u küriyeleng-ün keblekü üyiledbüri. 2002. Q. 3-13. (in old Mongol script)
34. Namsarai Bu. (Namsarai Bu.) Some features of the Bargut dialect. (Baryu ayalyun-yin jarim ončaliy). Collection of articles on bargut studies (1). Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige). Öbür Mongyul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2012. Q. 42-51. (in old Mongol script)
35. Suruya Sartagul Ma. (Suruy-a Sartayul Ma.) Notes on dialect words in the Bargut dialect. (Baryu aman ayalyu bolun nutuy-un ončaliy-tai üges-ün tuqai ajiylalta). Collection of articles on bargut studies (1). (Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige)). Öbür Mongyul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2012. Q. 95-107. (in old Mongol script)
36. Gantogtokh G. Lexical features of the Bargut dialect. (Bargyn aman ayalguuny ygsiyn sangiin byreldekhyyuiy ontslog). Studies of the Bargut history and culture. (Bargyn tyykh soyolyn sudalгаа). Ulaanbaatar, 2011. H. 241-246. (in modern Mongolian)
37. Gangtogtokh G. (Gangtoytaqu G.) Vocabulary features of the Bargut dialect. Baryu-yin aman ayalyun-u üges-ün sang-un büreldükün-ü ončaliy. Collection of articles on bargut studies (2). (Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (qoyar)). Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2017. Q. 18-25. (in old Mongol script)
38. Ulaankhuu A. (Ulayanküü A.) About some special Bargut expressions. (Baryučud-un jarim öbermiče kelelge-yin tuqai). Collection of articles on bargut studies (2). (Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (qoyar)). Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2017. Q. 86-92. (in old Mongol script)
39. Densema Uryankhan. (Dengsema Uriyangqan) About an attempt to consider the dialect of the new Barguts from the Khoshun Shuluun Khukh. (Šin-e baryu-yin šiluyun köke aman ayalyun-u tuqai turšin ögülekü ni). Collection of articles on bargut studies (1). Baryu sudulul-un ögülel-ün tegübüri (nige). Öbür Mongyul-un keblel-ün bülüglel. Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 2012. Q. 52-70. (in old Mongol script)
40. Burenbilig. Features of the language of the Barguts of Khulun-Buir and the old Barguts.

- (Kholonbuiryn bargachuud ba huuchin bargyn khelniy ayalguuny ontslog). Barguts: history and modernity. Ulan-Ude: Publishing house "Ottisk". 2016. S. 126-139. (in old Mongol script)
41. Studies of dialects of the Mongolian language. (Mongyul kelen-ü nutuy-un ayalyun-u šinjilel). Töb ündüsüten-ü yeke suryayuli-yin keblel-ün qoriy-a. 1998. 673q. (in old Mongol script)
42. Norzhin Z., Choydandar (Norjin Z., Čoyidandar) Summary of dialect words. (Nutuy-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui). Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1992. (in old Mong. language)
43. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian dictionary. In two volumes. T. II. O-Z Ulan-Ude: Publishing House of OJSC "Republican Printing House", 2008. 708 p. (in old Mongol script)
44. BAMRS – Big academic Mongolian-Russian dictionary in 4 volumes. M.: Academia, 2001. T. III. - Ø-F. – 440 p.
45. Norzhin Z., Choydandar (Norjin Z., Čoyidandar) Summary of dialect words. (Nutuy-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui). Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1992. (in old Mong. language)
46. Zakharov I.I. Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg: 1875. 1235 p.
47. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian dictionary. In two volumes. T. I. A-N. Ulan-Ude: Publishing House of JSC Republican Printing House, 2006. 636 p.
48. Zakharov I.I. Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg: 1875. 1235 p.
49. Brief Bargut-Mongolian-Buryat-Chinese-Russian Dictionary. Ulan-Ude: Buryat State University Press, 2021. 404 p.
50. Brief Bargut-Mongolian-Buryat-Chinese-Russian Dictionary. Ulan-Ude: Buryatsko Publishing House

Список условных сокращений

- барг. – баргутский говор
 мухор. бур. – мухоршибирский говор бурятского языка
 баргуз. бур. – баргузинский говор бурятского языка
 нов.-барг. – новобаргутский говор
 бохан. – боханский говор бурятского языка
 отсут. – отсутствует
 бур. – бурятский язык
 пренебр. – пренебрежительный
 где-л. – где-либо
 разг. – разговорный
 жив. – животное
 ругат. – ругательный
 закам. бур. – закаменский говор бурятского языка
 син. – синоним
 зап. бур. – западный бурятский язык
 ст.-барг. – старобаргутский говор
 каким-л. – каким-либо
 стмпя – старописьменный монгольский язык

каких-л. – каких-либо
т. д. – так далее
какой-л. – какой-либо
хорин. бур. – хоринский говор бурятского
языка
монг. – монгольский язык

Сведения об авторе

Бухоголова Саяна Батуевна,

Научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт монголо-
ведения, буддологии и тибетологии Сибир-
ского отделения Российской академии
наук

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяно-
вой, 6

E-mail: sayana050379@yandex.ru

Information about the author

Sayana B. Batuevna,

Research Associate

Federal State Budgetary Institution of Sci-
ence Institute of the Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences
6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation

E-mail: sayana050379@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

Use of クッション言葉 as a way to avoid face-threatening speech acts in Japanese language

Использование クッション言葉 как речевая стратегия «сохранения лица» собеседника в японском языке

Сайфуллина Диана Робертовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

*Автор, ответственный за переписку:
kyuukai.no.bi@gmail.com*

Diana R. Sayfullina

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: kyuukai.no.bi@gmail.com

УДК 81-22 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-28-34](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-28-34)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению специфики использования **クッション言葉** в японском языке через призму теории вежливости, выдвинутой американскими социолингвистами Пенелопой Браун и Стивеном Левинсоном в совместной работе «Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка». Актуальность этой статьи обусловлена необходимостью чёткого понимания цели использования **クッション言葉** в японском языке, что может помочь в преподавании категорий вежливости японского языка. Цель написания статьи — проанализировать, какую функцию выполняют **クッション言葉** в речи японцев и как они способствуют соблюдению речевого этикета, а также — какое место они занимают в категориях вежливости, описанных Браун и Левинсоном. В работе использован метод компонентного анализа. В результате исследования был

ABSTRACT

The article is devoted to the specifics of the use of **クッション言葉** in Japanese language through the prism of the theory of politeness put forward by American sociolinguists Penelope Brown and Stephen Levinson in their joint work “Politeness: Some Universals in Language Usage.” The relevance of this article is due to the need to clearly understand the purpose of using **クッション言葉** in Japanese, which can help in teaching Japanese politeness categories. The purpose of writing this article is to analyze what function **クッション言葉** perform in Japanese speech and how they contribute to the observance of speech etiquette, as well as what place they occupy in the categories of politeness described by Brown and Levinson. The method of component analysis was used in this work. The study concluded that **クッション言葉** are used for both negative and positive politeness purposes.

сделан вывод, что *クッション言葉* используются с целью соблюдения как негативной вежливости, так и позитивной.

Ключевые слова: категория вежливости, японский язык, речевой этикет, негативная вежливость, позитивная вежливость, речевая стратегия, теория вежливости Браун-Левинсона

Для цитирования: Сайфуллина Д.Р., Использование *クッション言葉* как речевая стратегия «сохранения лица» собеседника в японском языке. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 28–34 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-28-34>

Речевой этикет японского языка является крайне сложной по своей структуре системой: выбор речевых стратегий вежливости зависит от множества различных факторов, начиная с социального статуса собеседника и заканчивая уникальными для Японии культурными концептами. Пожалуй, одним из основных понятий в японском речевом этикете можно считать понятие гармонии *和* *wa*. По определению принца Сётоку Тайси, *Wa* — это «дух непротivления, являющийся основой всего» (Нечаева 2013, 259). Отражение этого концепта крайне заметно в поведении японцев в межличностной коммуникации: их речевое поведение словно «заточено» на то, чтобы сохранить хорошие отношения с окружающими людьми и быть с ними в согласии.

Важность этого концепта в сознании японцев диктует им выбор особых речевых средств. В частности, японцам свойственно

Keywords. category of politeness, Japanese language, speech etiquette, negative politeness, positive politeness, speech strategy, Brown-Levinson theory of politeness.

For citation: Sayfullina D.R. Use of *クッション言葉* as a way to avoid face-threatening speech acts in Japanese language. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P.28-34 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-28-34>

«сглаживать» все острые углы, особенно при неблагоприятных коммуникативных ситуациях. В данной статье мы бы хотели сосредоточиться на так называемых *クッション言葉* *куссён котоба* — «словах-подушках», которые в большинстве своём выражают извинения и играют существенную роль в смягчении риторики японцев. Так как они являются языковыми средствами выражения категории вежливости, то в качестве теоретической базы для анализа коммуникативных ситуаций их применения мы будем использовать «Теорию вежливости» Браун-Левинсона.

Согласно вышеупомянутой теории, основной смысл вежливости и речевого этикета заключается в сохранении социальных лиц коммуникантов (Brown P., Levinson S 1987). Следует отметить, что в дискурсе японистики понятие «потери лица» играет особую роль: Японии присуща «культура стыда», в которой потерять

лицо (面目を失う) считается недопустимой и страшной ситуацией (Родионова 2013). Можно сказать, что этим отчасти обусловлена критическая важность вежливости в японском обществе. Согласно Браун и Левинсону, «социальное лицо» человека можно разделить на «положительное» и «негативное». Первое понятие используется, когда речь идёт о стремлении человека получить одобрение и позитивную оценку с другой стороны в процессе коммуникации, в то время как «негативное лицо» является желанием защитить себя от вмешательства в свободу его действий со стороны других лиц. Вежливость, согласно данной теории, заключается в выборе особых речевых стратегий с целью уберечь «лица» коммуникантов посредством избегания или смягчения воздействия так называемых «лицоугрожающих актов» (англ. face-threatening acts). В зависимости от того, «негативное» или «позитивное лицо» собеседника мы хотим сохранить, вежливость делится соответственно на «негативную» и «позитивную» (Brown P., Levinson S 1987).

Как мы упоминали ранее, *クッション言葉* в большинстве своём представляют из себя извинения и используются в следующих коммуникативных ситуациях:

- 1) просьба;
- 2) предложение;
- 3) отказ;
- 4) возражение. [4]

Рассмотрим коммуникативную ситуацию **просьбы** через призму теории вежливости Браун-Левинсона. Речевой акт просьбы является

потенциальной угрозой «негативному лицу» реципиента, ведь просьба может повлечь за собой стеснение его свободы действий. Одной из стратегий негативной вежливости авторы теории выделяют готовность извиниться. К актам извинения, помимо непосредственного его выражения, также относят констатацию потенциальных неудобств, вызванных просьбой, выражение нежелания помешать адресату и объяснение причин просьбы (Brown P., Levinson S 1987). К *クッション言葉*, выражающим непосредственное извинение в коммуникативной ситуации просьбы, можно отнести *恐れ入りますが, 失礼ですが, 申し訳ございませんが* (Нечаева 2013, 262). Каждое из них предваряет просьбу, однако необходимо отметить, что последнее из них также содержит в себе элемент скромной речи *謙譲語 кэндзё:го* *ございません*, что делает эту фразу ещё более вежливой.

К *クッション言葉*, констатирующим потенциальное неудобство, вызванное просьбой, можно отнести такие фразы, как: *お忙しい中恐縮ですが、お忙しいところ申し訳ございませんが*, которые можно перевести как «извините, что отвлекаю, но...»; *ご多忙中とは存じますが* «я знаю, что Вы заняты, но...»; *お手数をおかけいたしますが、ご足労をおかけいたしますが* «я причиняю хлопоты, но...». Заметим, что в некоторых из этих фраз также содержатся извинения (*恐縮, 申し訳ございません*), а также элементы *謙譲語 кэндзё:го* (*存じます, おかけいたします*). Таким образом, можно сказать, что некоторые *クッション言葉* используются для реализации сразу нескольких речевых стратегий негативной вежливости одновременно.

Для выражения нежелания причинять неудобства реципиенту просьбы могут быть использованы фразы もし可能であれば, もしよろしければ, которые можно перевести как «если это возможно», «если Вам удобно».

Речевая ситуация **предложения** по своим характеристикам схожа с ситуацией просьбы тем, что она также угрожает «негативному лицу» собеседника: реципиенту предложения «навязывается» некое действие, а в случае несогласия собеседника на его выполнение он будет поставлен в неудобное положение вынужденного отказа. Таким образом, в данной неблагоприятной коммуникативной ситуации также необходимо использовать стратегии смягчения воздействия «ликоугрожающего акта» на собеседника. В таких случаях можно использовать фразы もしよろしければ «если это удобно», 差し支えなければ «если Вы не возражаете» ご迷惑でなければ «если это не причинит неудобств». Таким образом, эти фразы также выражают нежелание говорящего причинять какие-либо неудобства реципиенту, т.е. являются средством реализации негативной вежливости.

Однако в коммуникативной ситуации **отказа** угроза направлена не на «негативное лицо» реципиента, а на «позитивное»: такие речевые акты можно трактовать как проявление неодобрения и отсутствия солидарности. Поэтому целесообразно предположить, что при подобном «ликоугрожающем акте» говорящий будет выбирать речевые средства, направленные на демонстрацию уважения и признательности собеседнику. К примеру, фразы せっかくなので厚意ですが и 身に余るお話ではありますが

отражают благодарность собеседнику за оказанную говорящему «честь». Таким образом, говорящий подчёркивает, что он придерживается высокого мнения о собеседнике и почитает его, что позволяет собеседнику не переживать за сохранность своего «положительного лица», ведь ему ничего не угрожает.

Однако также в речевой ситуации отказа используются и クッション言葉, выражающие извинение и сожаление говорящего о невозможности принять некое предложение со стороны собеседника: 誠に申し訳ございませんが «мне правда очень жаль, но...», あいにくですが «к сожалению», 残念ですが «к сожалению», 誠に申し上げにくいのですが «мне тяжело это говорить, но...», 心苦しいのですが «мне очень жаль, но...», ご期待に添えず申し訳ありませんが «извините, что не оправдываю Ваших надежд, но...». Извинение чаще рассматривается как стратегия негативной вежливости, однако в коммуникативной ситуации отказа речь не идёт о покушении на «негативное лицо» собеседника, а лишь на «позитивное». Если обратиться к сути использования речевой стратегии извинения в подобном контексте, то извинение скорее направлено на то, чтобы подчеркнуть, что отказ не связан с неуважением к собеседнику и что говорящему искренне жаль отвергать предложение столь уважаемого им лица. Таким образом, в подобной ситуации извинения скорее являются стратегией позитивной вежливости, нежели негативной. Также в вышеуказанных クッション言葉 содержатся элементы 敬語, направленные на принижение говорящим себя и выражение почтения собеседнику.

Речевая ситуация **несогласия** с собеседником также угрожает его «позитивному лицу», так как может быть воспринята как критика и неодобрение. Для сглаживания риторики при несогласии японцы также склонны выражать сожаление о том, что они вынуждены возразить: *申し上げにくいのですが* «мне тяжело это говорить, но...».

Также существует ряд труднопереводимых *クッション言葉*, используемых в речевой ситуации возражения: фраза *出過ぎたことを申しませんが* применяется преимущественно при разговоре с вышестоящим по статусу лицом и означает, что вы намерены сказать что-то, что не входит в рамки вашей компетенции [5]. Таким образом, можно утверждать, что этой фразой говорящий стремится подчеркнуть, что, несмотря на своё возражение, он всё же находится ниже своего собеседника по статусу и, следовательно, в меньшей степени наделён правом ему возражать. Следовательно, данную фразу также можно отнести к средству позитивной вежливости, так как она направлена на сохранение «позитивного лица» собеседника. То же можно утверждать и о фразе *差し出がましいようですが*, смысл которой также сводится к тому, что говорящий, вероятно, «лезет не в своё дело» [6].

Ещё одной фразой, которую можно использовать в коммуникативной ситуации возражения, является *お言葉を返すようですが*, которую дословно можно перевести как «кажется, я сейчас поправлю Ваши слова, но...». Она применяется в тех случаях, когда слова собеседника расходятся с реальным положением

дел и, если не внести коррективы вовремя, могут возникнуть проблемы в дальнейшем [7]. Эту фразу относят к *敬語表現 кэйごほ:гэн*, поскольку она выражает уважение к собеседнику, несмотря на вынужденное возражение. Соответственно, её целью также служит сохранение «позитивного лица» реципиента.

После рассмотрения использования *クッション言葉* через призму теории вежливости Браун-Левинсона мы можем сделать вывод, что они относятся не только к речевым средствам негативной вежливости, но также и позитивной. Хотя они чаще всего выражают извинения, они применимы не только в рамках речевой стратегии сохранения «негативного лица» реципиента, но и для поддержания его «позитивного лица», так как рассчитаны на уверение собеседника в его значимости в глазах говорящего.

Список литературы

1. Нечаева Л.Т. Воспитание на занятиях японского языка на основе концепта *和*. / Л.Т. Нечаева // Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков. МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, ОСИПЛ, выпускники японской группы 1968 г. – М.: Моногатари, 2013 – С. 259-263.
2. Brown P., Levinson S.. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 358 p
3. *Электронный ресурс:*
3. Родионова А.А. Культурные особенности Японии как фактор формирования корпо-

- ративной этики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277 (дата обращения: 12.12.21)
- クッション言葉とは？クッション言葉の一覧と役立つ場面例 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://go.chatwork.com/ja/column/business_chat/business-chat-144.html (дата обращения: 12.21.21) (на яп.яз)
  - 「出過ぎたことを申しまして」とは？ビジネスでの使い方や敬語や言い換えなど分かりやすく解釈 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cityworks.jp/?p=15543> (дата обращения: 02.12.21) (на яп.яз)
  - 【差し出がましい】の意味とは？使い方・注意点・類語などを例文で徹底解説 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://domani.shogakukan.co.jp/478976> (дата обращения: 22.12.21) (на яп.яз)
  - お言葉を返すようですか」とは？ビジネスメールや敬語の使い方を徹底解釈 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://atarashiikotoba.com/?p=33360> (дата обращения: 21.12.21) (на яп.яз)
  - OSIPL, graduates of the Japanese group of 1968 - M.: Monogatari, 2013 - P. 259-263.
  - Brown P., Levinson S.. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 358 p
  - Rodionova A.A. Cultural peculiarities of Japan as a factor in the formation of corporate ethics. [Electronic resource] // http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277 (accessed: 12.12.21)
  - クッション言葉とは？クッション言葉の一覧と役立つ場面例 [Electronic resource] https://go.chatwork.com/ja/column/business_chat/business-chat-144.html (accessed: 12.21.21) (in Jap.)
  - 「出過ぎたことを申しまして」とは？ビジネスでの使い方や敬語や言い換えなど分かりやすく解釈 [Electronic resource] <https://cityworks.jp/?p=15543> (accessed: 02.12.21) (in Jap.)
  - 【差し出がましい】の意味とは？使い方・注意点・類語などを例文で徹底解説 [Electronic resource] <https://domani.shogakukan.co.jp/478976> (accessed: 22.12.21) (in Jap.)
  - お言葉を返すようですか」とは？ビジネスメールや敬語の使い方を徹底解釈 [Electronic resource] <https://atarashiikotoba.com/?p=33360> (accessed: 21.12.21) (in Jap.)

References

- Nechaeva L.T. Education in Japanese language classes based on the concept 和. / L.T. Nechaeva // Half a century in Japanese studies. Collection of articles and essays. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology,

Сведения об авторе

Сайфуллина Диана Робертовна

Ассистент

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

kyuukai.no.bi@gmail.com

Information about the author

Diana R. Sayfullina

Lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

kyuukai.no.bi@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

**Lexical guessing as a way of mastering vocabulary
at the intermediate level in the study of a foreign language
(on the example of the semantic field “人” “person”
in Vietnamese and Korean)**

**Языковая догадка как способ овладения лексикой
на среднем этапе при изучении иностранного языка
(на примере семантического поля “人” “человек”
во вьетнамском и корейском языках)**

**Хузина Алина Ильшатовна,
Нгуен Хонг Нгок**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

Khuzinaalina27@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8089-4360>

Alina I. Khuzina,

Nguyen Khong Ngok

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: Khuzinaalina27@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8089-4360>

УДК 81-2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-35-45](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-35-45)

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается метод «речевой догадки» как способ овладения лексикой студентами изучающих вьетнамский и корейский как второй и третий языки соответственно. Предлагаемому нами методу «речевой догадки» не уделяют должного внимания. В настоящем исследовании, мы предприняли попытку раскрыть потенциал данного метода в процессе определения смысла слов,

ABSTRACT

This article discusses the method of "lexical guessing" in language learning for students studying Vietnamese and Korean as the second and third languages. However, the suggested method does not receive due attention in teaching foreign languages. Thus, in this study, we attempted to unleash the potential of this method in the process of determining the meaning of words belonging to the semantic field "person" borrowed from the

входящих в семантическое поле “человек” заимствованного из китайского языка “人” (рен) во вьетнамском «người» и корейском «인» языках.

Ключевые слова. «Речевая догадка», лексика, корейский язык, вьетнамский язык, заимствования

Для цитирования: Хузина А.И., Нгуен Х.Н. Языковая догадка как способ овладения лексикой на среднем этапе при изучении иностранного языка (на примере семантического поля “人” “человек” во вьетнамском и корейском языках). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 36-39 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-35-45>

Студентам, изучающим второй и третий языки, необходим высокий уровень владения переводческими навыками. В связи с этим, у студентов необходимо развивать такой навык как «речевая догадка». В нашей исследовательской работе мы планируем рассмотреть метод «речевой догадки» на примере вьетнамского и корейского языков.

Необходимо отметить, что в качестве первого языка понимается тот язык, который был приобретен с рождения. Другими словами, это родной язык обучающихся, а под вторым и третьим языками понимаются неродные языки, изучаемые студентами.

Анализ существующей литературы по данной теме, раскрывает разные взгляды на вопрос использования метода языковой догадки при изучении новой лексики. Дэвис (Davis,

Chinese language “人” in Vietnamese “người” and Korean “인”.

Keywords. “Lexical guessing”, vocabulary, Korean, Vietnamese, borrowings.

For citation: Khuzina A.I., Nguen K.N. Lexical guessing as a way of mastering vocabulary at the intermediate level in the study of a foreign language (on the example of the semantic field “人” “person” in Vietnamese and Korean). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 36-39 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-35-45>

1972, P. 628–678) и (Spearitt, 1972, P. 92–111) и Спирит утверждают, что знание значения слова является одним из важнейших факторов понимания иноязычной речи и текстов. Другие исследователи подчеркивают важность семантического предсказания, а также языковой догадки при изучении нового языка.

Гудман называет процесс изучения лексического аспекта языка психолингвистической игрой в догадку (Goodman, 1967, P. 126–135). Лич рассуждает об неоднозначности роли контекста, при котором потенциальные значения слова сужаются. (Leech, 1974, P. 170–171). Когда значение слова невозможно понять сразу, Смит предлагает метод опосредованного определения значения, для получения значимого контекста. Он предполагает, если человек понима-

ет общий смысл отрывка, содержащий новое слово, то читатель использует значение всего отрывка, чтобы определить значение незнакомого слова. (Smith, 1978, P. 77–79)

О значимости языковой догадки говорят и отечественные лингвисты. Азимов Э.Г. и Щукин А.Н. определяют языковую догадку как способность раскрыть значение незнакомого слова или словосочетания через контекст. Она строится на использовании знаний в области словообразования, сочетаемости слов, умении понять уже известные многозначные слова в новых значениях, на знании интернациональных слов родного и изучаемого языков. (Азимов, 2009, С. 126–130)

Заболотская А.Р. и Мадякина Н.Ю. подчеркивают речевую догадку как значимую составляющую компенсаторной компетенции и способствующей активизации цепочки мыслительных операций, которые, в конечном счете, приводят учащегося к семантизации незнакомой лексической единицы, как на письме, так и в устной речи, считается одним из лингвистических навыков, необходимых для эффективно-го изучения языка. (Заболотская А.Р., Мадякина С.99–109)

Однако существуют теория, утверждающая, что контекст способствует разгадыванию значения незнакомого слова, но не в обязательном порядке. (Foss, 1978, P. 342–343) Так, выявленный нами метод речевой догадки основан на умении подбирать созвучные морфемы из одного языка в другом. В данном случае контекст необходим только для конкретизации значения слова. Так как на одну морфему в ко-

рейском языке можно подобрать до шести созвучных морфем во вьетнамском языке. Это явление объясняется наличием шести тонов во втором языке. Например, морфеме “*타*” из корейского языка, соответствуют три морфемы “*thai, thài, thái*” во вьетнамском языке. Важно отметить, что в корейском языке большая часть морфем имеет смысл, а значение слова вытекает из сочетания значений входящих в его состав морфем. Таким образом, смысл незнакомого слова заложен в нем самом. А выбор подходящей морфемы во вьетнамском языке зависит от оставшейся морфемы, являющейся компонентом слова в корейском языке. Например, слово “*형태*” состоит из двух морфем: *형* и *태*, а морфеме *태* как написано выше соответствуют “*thai, thài, thái*”, чтобы выбрать правильную морфему во вьетнамском языке, нам поможет первая морфема *형*, означающая “*hình*” так как из указанных трех вьетнамских морфем, соответствует только одна смыслообразующая морфема “*thái*” -> *hình thái* - внешний вид, внешний облик. Это еще раз подтверждает, что контекст не играет важную роль в определении смысла незнакомого слова.

Целью нашего исследования является изучение метода речевой догадки как способа овладения новой лексикой на среднем этапе изучения языка и доказать эффективность его использования на практике.

В данной работе были применены следующие методы: *сопоставительный анализ, случайная выборка, обобщение, интерпретация.*

Метод языковой догадки лежит в основе принципа сознательности при изучении

иностранный язык. Данный принцип подразумевает среднее или высокое владение изучаемым языком обучающимися, их умение проводить параллели между языковыми системами родного и иностранного языка или между языковыми системами иностранных языков. Умение находить определенные закономерности в языках, способствуют более быстрому и качественному усвоению лексического материала. В то время как стихийное заучивание закрепляется в кратковременной памяти и быстро забывается.

Предлагаемый нами метод применим в случае последовательного изучения двух иностранных языков, имеющих хотя бы одно сходство: языки входящие в одну языковую семью, либо имеющие в своем лексическом составе заимствованные слова из одного общего языка. Нами было отмечено огромное влияние Китая на историю развития вьетнамского и корейского языков, о чем говорит наличие большого количества китаизмов в рассматриваемых языках (во вьетнамском от 30–60% (Hannas, 1978, P. 77.), в корейском около 60% (Sohn, 2001, P.12–13.).

Языковая догадка - это процесс, который сопровождается семантическими опорами (вербализованными или невербализованными) (Заболотская А.Р., Мадякина, 2018, С.99–109].

А Картон А.С. выделяет следующие виды семантических опор (Картон, 1976, С. 183):

1. Внеязыковая — связана с жизненными и лингвистическими знаниями человека;

2. Внутриязыковая — при помощи словообразовательных элементов, выявляется место и роль в предложении; необходимо знать большую часть суффиксов, аффиксов и префиксов изучаемого языка;
3. Межязыковая — подсказка кроется в словах, заимствованных из одного языка в другой.

Рассматриваемый нами метод языковой догадки полагается на межязыковую опору.

Такие исследователи как Берман И. М., Рогова Г.В. Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е., Большакова Н.Г. выделяют следующие виды речевой догадки:

- *Кумулятивная догадка.* Она опирается на семантическую связь слов в предложении. Догадка о значении незнакомого слова или сочетания происходит благодаря пониманию общего смысла предложения.
- *Догадка по ситуации.* Ситуация может быть дана в описательной или наглядной форме. Во втором случае возникает догадка двойного рода: общая, относящаяся к любой проблемной задаче, и на ее основе — речевая. Здесь речевые факторы выступают в тесном взаимодействии с неречевыми.
- *Догадка на основе знания фактов реальной действительности.* Этот вид речевой догадки, как и догадка по ситуации, весьма распространен на начальном этапе, когда другие, более сложные виды догадки ещё не проявляются.

– В ходе нашего исследования, мы выявили новый вид языковой догадки по принципу созвучия морфем. Как было сказано выше, в анализируемых нами языках, преобладают китаизмы, большая часть которых сохранила близкое звучание и синонимичный смысл.

Далее рассмотрим описанный нами метод на практике. В основе нашего практического материала лежат примеры, взятые из источников открытого доступа, а перевод выполнен авторами исследования.

Для данной работы, были выбраны 15 слов-источников, входящих в семантическое поле “человек”, на основе которых определили значение новых слов. Т.е. морфемы, являющиеся компонентами этих слов, выступают в качестве ключа для расшифровки. Необходимо отметить, что выбранные нами слова содержат в себе морфему-ядро, заимствованную из китайского языка, имеющую значение “человек” (人 -nhân — 인). Слова-источники, приведенные ниже, подчеркнуты, а морфемы-ключи выделены жирным шрифтом.

인형 – 형 – **hình** -> nhân **hình** = búp bê — кукла.

Слово 인형 имеет ядро 인 — “человек”, и ключ 형 — “изображение, вид”. Общее значение слова — “кукла”.

a) 화면이 크고 자판이 없는 형태의 전화기가 유행이에요.

형태 – 태 – thai, thài, thái -> hình thái = ngoại hình, “внешний вид”.

На основе изученного ключа 형, расшифровываем значение нового слова 형태, где 태 — “внешний”. Отсюда слово 형태 имеет значение “внешний вид”.

Loại điện thoại phổ biến nhất là có màn hình lớn và không có bàn phím.

Самый популярный вид телефона — с большим экраном и без клавиатуры.

Все последующие примеры разобраны по вышеописанному принципу.

б) 그는 강간 살인죄로 사형 선고를 받고 한 달 후에 교수형을 당했다.

사형 – 사 – tư, tử, tú/ su, sủ, sự -> tử hình

Anh ta bị kết án tử hình vì tội hiếp dâm và bị treo cổ một tháng sau đó.

Он был приговорен к **смертной казни** за изнасилование и был повешен через месяц.

인정 – 정 – tinh, tình, tính -> nhân tình = tình người — чувство

a) 십 년 동안 우정을 쌓아 온 지수만큼 나를 잘 이해하는 사람은 없다.

우정 – 우 – hữu – hữu tình -> tình bạn — дружба

Không ai hiểu tôi như Ji Soo cả, **tình bạn** của chúng tôi kéo dài mấy chục năm rồi.

Никто не понимает меня так хорошо, как Чжи Су, с которым мы **дружим** на протяжении десятилетий.

6) 그들은 평소 자녀들에 대한 애정이 유독 극진했다.

애정 – 애 – ái -> ái tình = tình yêu, tình cảm
любовь, привязанность

Họ thường rất **tình cảm** với con cái của họ.

Они обычно были очень **привязаны**
к своим детям.

인물 – 물 – vật -> nhân vật — человек, ха-
рактер, личность

a) 나는 시를 통해 일상에서 흔히 볼 수 있
는 모든 **사물**에 생명을 불어넣었다.

사물 – 사 – tư, tử, tứ/ sự, sử, sự -> sự vật —
предмет, вещь

Nhờ có thơ, tôi đã thổi hồn vào những **sự vật**
bao quanh tôi hàng ngày.

Благодаря поэзии я дал жизнь всем **ве-
щам**, которые распространены в повсе-
дневной жизни.

인생 – 생 – sinh -> nhân sinh = cuộc sống —
жизнь

a) 승규는 큰 교통사고를 당해 **생사**의 기로
를 헤매고 있다.

생사 – 사 – tư, tử, tứ/ sự, sử, sự -> nhân tử =
sống chết — жизнь или смерть

Seung Gyu đã gặp tai nạn và hiện giờ đang
lừng lờ giữa sự **sống** và cái **chết**.

Сын Гю попал в крупную аварию и и ви-
сел между **жизнью и смертью**.

인중 – 중 – chung, chủng/ trung, trủng ->
nhân chủng - средний

a) 강의 **중류**는 상류보다 물이 흐르는 경사
가 완만한 것이 특징이다.

중류 – 류 – lưu/ loại -> trung lưu = tầng lớp
trung/ giữa — средний слой, среднее тече-
ние

Đặc trưng của **giữa** dòng sông là một con dốc
nước nhẹ chảy ngược dòng.

Середина реки характеризуется пологим
склоном воды, текущей вверх по течению.

6) 그녀는 어렸을 적부터 **상류** 문화를 동경
해 왔다

상류 – 상 – sang -> sang lưu = cấp cao —
высший класс, верхушка

Cô ấy mơ ước về một nền văn hóa **cao cấp** từ
nhỏ.

Она мечтала о культуре **высокого класса**
с детства.

인류 – 류 – lưu/ loại -> nhân loại — чело-
вечество

a) 나는 계약에 필요한 **서류**를 챙겨서 부동
산으로 갔다.

서류 – 서 – thư -> thư loại = tài liệu — до-
кумент

Tôi lấy các **tài liệu** cần thiết để ký kết hợp
đồng và đến một cơ quan bất động sản.

Я взял **документы**, необходимые для за-
ключения контракта, и пошел в агентство
недвижимости.

기업인 – 기업 – xí **ngiệp** -> xí **ngiệp**
nhân = doanh nhân — предприниматель,
бизнесмен

a) 우리나라의 **공업** 구조는 경공업 중심에
서 중화학 중심으로 바뀌었다.

공업 – 공 – công -> công **ngiệp** —
промышленность

Cơ cấu **công nghiệp** của Hàn Quốc đã được
thay đổi từ công nghiệp nhẹ sang hóa học
nặng.

Промышленная структура Кореи была
изменена с легкой промышленности на
тяжелую химию.

명인 – 명 – **danh** -> danh nhân = thầy —
специалист, знаток, мастер своего дела

a) 일찍이 퇴임한 우리 학과의 **명예** 교수님
께서 특강을 하신대.

명예– 예 – dự, dự -> danh dự — слава,
честь, почтение

Một giáo sư **danh dự** của bộ phận của chúng
tôi, người mà đã nghỉ hưu sớm, đã giảng một
bài đặc biệt.

Почетный профессор нашей кафедры,
рано ушедший на пенсию, прочитал спе-
циальную лекцию.

b) 왕실의 결혼식에 세계 각국의 **유명** 인사
들이 초대되었다.

유명 – 유 – có -> có **danh** = nổi tiếng — по-
пулярность, известность

Những người **nổi tiếng** từ khắp nơi trên thế
giới đã được mời đến đám cưới hoàng gia.

Знаменитости со всего мира были при-
глашены на королевскую свадьбу.

상인 – 상 – thương -> thương nhân = người
buôn bán — торговец

a) 최근 신도시의 교통이 편리해짐에 따라
인근의 **상업** 시설도 증가하고 있다.

상업 -> thương nghiệp = thương mại —
торговля, коммерческая деятельность

Gần đây, khi giao thông trong thành phố mới
trở nên thuận tiện, các cơ sở **thương mại**
trong vùng lân cận cũng tăng lên.

В последнее время, когда движение в но-
вом городе становится удобным, **коммер-**
ческие объекты в окрестностях также
увеличиваются.

10) 토인 – 토 – thổ – thổ nhân = người bản
địa — коренной житель

a) 그 나라는 전쟁을 해서 이웃 나라의 **영토**
를 빼앗았다.

영토 – 영 – lãnh, lãnh -> lãnh thổ — терри-
тория, владение

Đất nước đã chiến đấu và chiếm giữ **lãnh thổ**
của các nước láng giềng.

Страна воевала и захватила **территорию**
своих соседей.

b) 정부의 **토지** 개발 계획에 반대하는 주민
들의 시위가 끊이지 않았다.

토지 – địa -> thổ địa = đất đai — земля, почва

Cuộc biểu tình của người dân chống lại kế hoạch phát triển đất đai của chính phủ vẫn tiếp tục.

Протесты жителей против планов правительства по освоению **земель** продолжались.

11) 악인 – 악 – ác -> ác nhân = người ác — злодей, негодяй

a) 그는 교육을 받지 못해 셈에 약한 사람들만을 대상으로 돈을 버는 **악독** 고리대금업자이다

악독 – độc -> ác độc = độc ác — жестокость, бесчеловечность

Ông là một người cho vay **độc ác** chỉ kiếm tiền cho những người có trình độ học vấn thấp.

Он **порочный кредитор**, который зарабатывает деньги только для тех, кто плохо образован.

b) 학교는 급증하는 구타의 **악습**을 없애고자 교내 폭력 퇴치 캠페인을 벌였다.

악습 – 습 – thói -> thói ác = thói quen xấu — дурная привычка

Nhà trường đã phát động một chiến dịch chống **thói quen** xấu tại học đường để loại bỏ những vụ đánh đập tàn bạo.

Школа начала кампанию по борьбе с **насилием** в школе, чтобы устранить жестокие избиения.

12) 죄인 – 죄 – tội -> tội nhân — преступник, грешник

a) 사람들은 온갖 **죄악**을 저지르고 다니는 그 사내를 욕했다.

죄악 -> tội ác — преступление, грех

Người ta chửi rủa người đàn ông đã phạm đủ mọi **tội ác**.

Люди проклинали человека, который совершил все виды **грехов**.

b) 그의 **모죄**가 입증되었습니다.

모죄 – 무 – vô/không có -> vô tội

Sự **vô tội** của anh đã được chứng minh.

Его **невиновность** была доказана.

13) 애인 – 애 – ái -> ái nhân = người yêu - возлюбленный, любовник

a) 나는 외국에 나가서 성공한 한국인들을 보면 한국인으로서의 자부심과 **애국심**을 느낀다

애국심 – 국 – quốc, 심 – tim, tâm -> ái quốc tâm = yêu nước - чувство патриотизма

Khi tôi ra nước ngoài và thấy người Hàn Quốc thành công, tôi cảm thấy tự hào và **yêu nước**, giống như một người Hàn Quốc.

Когда я приезжаю за границу и вижу успешных корейцев, я чувствую себя гордым и **патриотичным**, как кореец.

14) 성인 – 성 – thánh -> thánh nhân = thần thánh — святой

a) 성당에서는 아름다운 화음의 성가가 울려 퍼졌다.

성가 - 가 - ca -> thánh ca — церковное песнопение

Một bài **thánh ca** đẹp vang lên trong thánh đường.

В соборе звучал прекрасный **хор**.

b) 그녀는 매주 일요일마다 성당에 다닌다.

성당 - 당 - đường -> thánh đường — католическая церковь, часовня

Cô ấy đến **thánh đường** mỗi Chủ nhật.

Она ходит в **церковь** каждое воскресенье.

15) **신인** - 신 - tân - tân nhân = lính mới — новичок, новобранец

a) 지난주에 결혼한 나는 **신혼**의 재미를 즐기기도 못하고 해외로 출장을 가게 됐다.

신 혼 - 혼 - hôn - tân hôn — новобрачные

Tôi vừa mới **tân hôn** vào tuần trước nhưng tôi chưa thể tận hưởng tuần trăng mật của mình kể từ khi tôi đi công tác nước ngoài.

Я **женился** на прошлой неделе, и я не могу наслаждаться медовым месяцем, так как отправился в командировку за границу.

b) 그는 **신입생**이지만 선배들 못지않은 실력을 가지고 있다.

신입생 - 입 - nhập - tân nhập sinh = người mới — новичок

Anh ta là **người mới**, nhưng cũng có những kỹ năng giống như những nhân viên giàu kinh nghiệm hơn.

Он **новичок**, но имеет те же навыки, что и более опытные сотрудники.

Таким образом, на основе 15 слов — источников, методом языковой догадки по принципу созвучия морфем были определены значения 24 новых слов.

В ходе исследования, мы установили значимость метода языковой догадки при изучении лексики иностранного языка. Выявили новый вид данного метода, основанный на принципе созвучия морфем во вьетнамском и корейском языках, заимствованных из китайского языка. Так же нами была выявлена эффективность рассматриваемого метода, заключающаяся во включении мыслительной деятельности в процессе семантизации лексики третьего языка, которая позволяет актуализировать уже имеющиеся лексические знания во втором языке. Метод языковой догадки является современной альтернативой традиционному методу преподавания иностранного языка, который предполагает обычное заучивание слов. Таким образом, вышеописанное явление способствует лучшему закреплению лексических единиц, как второго, так и третьего языка.

Список литературы

1. *Davis, F.* Psychometric research on comprehension in reading // *Reading Research Quarterly*. 1972. № 7. p. 628-678.
2. *Spearitt, D.* Subskills of reading comprehension // *Reading Research Quarterly* 1972. № 8. p. 92-111.
3. *Goodman, K.* (1967) Reading: a psycholinguistic guessing game // *Journal of the Reading Specialists*. 1967. № 4. P. 126-135.
4. *Leech, G.* *Semantics* / G. Leech. — Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1974. 386 p.
5. *Smith, F.* *Understanding Reading, A Psycholinguistic Analysis of Reading and Learning to Read* / F. Smith. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978. 374 p.
6. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Г.Э. Азимов, А.Н. Щукин.-Москва: Изд-во Икар, 2009. с. 361.
7. Заболотская А.Р., Мадякина Н.Ю. Языковая догадка и ее формирование у студентов неязыковых специальностей // *Казанский лингвистический журнал*. 2018. Том 1, №2 (1). С.99-109.
8. *Foss D.J., Hakes D.T.* *Psycholinguistics: An Introduction to the Psychology of Language*. Englewood Cliffs. NJ: Prentice-Hall, 1978. pp. 342-343.
9. *Hannas, W.C.* *Asia's orthographic dilemma*. — University of Hawaii Press, 1997. p. 77

10. *Sohn, Ho-Min.* *The Korean Language*. — Cambridge University Press, 2001. p. 12-13.
11. *Картон А.С.* Роль догадки в процессе пользования языком и в процессе обучения языку // *Методика преподавания иностранных языков за рубежом* / М. 1976. Вып. II. С. 183.

References

1. *Davis, F.* Psychometric research on comprehension in reading // *Reading Research Quarterly*. 1972. № 7. p. 628-678.
2. *Spearitt, D.* Subskills of reading comprehension // *Reading Research Quarterly*. 1972. № 8. p. 92-111.
3. *Goodman, K.* (1967) Reading: a psycholinguistic guessing game // *Journal of the Reading Specialists*. 1967. № 4. P. 126-135.
4. *Leech, G.* *Semantics* / G. Leech. — Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1974. 386 p.
5. *Smith, F.* *Understanding Reading, A Psycholinguistic Analysis of Reading and Learning to Read* / F. Smith. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978. 374 p.
6. *Azimov E.G., Schukin A.N.* *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language learning*. — Moscow: Ikar Publishing House, 2009. p. 361
7. *Zabolotskaya A.R., Madyakina N. Y.* Linguistic guess and its formation for students of non-linguistic specialties // *Kazanskiy lingvisticheskiy jurnal*. 2018. T. 1, №2 (1). P.99-109.

8. *Foss D.J., Hakes D.T.* Psycholinguistics: An Introduction to the Psychology of Language. Englewood Cliffs. NJ: Prentice-Hall, 1978. pp. 342-343.
9. *Hannas, W.C.* Asia's orthographic dilemma. — University of Hawaii Press, 1997. p. 77
10. *Sohn, Ho-Min.* The Korean Language. — Cambridge University Press, 2001. p. 12-13.
11. *Karton A.S.* The role of guessing in the process of using language and in the process of teaching language // Methods of teaching foreign languages abroad. / М. 1976. II. P. 183.

Информация об авторах

Хузина Алина Ильшатовна

Старший преподаватель
Казанский Федеральный Университет
E-mail: Khuzinaalina27@gmail.com

Нгуен Хонг Нгок

Преподаватель
Казанский Федеральный Университет
E-mail: Jenny_kz@mail.ru

Information about the Authors

Alina I. Khuzina

Senior Lecturer
Kazan Federal University
E-mail: Khuzinaalina27@gmail.com

Nguen Khong Ngok

Lecturer
Kazan Federal University
E-mail: Jenny_kz@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;
Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;
Approved after reviewing: 10.02.2024;
Accepted for publication: 25.02.2024

**Terms in the field of the beauty industry
and their etymological features in the Turkish language
(using the example of make-up and care products)**

**Термины в области индустрии красоты
и их этимологические особенности в турецком языке
(на примере средств для макияжа и ухода)**

**Türkçede güzellik alanında kullanılan terminolojinin
etimolojik özellikleri (bakım ve makyaj malzemeleri)**

**Галяутдинова Луиза Михайловна,
Кызылкая Зиля Хайдаровна**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

gluiza@mail.ru

<https://orcid.org/https://0000-0002-1041-1984>

**Luiza M. Galyautdinova,
Zilya Kh. Kizilkaya**

Kazan Federal University

Corresponding author: gluiza@mail.ru

<https://orcid.org/https://0000-0002-1041-1984>

УДК 81-25 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-46-53](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-46-53)

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании проводится анализ терминов в области индустрии красоты и их этимологических особенностей. Терминология была ограничена средствами для макияжа, а также уходовой косметикой. В статье кратко рассматривается история возникновения и применения макияжа. Выборка лексического материала производилась методом контролируемого отбора из современных турецких печатных изданий, каталогов профессиональной

ABSTRACT

This study analyzes the terms in the field of the beauty industry and their etymological features. The terminology was limited to make-up products as well as grooming cosmetics. The article briefly discusses the history of the origin and application of makeup. The selection of lexical material was carried out by the method of controlled selection from modern Turkish printed publications, catalogs of professional cosmetics. In this study, each lexical unit is analyzed from its original form

косметики. В данном исследовании каждая лексическая единица проанализирована от её первоначальной формы до современного употребления в турецком языке.

В выводах приводится соотношение полученных этимологических данных исследуемых терминов.

Ключевые слова: макияж, этимология, турецкий язык, индустрия красоты.

Для цитирования: Галяутдинова Л. М., Кызылкая З.Х. Термины в области индустрии красоты и их этимологические особенности в турецком языке (на примере средств для макияжа и ухода). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 46-53 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-46-53>

to its modern usage in the Turkish language. The conclusions provide a correlation of the obtained etymological data of the studied terms.

Keywords: makeup, etymology, Turkish language, beauty industry.

For citation: Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K. Terms in the field of the beauty industry and their etymological features in the Turkish language (using the example of make-up and care products). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 46-53 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-46-53>

Özet. Bu araştırmada güzellik alanındaki terimler ve etimolojik özellikler analiz edilmektedir. Terminoloji, makyaj ürünlerinin yanı sıra bakım kozmetikleriyle sınırlandırılmaktadır. Makalede kısaca makyaj uygulama tarihçesi anlatılmaktadır. Sözcük seçimi, güncel Türkçe basılı yayınlardan, profesyonel kozmetik kataloglarından kontrollü seçim yöntemiyle gerçekleştirilmiştir. Bu

çalışmada, her sözcük birimi özgün biçiminden Türkçedeki modern kullanımına kadar analiz edilmiştir. Sonuçlar, incelenen terimlerin elde edilen etimolojik verilerinin oranlarını sağlamıştır.

Anahtar kelimeler. Makyaj, etimoloji, Türkçe, güzellik alanı.

Güzellik alanında her zaman saç, sakal bakımının yanı sıra makyaj ve cilt bakımına önem verilmiştir. [1, 1]

'Makyaj' kelimesi etimoloji sözlüğüne göre, Fransızca 'maquillage' — "boya ve güzellik malzemeleriyle görüntüsünü değiştirme" sözcüğünden alıntıdır. Fransızca sözcük, Fransızca maquiller "boyamak, süsleyerek değişik hale sokmak" fiilinden + age son ekiyle türetilmiştir. Türk

Dil Kurumu Sözlüğünde "yüzü güzelleştirmek için boyama, yüz boyama, yüz bakımı" anlamına gelmektedir.[2]

Büyük ihtimalle makyaj sanatına, sihirli ritüeller yol açmaktadır. Şamanlar, insanları kötü ruhlardan korumak üzere yüzlerine ve tenlerine resimleri ve süslemeleri uygulamıştır. Bunlar, savaş öncesi hem düşmanı korkutmak hem de öteki dünyadan yardım alma amacıyla yapılmıştır.

Büyük ihtimalle makyaj sanatına, sihirli ritüeller yol açmaktadır. Şamanlar, insanları kötü ruhlardan korumak üzere yüzlerine ve tenlerine resimleri ve süslemeleri uygulamıştır. Bunlar, savaş öncesi hem düşmanı korkutmak hem de öteki dünyadan yardım alma amacıyla yapılmıştır.

Kozmetiğin (Yun. *kosmetike* — süsleme sanatı) ortaya çıktığı yer olarak Antik Doğu sayılmaktadır. Makyaj, hem erkekler hem kadınlar tarafından uygulanmıştır. Mısır'da kadınlar bakıma önem vermiştir. Kaş kalemi yerine kömür; saç boyası olarak kara boğa kanı; diş macunu olarak ise bitkiler, mineraller ve hayvanların ezilmiş kemikleri ve dişleri kullanılmıştır.

Soylu Antik Romalılar tenlerini beyaz tutmaya çalışmıştır, çünkü yanık tenli kişiler güneşte fazla çalışmaktan yanmış olan köle ve alt tabaka insanları olurdu. Köle konumunda olan makyaj sanatçıları soylu hanımların cildini beyazlatmak için kurşun içeren pudrasını kullanıyorlardı. Fakat o zamanlar kurşunun zehir olduğu bilinmiyordu.

Avrupa'da Orta Çağ döneminde, kozmetik hoş karşılanmadı. Fakat üst katman için bunun önemi çok azdı. Yüzün soluk tonu, yüksek sosyeteeye ait olduğunu gösterirdi.

17. yüzyılda İtalya'da 'zehirli makyaj' ortaya çıkmıştır. Kocalarını öldürmek isteyen kadınlar, yanaklarına arsenik içeren bir toz çeşidini sürmüşlerdir. Kocaları onları yanaklarından öptüklerinde zehirlenirlerdi. Bu, yaklaşık 30 yıl içinde 600 kişinin ölümüne sebep oldu. [3]

Zamanla Fransa da makyaj sanatını özümledi. XVIII yüzyılda, kadın güzelliğinin standardı, damarların görüldüğü ince bir ciltti.

1920'lerde bir moda ikonu olan Coco Chanel güneşte yanmış teniyle bronzlaşmış ten modasına yol açmıştır.[3]

1980'lere makyajın altın çağı denilebilir. Bu dönemde renkli parlak makyaj kullanılmaya başladı. Makyaj malzemeleri artık açık erişimdeydi. 80'lerde renkli kirpikler, farlar ve rujlar, pembe pudra kullanılırdı.

2000'lerin başında bronz ten, metalik gözler ve ince kaşlarla, seksenlerden çok daha sade bir görünüm ortaya çıkardı. 2010'larda ortaya çıkan cinsiyet rollerinin belirsizleşmesi ve artması makyaj alanında kadın ve erkeğin eşit derecede rol almasına yol açtı. Makyaj kavramı, sadece kadınla özdeşleştirilmekten çıktı.[3]

Günümüzde ise makyaj sanatı dünya çapında hızla gelişmekte ve yaygınlaşmaktadır. Çağdaş Türkçede bir kişiye makyajı uygulayana makyöz / makyör / makyaj sanatçısı / make—up artisti / makyajcı denilmektedir. TDK sözlüğüne göre, iyi görüntü sağlamak, belli bir tip yaratmak veya yalnızca bazı düzeltmeler yapmak için oyuncunun yüzünde ve vücudunda yapılan boyama ve değişim yapan kadınlara — '**makyöz**' (Fr *maquilleuse*); iyi görüntü sağlamak, belli bir tip yaratmak veya yalnızca bazı düzeltmeler yapmak için oyuncunun yüzünde ve vücudunda yapılan boyama ve değişim yapan erkeklere — '**makyör**' (Fr *maquilleur*) denilir. [2] Bu iki kelime Türkçeye Fransızcadan geçmiştir.

Güzellik alanında kullanılan terim yelpazesi geniş olduğundan, bu makaledeki sözcükler yüz bakım ürünleri ve kozmetik ile sınırlandırılmıştır. Araştırma sırasında 100 kelime ve kelime grubu seçilerek incelenmiştir.

Makyaj — (Fr *maquillage*) ‘boya ve güzellik malzemeleriyle görüntüsünü değiştirme’ sözcüğünden alıntıdır. [4, 302]

Kozmetik — (Fr *cosmetique*) ‘görüntü güzelleştirmeye ilişkin [sıf.], güzellik müstahzarı [ad]’ sözcüğünden alıntıdır. [4, 276]

Allık — **al** (Öz Tü *Āl*) ‘turuncu renkte ipekli kumaş, turuncu rengi’ [5, 87]. ‘Al (boya)+lık’ eki — ‘Kadınların yanaklarına pembelik vermek için sürdükleri kırmızı boya’. [5,116]

Türkçede alıntı kelimelerin orijinale göre yazma eğilimi git gide artmaktadır. Örneğin:

Highlighter — (İng. *highlighter*) ‘cilt defektlerini kapatmak için uygulanan kozmetik malzemesi’. [6, 612]

Adı geçen kelimenin Türkçe karşılığı ‘aydınlayıcı’ kelimesinin kullanılması dikkat çekmektedir.

Aydınlatici — (Öz Tü *aydıng*) ‘ay ışığı’
>aydın—la—tı—cı [4, 232]

Fondöten — (Fr *fond de teint*) ‘boya zemini, astar’ deyiminden alıntıdır. [4, 165]

Pudra — (Fr *poudre* ‘toz’ sözcüğünden alıntıdır. Fransızca sözcük Latince aynı anlama gelen *pulvis, pulver*— sözcüğünden evrilmiştir. Bu sözcük Hintavrupa Anadilinde yazılı örneği bulunmayan *pel—¹ ‘toz, un’ biçiminden evrilmiştir. [4, 394]

Bronzer — (Fr *bronze*) ‘tunç’ sözcüğünden alıntıdır. [4, 83]

Kontür — **Kontur** — (Fr *contours*) ‘çevre, kenar hattı’ sözcüğünden alıntıdır. [4, 272]

Kapatici — (Tü *kapa*—) ‘örtmek’ kapa + tı+cı [4, 241]

Maskara sözcüğünün ana kaynağı tam belli değildir. Muhtemelen ‘maske’ veya ‘leke’ anlamına gelen İspanyolca *máscara* kelimesinden ve ‘maske’ anlamına gelen İtalyanca *maschera* kelimesinden gelmektedir.

Diğer düşünceye göre 19. yüzyılın ortalarında, Fransızlar Cezayir’in kuzeyinde bulunan eski Muaskar (Ar *معسكر*) şehrinin fethi sırasında antimon tozunu keşfetmişlerdir. Göçebe kabileler onu güzellik ürünü olarak kullanmışlar, aynı zamanda kendilerini çeşitli göz hastalıklarından da korumuşlardır. Arapça *sıx* kökünden gelen *masxara*‘ مسخرة ‘1. şaklabanlık, kepazelik, karnaval, 2. gülünç, soytarı, kepaze’ sözcüğünden alıntıdır. Arapça sözcük *saçıra* سخر “güldü, alay etti” fiilinin ismi merresidir. [4, 308]

Maskara kelimesinin yanı sıra **Rimel** sözcüğü kullanılmaktadır.

Rimel — ‘kirpik boyası markası’ ticari markasından alıntıdır. Bu sözcük *Eugène Rimmel* Fransız kozmetik imalatçısı (1820—1887) özel adından türetilmiştir. [4, 405]

Far — ‘gözkapağı boyası’ Fr *fard* < *farder* ‘makyaj yapmak, yüzünü boyamak’. [4, 155]

Eyeliner — İngilizceden alıntı kelimedir ‘eye (göz)’ + ‘line (çizgi)’ + er (sözcük yapım eki).

Ruj — ‘dudak boyası’ Fr *rouge* ‘kırmızı renk, allık’ sözcüğünden alıntıdır. [4, 408]

Tamlamalar:

Tamlamalar:

Kaş Fırçası: **Kaş** — (Öz Tü *qaş*) 'kaş' [4, 160], **Fırça** — (Yun *bourtsa* ~ OLat *Bruscia*) 'sert ve dikenli çalılık, fırça'. [4, 248].

Göz Kalem — **Göz** — **Öz** Tü *köz* sözcüğünden evrilmiştir. [5, 1100], **Kalem** — Arapça *qlm* kökünden gelen *qalam* قلم "kamıştan yapılmış yazı aracı, kalem" sözcüğünden alıntıdır. [4, 237]

Kaş Kalem — **Kaş** — **Öz Tü** '1. Tepe 2. Gözlerin üstündeki çıkıntı' [4, 248] **Kalem** — yk.bk.

BB krem — İng. *Blemish Balm Cream*, **Krem** — (Fr *creme* '1.kaymak; 2. a.a. ~ OLat *crama*) '1. cildi yumuşatmak için kullanılan merhem, pomat; 2. açık, bej rengi'.

Aynı şekilde **CC krem** — Control Color Cream, **DD Krem** — Daily Defense Cream.

Leke Kremi — **Leke** — Farsça *lakā* لکة '1. ince deri, zar, 2. giyside leke' sözcüğünden alıntıdır [4, 292], **Krem** — yk.bk.

Makyaj Bazı — **Makyaj** — Fransızca *maquillage* "boya ve güzellik malzemeleriyle görüntüsünü değiştirme" sözcüğünden alıntıdır. [4, 302] **Baz** — Fr *base* 'temel, kaide, altlık, taban'. [4, 68]

Transparan Pudra — **Transparan** — Fransızca *transparent* 'şeffaf' sözcüğünden alıntıdır [4, 488]; **Pudra** — Fransızca *poudre* 'toz' sözcüğünden alıntıdır. Fransızca sözcük Latince aynı anlama gelen *pulvis, pulver*— sözcüğünden evrilmiştir. Bu sözcük Hintavrupa Anadilinde yazılı örneği bulun-

mayan **pel*— 'toz, un' biçiminden evrilmiştir. [4, 394]

Likit Kapatıcı — **Likit** — Fransızca *liquide* 'sıvı, akışkan' sözcüğünden alıntıdır [4, 294]; **Kapatıcı** — Öztü *kapa* ('örtmek') + tı+cı. [4, 241]

Likit Ruj — **Likit** — Fransızca *liquide* 'sıvı, akışkan' sözcüğünden alıntıdır [ES, 294]; **Ruj** — dudak boyası Fransızca *rouge* 'kırmızı renk, allık' sözcüğünden alıntıdır [4, 408]

Sıvı Ruj — **Sıvı** — Tü *suvik/sıvık* sulu, akıcı [4, 431], **Ruj** — dudak boyası Fransızca *rouge* 'kırmızı renk, allık' sözcüğünden alıntıdır. [4, 408]

Kirpik Yapıştırıcı — **Kirpik** Öztü *kirpik* sözcüğünden evrilmiştir [4, 262], (yap+ış+tır+ıcı) ot Öztü *jap*— '1. Örtmek, 2. Kapatmak 3. Yapıştırmak'. [7, 235]

Dudak Yağı — **Dudak** < *tudak* < Kıpçak *totak* — *todak* kökü belli değildir. Ağzın, dişleri örten ve dışarıya doğru az veya çok kıvrılan üst ve alt kenarlarından her biri [5, 775], **yağ** — Öztürkçe *yāğ* sözcüğünden evrilmiştir. [4, 512]

Far paleti — **Far** — 'gözkapağı boyası' Fr *fard* < *farder* makyaj yapmak, yüzünü boyamak [4, 155], **Palet** — Fransızca *palette* 'kürekçik, ressamların boya karma küreği' sözcüğünden alıntıdır. Fransızca *pale* 'kürek' sözcüğünün küçültme halisidir. [4, 369]

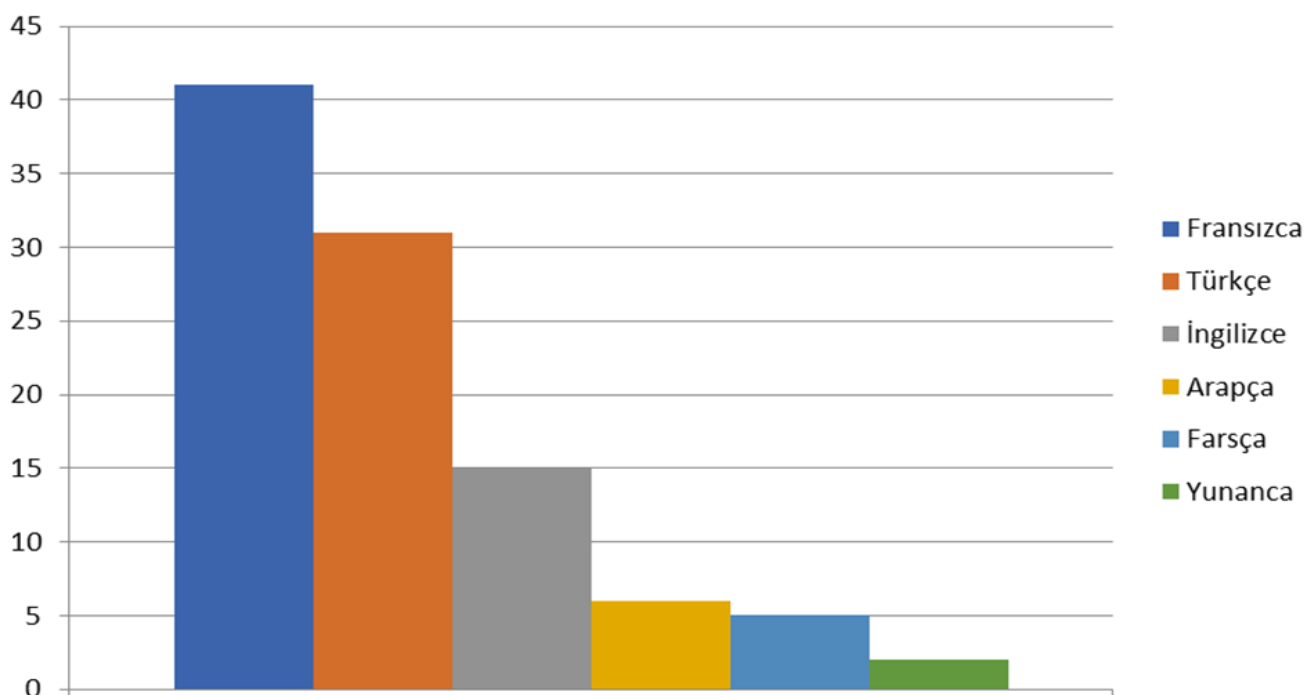
Kaş Şekillendirici Wax — **Kaş** — Öztü '1. Tepe 2. Gözlerin üstündeki çıkıntı' [4, 248]. **Şekil** (şekil+len+dir+mek) — Arapça *şkl* kökünden gelen *şakl* شکل 'biçim, form' sözcüğünden alıntıdır

bulmaktadır. Kimileri ise yabancı haliyle Türkçe harflerle yazılmaktadır.

Aşağıda seçilen terimlerin oranlaması verilmiştir. Grafiğe göre araştırdığımız kelimelerin %41'i Fransızca, %31'i Türkçe, %15'i — İngilizce, %6'sı — Arapça, %5'i — Farsça, %2'si — Yunanca'dan alınan kelimelerdir. Makyaj kültürün

önemli bir parçasını oluşturmaktadır. Ayrıca bir iletişim aracı olarak kabul edilmektedir. Makyajın dünyada yayıldığı dönemlerde kozmetik üreten ülkelerin birincisi olarak Fransa bilinmektedir. Böylece, terimlerin çoğunun Fransızca kökenli olması ortadadır.

Kısaltmalar:

yy.— yüzyıl

yk.bk. — yukarı bakınız

esk — eski

Ar. — Arapça

Far.—Farsça

Fr.— Fransızca

İng.— İngilizce

Öz Tü — Öz Türkçe

Yun.— Yunanca

Список литературы

- 1) Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K.Türkçede Kuaförlük Terminolojisinin Etimolojik Yönleri// Modern Oriental Studies. 2023; Volume 5 (№3). P.13-22
- 2) Türk Dil Kurumu Sözlükleri (sozluk.gov.tr)
- 3) Makyaj Ne Zaman ve Nasıl Ortaya Çıktı? - Ders: Tarih(<https://derstarih.com>)
- 4) Nişanyan S. Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü. İstanbul: Adam Yayınları, 2003 721s. (In Turkish)
- 5) Topaloğlu A. Misalli Büyük Türkçe Sözlük.

İstanbul:MAS Matbaacılık A.Ş.: 2005, 2006, 2008, 2011. (In Turkish)

- 6) Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford university press, Oxford, New York, 2004, 1540 p.
- 7) Eski Türkçe Sözlük (Drevnetyurkskiy slovar).Leningrad, 1969.- 677 s. (In Russian)

References/Kaynakça

- 1) Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K.Türkçede Kuaförlük Terminolojisinin Etimolojik Yönleri// Modern Oriental Studies. 2023; Volume 5 (№3). P.13-22
- 2) Türk Dil Kurumu Sözlükleri (sozluk.gov.tr)
- 3) Makyaj Ne Zaman ve Nasıl Ortaya Çıktı? - Ders: Tarih(<https://derstarih.com>)
- 4) Nişanyan S. Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü. İstanbul: Adam Yayınları, 2003 721s. (In Turkish)
- 5) Topaloğlu A. Misalli Büyük Türkçe Sözlük. İstanbul:MAS Matbaacılık A.Ş.: 2005, 2006, 2008, 2011. (In Turkish)
- 6) Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford university press, Oxford, New York, 2004, 1540 p.
- 7) Eski Türkçe Sözlük (Drevnetyurkskiy slovar).Leningrad, 1969.- 677 s. (In Russian)

Сведения об авторах

Галяутдинова Луиза Михайловна,
Старший преподаватель
Казанский федеральный университет
РФ, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская,18
gluiza@mail.ru

Кызылкая Зиля Хайдаровна

Ассистент

Казанский федеральный университет
РФ, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская,18
zilyakizilkaya@gmail.com

Information about the authors

Luiza M. Galyautdinova

Senior Lecturer, Institute of International
Relations
Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya street
gluiza@mail.ru

Zilya Kh. Kizilkaya

Assistant, Institute of International Relations
Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya street
zilyakizilkaya@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

Bulent Ecevit: From Social Democrat to Leader of Turkey — the Path to Political Maturity

Бюлент Эджевит: от социал-демократа до лидера Турции — путь к политической зрелости

**Курочкин Руслан Владимирович¹,
Валеев Рамиль Миргасимович²**

¹Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

valeev200655@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0964-3543>

<https://orcid.org/0000-0003-3462-6469>

**Ruslan V. Kurochkin¹,
Ramil M. Valeev²**

¹Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov,

Kazan, Russia

² Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author: valeev200655@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0964-3543>

<https://orcid.org/0000-0003-3462-6469>

УДК 93 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-54-66](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-54-66)

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной статьи заключается в исследовании политической траектории Бюлента Эджевита, турецкого политика, и его заметном преобразовании взглядов и действий за три десятилетия активной политической деятельности. Цель работы заключается в выявлении ключевых факторов, определивших его успехи и неудачи в политике. Для достижения цели использовались анализ биографии Эджевита, его политических выступлений, исследование взаимоотношений с вооруженными силами и религиозными институтами, а также анализ результатов выборов и общественного мнения.

ABSTRACT

This article explores the political trajectory of Bulent Ecevit, a Turkish politician, and his notable transformation in views and actions over three decades of active political engagement. The study aims to identify key factors that have influenced his successes and failures in politics. To achieve this goal, the analysis of Ecevit's biography, political speeches, examination of his relations with the armed forces and religious institutions, as well as the analysis of election results and public opinion were utilized.

The research revealed that Ecevit consistently advocated for the interests of the working class and the underprivileged, projecting an image

В результате исследования выяснилось, что Эджевит всегда выступал за интересы рабочего класса и малообеспеченных слоев населения, создавая образ "человека из народа и для народа". Его харизма и личные качества были значимыми факторами в его политической карьере. Изначально сторонник социал-демократических ценностей, он стал национальным героем после вторжения турецких войск на Кипр и выстроил образ патриота. Однако несмотря на успехи и лидерские качества, его трансформация в политике не сопровождалась созданием устойчивой организации, способной продолжить существование после его ухода с политической арены.

Выводы статьи указывают на важность опыта и зрелости в политической карьере Эджевита, его способность к компромиссам и лидерскому мастерству, а также на необходимость создания институционально устойчивых политических движений для долгосрочных успехов. Данное исследование позволяет более полно понять политическую личность Бюлента Эджевита и его значимость в турецкой политике.

Ключевые слова: Бюлент Эджевит, социал-демократия, левоцентризм, Народно-республиканская партия, Демократическая левая партия.

Для цитирования: Курочкин Р.В., Валеев Р.М. Бюлент Эджевит: от социал-демократа до лидера Турции — путь к политической зрелости. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 54-66 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-54-66>

as "a man of the people and for the people." His charisma and personal qualities played significant roles in his political career. Initially, a proponent of social-democratic values, he emerged as a national hero after the Turkish invasion of Cyprus, cultivating a patriotic image. However, despite his successes and leadership qualities, his political transformation was not accompanied by the establishment of a sustainable organization capable of surviving after his departure from the political arena.

The article's conclusions emphasize the importance of experience and political maturity in Ecevit's career, his ability to compromise and exhibit leadership skills, as well as the necessity of creating institutionally stable political movements for long-term success. This study provides a deeper understanding of Bulent Ecevit's political persona and his significance in Turkish politics.

Keywords: Bulent Ecevit, social democracy, left-centrism, Republican People's Party, Democratic Left Party

For citation: Kurochkin R.V., Valeev R.M. Bulent Ecevit: From Social Democrat to Leader of Turkey — the Path to Political Maturity. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 54-66 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-54-66>

Мустафа Бюлент Эджевит (1925 – 2006) являлся одной из самых значимых персоналий на турецкой политической арене: четырежды премьер-министр Турции, лидер Республиканской народной партии, идейный вдохновитель и лидер Демократической левой партии Турции, поэт и писатель.

Начав свой политический путь как депутат от Анкары в Республиканской народной партии в 1957 г., уже в 1961 занимает пост министра труда на протяжении трёх лет. Зарекомендовав себя в качестве ответственного, интеллигентного, харизматичного политика, в 1966 г., при поддержке лидера партии Исмета Инёню, становится генеральным секретарем РНП, представляя её левое крыло. После военного меморандума (переворота) 12 марта 1971 г. в партии между Инёню и Эджевитом возникает идеологический конфликт: первый поддерживал движение военных, а Эджевит подал в отставку в качестве протеста. 4 мая 1972 г. на съезде РНП он смещает с должности Исмета Инёню и становится новым лидером партии (Архив сайта НРП).

Авторитет Эджевита внутри партии постепенно возрастал в связи с растущей популярностью левоцентристской идеологии. В начале своей политической карьеры, в период глобального расцвета социалистического движения, Эджевит сталкивался с дилеммой: он разделял некоторые идеалы социализма, однако при этом стремился сохранить приверженность к кемалистской идеологии. Для решения этой проблемы было создано движение «левее центра», которое позже получило характери-

стику «левого национализма». Это движение позволило Эджевиту объединить идеи социализма с основными принципами кемализма и привлечь поддержку внутри партии (Андреев 2021, 503).

Экономическая политика Эджевита

Идеология «левее центра» призывает, помимо прочего, к коллективному способу производства, например, коллективные хозяйства в деревнях и поселках, равно как и промышленным производственным кооперативам. Первоначальной целью являлось улучшения благосостояния нижней прослойки общества. Эджевит утверждал, что народное правительство может быть установлено только при улучшении экономического положения общества (Kili 1976, 431).

Главное отличие его «левоцентристской» идеологии от марксистских взглядов заключалось в том, что он намеревался работать внутри рыночной, капиталистической модели экономики, с целью её дальнейшего реформирования. Вместо призывов к искоренению капитализма, НРП хотела распределять доходы всего населения внутри капиталистической системы путем создания мер социальной защиты, пособий по безработице, медицинских льгот, а также социальные программы для защиты интересов домохозяек. Самое важное, что данная идеология признавала существование социальных классов, но не искала пути поощрения какой-либо формы классового противостояния (Kiniklioğlu 2000, 3).

НРП склонилась к левому движению, о чем свидетельствует участие партии в Социалистическом интернационале. В свое время,

партия пришла к акцентуализации популизма и демократии (Ayata 1992, 87). Взгляды Эджевита касательно классов менялись в течение 60-х г. XX в. Изначально, он не поощрял классовую борьбу. Например, в 1961 г. он утверждал, что РНП защищает права рабочих без создания атмосферы классовых различий. В 1970-х Рабочая партия Турции привлекла широкое внимание среди возрастающего электората с классовой парадигмой. Движение студентов, равно как и турецкая интеллигенция в целом отдавала всё большее предпочтение левой/социалистической политике. Таким образом, Эджевит начал ощущать потребность в смещении курса партии к левому движению. К 1971 г. он отмечал, что «классовая борьба является неизбежным итогом демократии» (Mirkelamoğlu 1977, 395).

В 1970-х годах Мустафа Бюлент Эджевит выказывал явную приверженность к рабочему классу, что подтверждает его ряд утверждений. В 1975 году он заявил о своей вере в то, что турецкое общество достигнет народовластия с лидерством рабочего класса (там же, 398). В 1976 году он задал вопрос: «Какое место будет отведено работодателю, когда мы создадим народное правительство? Я говорю об этом открыто, как демократическая левая партия мы не будем искать золотую середину касательно этого вопроса» (там же, 399). В отличие от кемалистской концепции популизма, которая была нейтральна по отношению к социальным классам, Эджевит утверждал, что социальная несправедливость обусловлена неравенством между классами (Ayata 1992, 87).

Принятие более социалистического дискурса Эджевитом не означает отказ от движения "левее центра", но свидетельствует о более радикальной его интерпретации. Он подчеркивал необходимость борьбы с социальной несправедливостью и стремился к созданию народного правительства с активным участием рабочего класса. Это позволяет нам лучше понять его эволюцию политической мысли в течение того периода и его стремление к национальному прогрессу и социальной справедливости.

На протяжении 1970-х турецкие правые политические силы особенно критиковали Эджевита за то, что его экономическая политика не принесла роста в промышленном и аграрном секторах (там же, 90). Экономические взгляды Мустафы Бюлента Эджевита, на практике показали недостаток комплексности. В своих предложениях о предоставлении льгот рабочим и непривилегированным слоям населения, он мало обращал внимание на возможные отрицательные последствия для тех, кто мог пострадать от таких мер. Его экономическая политика стала крайне непопулярной среди представителей крупного бизнеса. В 1979 году крупные компании усугубили уже и без того тяжелое положение турецкой экономики, начав создавать искусственный дефицит продовольственных товаров первой необходимости, что только усилило хроническую нехватку товаров на рынке (Bila 1999, 331).

Б. Эджевит, сосредотачиваясь на интересах рабочего класса и непривилегированных слоев, не смог обеспечить должного баланса в экономической политике, что стало причиной

возникновения оппозиционных настроений среди представителей крупного бизнеса. Его непопулярные меры, направленные на улучшение положения малообеспеченных граждан, вызвали неодобрение бизнес-сообщества и, в конечном итоге, стало причиной сильного напряжения в экономике страны. Эта политика также стала одной из причин, способствовавших ухудшению общего экономического состояния Турции в тот период.

Конфронтация с крупным бизнесом в конечном счете привела к краху правительства в 1979 г., в результате чего Эджевит осознал, что достаточно сложно удерживать власть и в то же время ущемлять интересы представителей крупного бизнеса. С этого момента Эджевит публично выразил своё сожаление в связи с таким ходом развития событий. Также, с тех пор начали ходить подобного рода слухи, что как только Бюлент Эджевит становится премьер-министром, что-то ужасное происходит с экономикой (Kiniklioğlu 2000, 4).

В результате напряженной ситуации в стране, комплексного экономического кризиса, роста антиправительственных настроений в обществе 12 сентября 1980 г. военные структуры во главе с Кенаном Эвренем смещают гражданское правительство. Была запрещена любая политическая активность, деятельность политических организаций и партий также была приостановлена. 30 ноября 1980 г. Бюлент Эджевит покидает пост главы Республиканской народной партии. В результате своих высказываний против захвативших власть военных структур, Эджевит оказывается под домашним

арестом. Тем не менее, бывший премьер не ушёл из политики. На протяжении последующих нескольких лет Эджевит будет формировать свой новый политический курс, результатом которого станет создание своей политической организации — Демократической левой партии Турции.

После событий начала 1980-х гг. позиции Эджевита по экономическим вопросам, кажется, не претерпели существенных изменений, хотя, он если и не отказался от риторики классового сознания, то, как минимум, ослабил её. Его программа ДЛП в основном критикует вновь введенную либеральную, свободную рыночную экономику, превратившуюся в "дикий капитализм", омраченный кумовством, nepotism и коррупцией. В программе ДЛП можно увидеть несколько интересных примеров, которые помогут отобразить прогресс Эджевита, если таковой имеется, в области экономической политики. Его отношение к модели либерального свободного рынка резюмируется в программе следующим образом:

"Эта система ... в частности, пытается навязать этот либеральный экономический фарс некоторым развивающимся странам, которые борются с огромным внешним долгом; которая, на самом деле, лишена свободных ценностей либерализма и пытается заставить народ молчать, на которого она наводит тягости и невзгоды. Она ослабляет государство в экономике и в социальной сфере и препятствует развитию демократии, укрепляя государство в столь высокой степени в политической арене, что оно не соответствует самой

демократии. Таким образом, она навешивает тень на наш современный мир своим ненадлежащим использованием и режимом диктатора" (DSP Program...).

К 1990-м годам Эджевит пришел к пониманию пользы либеральной экономики для национального развития Турции и стремился к образу социал-демократического государства Западной Европы. В программе выборов 1991 года ДЛП, Эджевит предложил экономическую программу, снова выделяющую сельский и рабочий класс, и говорил о необходимости "справедливого порядка", хотя подробностей о том, что он собой представляет, не было. Он хотел предоставить больше социальных льгот низшему классу и увеличить роль государства в ключевых секторах экономики. Он выступал против полной приватизации и предложил сделать некоторые государственные предприятия автономными. В сельском хозяйстве Эджевит поддерживал свою кооперативную модель, которая радикально реструктурировала сельскохозяйственный сектор. Интересно, что программа ДЛП подчеркивала необходимость "понимания" серой экономики/теневого рынка и предлагала "расширить" ее "в рамках здоровых и справедливых правил" (Demokratik Sol Parti programı 1991).

Финансовые советники и министры Эджевита в 55 и 56 правительствах проявили активность и рвение в осуществлении новых экономических политик. Назначение З. Темизеля министром финансов указывало на поддержку экономических приоритетов Эджевита. Темизель начал комплексную налоговую реформу,

направленную прежде всего на крупный бизнес, в частности, на банковский сектор, который долго считался источником затрат бюджета, пользуясь прибыльными казначейскими облигациями. Реформа также включала строгие меры, направленные на введение работоспособной системы регистрации налогоплательщиков и более эффективную систему сбора налогов, и, что самое важное, предусматривала отчетность о состоянии благосостояния (где граждане должны были предоставить доказательства происхождения своего состояния). Однако, мощные силы теневого рынка приложили все усилия, чтобы противостоять пакету Темизеля. Под предлогом глобального финансового кризиса пакет Темизеля был ослаблен, и его самый важный пункт — обязательность отчетности о доходах, был отложен на три года (Kiniklioğlu 2000, 5).

Экономическая политика Эджевита резко изменилась, когда он стал премьер-министром 57 правительства с мая 1999 года. После победы ДЛП 18 апреля, Эджевит столкнулся с трудной задачей исправить экономику, подверженную нестабильному циклу внутреннего государственного долга. Ожидалось начало серьезных переговоров с Международным валютным фондом (МВФ) о соглашении на поддержку, причем были предложены несколько предварительных условий МВФ, включая реформу системы социального обеспечения и конституционную поправку, признающую юрисдикцию международного арбитража. Реформа социального обеспечения направлялась на повышение пенсионного возраста до 60 лет для мужчин и 58 лет для женщин, закон был принят

несмотря на значительное общественное сопротивление.

Далее возникли разногласия, когда правительство Эджевита провело конституционную поправку, известную как "Закон о международном арбитраже" от 5 июля 2001 года (Международный арбитраж...). Он включал положения о механизмах международного арбитража, которые являются ключевыми мерами безопасности для крупного бизнеса при инвестировании в зарубежные страны. Закон вызвал интенсивные дебаты в парламенте и почти разделил страну на два лагеря. Эджевита обвинили в том, что он продал страну ради интересов многонациональных корпораций. Компромисса удалось достигнуть только тогда, когда Эджевит согласился на поправку, которая может облегчить возвращение в политику запрещенного исламистского лидера Неджметтина Эрбакана. Однако характер нового идеологического дискурса Эджевита перед принятием закона был, по меньшей мере, примечательным. Ещё 4 августа 1999 года он резко высказался в отношении противников законопроекта. Обращаясь к своей парламентской группе, Эджевит также воспользовался возможностью выступить с критикой левых и отказаться от своего прошлого. Он сказал: *"Некоторые думают, что реагировать против каждого нововведения означает быть прогрессивным или революционером. В прошлом они противостояли цветным телевизорам, многоканальным телевизорам, мосту через Босфор и считали это верным признаком левого. Однако даже коммунистический Китай соглашается на международный арбитраж"* (Там же, 6).

Более того, ранее Эджевит заявлял, что его партия "Благодаря Всевышнему" отказалась от строгого понимания этатизма и стала представлять современное левое движение в Турции. Однако, после подобного разворота, на Эджевита обрушилась критика за нарушение национального суверенитета Турции. Его оптимизм по поводу влияния "Закона о международном арбитраже" был расценен как слишком наивный. Новое правительство также ввело комплексный налог на землетрясения, который в основном затронул банковский сектор (Situation ...). Тем не менее, Эджевит продолжал придерживаться многих из своих прежних убеждений, таких как поддержка малоимущих и рабочего класса, однако он готов отказаться от них в пользу прагматизма, что проявилось в его политике реформы социального обеспечения.

Эджевит и вооруженные силы

Исследование отношений Мустафы Бюлента Эджевита с вооруженными силами Турции показывает его приверженность гражданскому правительству и дистанцию от военной сферы. В 1971 году военный переворот вызвал серьезное разногласие между Эджевитом и председателем Республиканской народной партии (НРП) Исметом Инёню. Опираясь на свои демократические убеждения, Эджевит не поддержал Инёню в его решении поддержать правительство, назначенное военными. Этот инцидент привел к лидерской борьбе в НРП, в результате которой Эджевит одержал победу над Инёню и стал лидером партии. Отношения Эджевита с вооруженными силами изменились

после вмешательства Турции на Кипре в 1974 году. Эджевит начал ценить патриотизм и организационные качества военных, что привело к уважению, которое оказали ему вооруженные силы: в период после переворота 1980 года Эджевит был единственным лидером, который мог активно противостоять военной власти (Çalışlar 1989).

Отношения Мустафы Бюлента Эджевита с вооруженными силами Турции обозначают ярко выраженную двойственность. Он проявляет определенный уровень уважения к вооруженным силам, однако не одобряет их прямое вмешательство в политику. В период после конституционных изменений 1980 года, которые придали вооруженным силам более влиятельное положение в турецком политическом процессе, Эджевит принял текущее положение вещей и, в определенных рамках, одобряет особую роль вооруженных сил как заинтересованной группы в турецкой политике.

В своих выступлениях 1989 года Эджевит выразил свою критическую позицию по отношению к турецким вооруженным силам и их роли в обществе. Он подчеркнул консервативный характер вооруженных сил и подверг осуждению гражданские элиты, которые считали их реформистами. В 1990-х годах влияние вооруженных сил в Турции стало более явным, особенно из-за восстания курдов, а также открытой оппозиции реисламизации общества. Кульминацией влияния армии стало событие 28 февраля 1997 года, когда Национальный Совет Безопасности принял ряд меморандум против анти-секуляристских действий правитель-

ства Эрбакана (Çandar 1997). Тем не менее, Эджевит поддержал принятые меры, выразив свою поддержку солдатам, действующим «в рамках закона». Также он открыто критиковал Эрбакана за то, что тот не был способен быть приверженным принципу лаицизма. В общем и целом, реакция Эджевита, что он считает мягкое вмешательство вооруженных сил законным в рамках конституции (Kiniklioğlu 2000, 9).

Отношения Эджевита с вооруженными силами стали особенно благоприятными после успешного задержания лидера Рабочей Партии Курдистана, Абдуллы Оджалана, произошедшее 15 февраля 1999 г. во время его пребывания на посту в качестве премьер-министра (Пирожков 1999). Однако Эджевит все равно продолжает призывать к сохранению армии вне полемики повседневной политики, подчеркивая важность обеспечения внутреннего порядка Вооруженных Сил Турции и оставления их автономности.

Отношения Мустафы Бюлента Эджевита с вооруженными силами Турции не всегда были гладкими. Несмотря на то, что Эджевит последовательно поддерживал армию в вопросах борьбы с угрозами антисекулярных действий, он не соглашался с вооруженными силами относительно статуса движения Фетхуллага Гюлена — аскетического исламского движения «Хизмет» суфийского направления, который проповедует учения Саида Нурси. Организация Фетхуллага Гюлена быстро развивалась и приобретала все большую легитимность с 1980-х годов, однако армия считала его угрозой для лаицизма. Встречи Бюлента Эджевита

с Фетхуллахом Гюленом вызвали большую критику, особенно со стороны главного оппонента — НРП. Тем не менее, позиция Демократической левой партии о "лаицизме с уважительным отношением к религиозным убеждениям" не совпадает с восприятием армией угрозы от Хизмет, и несмотря на различия во взглядах, Эржевит все равно относится с уважением и более зрелым подходом к роли вооруженных сил в турецкой политике. В качестве лидера ДЛП, Эржевит заявил о решительном отходе от линии НРП, предпринимая более мягкий подход к исламу. Эржевит долгое время считал ислам важным фактором в турецком обществе, а потребность в квалификации и разъяснении термина "лаицизм" указывает на его убеждение, что секуляризм сам по себе стал означать отдаленность и / или враждебность к религии (Kiniklioğlu 2000, 11).

Эржевит и внутрипартийная деятельность

На протяжении своей политической карьеры Бюлент Эржевит сталкивался с различными вызовами и противостояниями внутри своей партии – НРП и позднее Демократической левой партии (ДЛП). В 1972 году на пятом съезде НРП Эржевит смог победить в борьбе за руководство партии, предлагая больше внутрипартийной демократии и открытости. В то время как его подход был успешен, с течением времени он сконцентрировал власть в своих руках, вызывая оппозицию и подозрения внутри партии.

После военного переворота в 1980 году Эржевит столкнулся с политической пустотой

в стане левоцентристских сил. Вместо того чтобы присоединиться к бывшим членам НРП, он создал ДЛП, где почти все власть была сконцентрирована в его руках и руках его жены. Эржевит стремился уйти от влияния фракций внутри партии и уже поддерживал более мягкий подход к исламу, но его личные решения и недостаток институциональной структуры вызывали критику и неудовлетворенность (Kiniklioğlu 2000, 12).

Самой значительной неудачей Эржевита в области внутрипартийной демократии стала его концепция "ограниченного членства" в партии, в которой центральный орган ограничивает количество партийных членов в провинциальных отделениях, тем самым полностью контролируя провинциальные структуры и съезды партии. Эта практика вызывала недовольство, когда в 1996 году в Анкаре несколько членов партии не могли получить членские билеты из-за необоснованно долгого срока получения. Было обнаружено, что сотни тысяч "членов" партии никогда не были официально зарегистрированы главным штабом. Эржевит и его жена стояли за этой операцией, во множестве провинций позволяя лишь доверенным лицам быть членами партий. По словам генерального секретаря партии, это ограничение членства и неудачи в создании новых отделений свидетельствуют о том, что Эржевит рассматривает партийные структуры как простой формализм, необходимый для участия в выборах. В 1996 и 1997 годах, когда популярность ДЛП росла, требования к демократизации внутрипартийной деятельности становились все более строгими, и скрывать внутреннее состояние партии

становилось все труднее (Kiniklioğlu 2000, 13).

Структура главного штаба и исполнительного органа партии Эджевита также заслуживает внимания. Организационный уровень этих людей можно назвать недостаточным, хотя они были чрезвычайно преданны и играли значительную роль в сохранении власти в руках Эджевита. Эджевит не терпел ни малейшего проявления самостоятельности со стороны партийных чиновников. Съезды ДЛП не являются местом обсуждений и принятия решений, это собрания, где Эджевит сообщает членам партии о своих решениях. Хотя он публично отрицает такую практику, фактически серьезные обсуждения в партии не происходили. Несмотря на это, в результате уникальных обстоятельств, включая задержание вышеупомянутого А. Оджалана, ДЛП одержала победу на выборах в апреле 1999 года. Требования большей демократии внутри партии продолжают существовать, и вопросы обсуждаются внутри страны в целом. Хотя партия Эджевита и одержала победу, внутри ДЛП все еще наблюдался недостаток демократии и отсутствие настоящих дискуссий. Эджевит не смог создать политическое движение, которое бы представляло собой хорошо функционирующую организацию и институциональную структуру. Вместо этого он выбрал путь наименьшего сопротивления, упустив великую историческую возможность изменить судьбу страны и стать силой, способной оказать влияние не только на Турцию, но и на более широкую географию (Alpay 1999).

Заключение

Бюлент Эджевит прошел значительное

преобразование как политик. Он всегда работал на благо рабочего класса и малообеспеченных слоев населения, отдавая предпочтение простому образу жизни и выстраивание образа "человека из народа и для народа". Его харизма и личные качества были ценными политическими ресурсами. За три десятилетия активной политической деятельности он пережил заметное изменение в своих взглядах и действиях. Он начинал как сторонник социал-демократических ценностей, но стал национальным героем после вторжения турецких войск на Кипр, выстраивая образ патриота. Его успехи в качестве лидера ДЛП были обусловлены личной решимостью и соответствием его политических взглядов тяжёлым реалиям середины 1990-х годов. Трансформация его политического курса пришла с опытом и зрелостью, включая более мягкое отношение к вооруженным силам и религии в турецком обществе. Его идеологию во время пребывания на посту премьер-министра в 1999-2002 гг. можно охарактеризовать как прагматичную «социальную демократию по-турецки». Его успехи в политике подтверждают его взросление и способность к компромиссам. Однако ему так и удалось создать институционально устойчивое политическое движение, способное продолжить свое существование после его ухода.

Список литературы

1. История НРП. Архивированная страница официального сайта Народной республиканской партии Турции. <https://web.archive.org/web/20131226071536/http://www.chp.org.tr/>

- page_id=67&page=17 (Дата обращения 04.05.2023)
2. Андреев М.В. Образы "Евразии" в турецкой геополитической мысли. *Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского*. 2021; Санкт-Петербург: Издательство ВВМ. С. 499-515.
  3. Kili, S. 1960-1975 Doneminde Cumhuriyet Halk Partisinde Gelişmeler. Istanbul: Bogaziçi Universitesi Yayinlan, 1976.
  4. Kiniklioğlu, S. Bülent Ecevit: The transformation of a politician. *Turkish Studies*. 2000; 1(2), 1-20 s.
  5. Ayata, A.G. CHP Örgüt ve ideoloji. Ankara: Gündoğan Yayınları, 1992. 315 s.
  6. Mirkelamoğlu, N. Ecevit Ecevit'i Anlatıyor. İstanbul: Kervan Yayınları, 1977. 579 s.
  7. Bila, H. CHP 1919-1999. Istanbul: Doğan Kitapçılık, 1999. 462 s.
  8. DSP Program. Ankara: Tekin Yayınevi, 1985. pp. 74-5.
  9. Demokratik Sol Parti programı [1991]. <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/handle/11543/537> (Дата обращения 21.07.2023)
  10. Международный арбитраж. Информация о международном арбитраже от Aceris Law LLC <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/international-arbitration-in-turkey/> (Дата обращения 21.07.2023)
  11. Situation Report 13: Düzce Earthquake, Turkey <https://reliefweb.int/report/turkey/situation-report-13-duzce-earthquake-turkey> (Дата обращения 21.07.2023)
  12. Oral Çalışlar. Liderler Hapishanesi. Istanbul: Milliyet Yayinlan, 1989. 272 s.
  13. Пирожков Д. Операция «Длинные руки». Журнал *Коммерсантъ власть*, 1999. <https://www.kommersant.ru/doc/15199> (Дата обращения 21.07.2023)
  14. Çandar, C. Post-modern darbe, Sabah 27 Haziran 1997. <http://arsiv.sabah.com.tr/1997/06/28/y12.html> (Дата обращения 21.07.2023)
  15. Alpay, S. CHP tavir alamadi. Milliyet, Oct. 1, 1999, s. 20.
- ## References
1. History of CHP. Archived page from the official website of the Republican People's Party of Turkey. https://web.archive.org/web/20131226071536/http://www.chp.org.tr/?page_id=67&page=17 (Accessed May 4, 2023)
  2. Andreev M.V. Images of "Eurasia" in Turkish Geopolitical Thought. *Political Geography and Geopolitics in Russia: Historical Experience and Contemporary Challenges: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of*

- the prominent Russian geographer V.P. Semenov-Tyan-Shansky. 2021; St. Petersburg: VVM Publishing House. Pp. 499-515.
3. Kili, S. Developments in the Republican People's Party during the 1960-1975 period. Istanbul: Bogazici University Publications, 1976.
  4. Kiniklioğlu, S. Bülent Ecevit: The transformation of a politician. Turkish Studies. 2000; 1(2), 1-20.
  5. Ayata, A.G. CHP Organization and Ideology. Ankara: Gündoğan Publications, 1992. 315 p.
  6. Mirkelamoğlu, N. Ecevit Tells Ecevit's Story. Istanbul: Kervan Publications, 1977. 579 p.
  7. Bila, H. CHP 1919-1999. Istanbul: Doğan Publishing, 1999. 462 p.
  8. DSP Program. Ankara: Tekin Publishing House, 1985. Pp. 74-5.
  9. Democratic Left Party program [1991]. <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/handle/11543/537> (Accessed July 21, 2023)
  10. International Arbitration. Information on international arbitration from Aceris Law LLC. <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/international-arbitration-in-turkey/> (Accessed July 21, 2023)
  11. Situation Report 13: Duzce Earthquake, Turkey <https://reliefweb.int/report/turkey/situation-report-13-duzce-earthquake-turkey> (Accessed July 21, 2023)
  12. Çalışlar, O. Prison of Leaders. Istanbul: Milliyet Publications, 1989. 272 p.
  13. Pirozhkov, D. Operation "Long Arms". Journal *Kompanovost' Vlast'*, 1999. <https://www.kommersant.ru/doc/15199> (Accessed July 21, 2023)
  14. Çandar, C. Post-modern coup, Sabah 27 June 1997. <http://arsiv.sabah.com.tr/1997/06/28/y12.html> (Accessed July 21, 2023)
  15. Alpay, S. CHP could not take a stand. *Milliyet*, Oct. 1, 1999, p. 20.
- ### **Сведения об авторах**
- Курочкин Руслан Владимирович**
Старший преподаватель
Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова
Казань, ул. Московская, д. 42.
ruslankurochkin@gmail.com
- Валеев Рамиль Миргасимович**
профессор, д.ист.наук
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, ул. Пушкина, д. 1/55
valeev200655@mail.ru
- ### **Information about the authors**
- Ruslan V. Kurochkin**
Senior Lecturer
Kazan Innovative University named after V.G.
Timiryasov

42 Moskovskaya Street, Kazan

Email: ruslnakurochkin@gmail.com

Ramil M. Valeev,

Professor, D.Sc. (Doctor of Science)

Kazan (Volga Region) Federal University

1/55 Pushkin Street, Kazan

Email: valeev200655@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

Shinzo Abe's "New approach" to developing economic cooperation between Russia and Japan in the context of the "Northern territories" problem

«Новый подход» Синдзо Абэ по развитию экономического сотрудничества России и Японии в контексте проблемы «северных территорий»

Магдеев Рафик Рашитович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

magdeef@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2216-0051>

Rafik R. Magdeev

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

magdeef@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2216-0051>

Балакин Дмитрий Александрович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

dimalakin73@gmail.com

Dmitry A. Balakin

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

dimalakin73@gmail.com

Ан Дарья Марсовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

DarMAN@kpfu.ru

Daria M. An

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

DarMAN@kpfu.ru

УДК 339.97 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-67-81](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-67-81)

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты анализа комплексного плана по развитию двухстороннего экономического сотрудничества между Японией и Россией, предложенного Синдзо Абэ на саммите в Сочи в мае 2016 года как «нового подхода» Синдзо Абэ, понятий «теория входа» и «теория выхода», которыми руководствовался Синдзо Абэ по отношению к России.

ABSTRACT

The article presents the results of an analysis of a comprehensive plan for the development of bilateral economic cooperation between Japan and Russia, proposed by Shinzo Abe at the summit in Sochi in May 2016 as Shinzo Abe's "new approach", the concepts of "entry theory" and "exit theory" that guided Shinzo Abe in relation to Russia. The features of the directions of the proposed

Рассмотрены особенности направлений предложенного плана в сферах: энергетика, транспорт, информация и связь, окружающая среда, здоровье и медицинская безопасность, расширение инвестиций и торговли, оздоровление окружающей среды и содействие межрегиональным обменам.

Автор обосновал вывод о том, что эта инициатива имела ограничения в ее реализации, рассмотрены их причины, достигнутые результаты в контексте проблемы «северных территорий».

Ключевые слова: Россия, Япония, японо-российские отношения, экономика, территориальный спор, «северные территории»

Для цитирования: Магдеев Р.Р., Балакин Д.А., Ан Д.М. «Новый подход» Синдзо Абэ по развитию экономического сотрудничества России и Японии в контексте проблемы «северных территорий». *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 67-81 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-67-81>

Введение

В мае 2016 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ встретился с президентом России В.В.Путиным и предложил ему план экономического сотрудничества двух стран, который, по его представлению, «позволит российскому народу непосредственно ощутить преимущества». Цель Плана Синдзо Абэ — продвинуть переговоры по «северным территориям» путем

plan in the areas of energy, transport, information and communications, environment, health and medical safety, expansion of investment and trade, improvement of the environment and promotion of interregional exchanges are considered.

The author substantiated the conclusion that this initiative had limitations in its implementation, considered their reasons, and the results achieved in the context of the problem of the “northern territories”.

Keywords: Russia, Japan, Japanese-Russian relations, economy, territorial dispute, “northern territories”.

For citation: Magdeev R.R., Balakin D.A., An D.M. Shinzo Abe’s “new approach” to developing economic cooperation between Russia and Japan in the context of the “northern territories” problem. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 67-81 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-67-81>

сотрудничества двух стран и улучшения жизни России.¹

План сотрудничества охватывал широкий спектр областей: от медицины и благоустройства городской среды, до человеческих обменов, промышленного развития Дальневосточного региона, который стремительно развивается в России, и области природных ресурсов и энергетики. Министр экономики,

¹Что такое японо-российское экономическое сотрудничество? План экономического сотрудничества Японии и России (декабрь 2016 г.) URL: https://www.jiji.com/jc/graphics?p=ve_pol_seisaku-gaikou20161210j-06-w420

торговли и промышленности Хиросигэ Секо, отвечавший за экономическое сотрудничество с Россией, отмечал, что уже разработано свыше 130 российско-японских проектов.²

Японская сторона возлагала большие надежды на реализацию этого плана, рассчитывая на то, что это приведет к возвращению «северных территорий». "Вопрос северных территорий и экономическое сотрудничество — это две стороны одной медали. Это бессмысленно, если будет развиваться только экономическое сотрудничество", — отмечалось тогда в статье Линда Зиг и Такаси Умэкава, со ссылкой на источник в правительстве.³

Несмотря на усилия премьер-министра Синдзо Абэ по продвижению решения территориальной проблемы между Россией и Японией, идея самого плана экономического сотрудничества выглядела амбициозно, но была ли она уникальной для истории отношений двух стран? И могла ли она содействовать реализации решению проблемы «северных территорий», заключению мирного договора?

Для того чтобы определить объем уже проведенных исследований по данному вопросу, автор ознакомился с работами, написанными на японском, русском и английском языках. Это позволило ему внести некоторые дополнения в научное знание об особенностях и эффективности плана экономического сотрудни-

чества между Россией и Японией. Так, в статье Б.М.Афонины «Российско-японские экономические связи в свете восьми пунктов Синдзо Абэ» рассматривались изменения торгово-экономических отношений с момента подписания совместной советско-японской декларации 1956 года, подробно описана структура и объём экономических отношений между двумя странами, проанализированы результаты плана Синдзо Абэ в их взаимосвязи с последовавшими изменениями в российско-японских экономических отношениях. Джеймс Браун в статье «Abe's Russia Policy: All Cultivation and No Fruit» рассмотрел взаимоотношения Японии и России с момента вступления на должность премьер-министра Синдзо Абэ в 2012 году. Им раскрыты особенности политики Синдзо Абэ по обеспечению территориального прорыва, также известного как «новый подход», дана оценка и сравнение достижений в реализации плана экономического сотрудничества. В статье большое внимание было уделено вопросу сотрудничества Японии и России в области безопасности. К.О. Саркисов в статье «Перестройка и советско-японские отношения (1985–1991 гг.)» рассматривал взаимоотношения Японии и СССР в период 1985-1991 гг., деятельность Синтаро Абэ в качестве представителя Либерально-демократической партии Японии. В.В. Кузьминков, Ян Цзюньдун в статье «Российский вектор внешней политики

²Хиросигэ Сэко: «Разработано свыше 130 российско-японских проектов, половина которых уже реализуется». Пресс-служба Главы Республики Саха (Якутия) и Правительства Республики Саха (Якутия) URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2918605>

³Линда Зиг, Такаси Умэкава. Правительство надеется на развитие японо-российского экономического сотрудничества в свете проблемы северных территорий, но есть и опасения по поводу частного сектора. URL: <https://www.reuters.com/article/seko-russia-idJPKBN12X0C2>

кабинета С. Абэ» изучил внешнюю политику Японии в отношении России с момента прихода к власти премьер-министра Синдзо Абэ, особенности подхода Синдзо Абэ к решению территориальной проблемы.

Автор, опираясь на научные выводы, уже сделанные другими исследователями, попытался найти ответ на вопрос: действительно ли комплексный план по развитию двухстороннего экономического сотрудничества, предложенный Синдзо Абэ на саммите Россия-Япония в Сочи в мае 2016 года, стал уникальным и удалось ли его автору достичь заявленных целей по отношению к России?

Материалы и методы

В качестве основного исторического источника для исследования привлекались: мемуары Синтаро Абэ и Синдзо Абэ, «Синяя книга по дипломатии» 1986 и 2016 гг., тексты докладов и выступлений премьер-министров доступные на сайте канцелярии премьер-министра Японии. Стилистический, лингвистический и содержательный анализ документов позволил оценить сходства и различия между планом экономического сотрудничества Синдзо Абэ и предложениями по развитию двусторонних отношений, формулировавшийся ранее его отцом — Синтаро Абэ. Применение аналитического метода позволило исследовать по содержанию базовые документы: Советско-японское заявление от 18 апреля 1991 года и «Токийскую декларацию» 1993 года, для выявления динамики изменений во внешней политике Японии по данной проблематике.

Привлекались также материалы, опубликованные в японских СМИ: статьи, опубликованные в старейшей англоязычной японской газете «The Japan Times» за период 2016-2019 гг., также другие электронные издания как «Sankei Shinbun» за аналогичный период.

Для оценки уровня достижения результатов реализации плана экономического сотрудничества Синдзо Абэ, использовались статистические данные Федеральной таможенной службы России за период 2013-2020 годов для понимания наличия системности и эффективности реализации плана экономического сотрудничества Синдзо Абэ.

Результаты исследования

С момента возвращения к власти в декабре 2012 года премьер-министр Синдзо Абэ сделал отношения Японии с Россией одним из приоритетных направлений своей внешней политики. В литературе отмечалось то обстоятельство, что он взял на себя обязательство разрешить многолетний территориальный спор в рамках «северных территорий» и подписать мирный договор (Севастьянов, Лукин, Шишмаков 2018, 54). По мнению В.В.Кузьминкова, основным инструментом внешней политики Синдзо Абэ стала личностная дипломатия. Выстраивание доверительных личных отношений с главами стран должно, по его мнению, способствовать решению даже самых сложных вопросов двухстороннего диалога (Кузьминков 2018, 150).

Используя личностную дипломатию, Синдзо Абэ старался как можно чаще встречаться с президентом России Владимиром Путиным. 6 мая 2016 года в Сочи состоялась их встреча на

высшем уровне между Японией и Россией. В ходе переговоров были обсуждены актуальные вопросы двусторонних отношений, а также международная повестка дня. Синдзо Абэ предложил план активизации сотрудничества с РФ, состоящий из 8 пунктов.⁴ Как отмечал J.D. Brown, предложенный им план был призван активизировать двусторонний обмен и дать России понять, чего можно было бы добиться, если бы был заключен мирный договор (Brown, J.D. 2019, 150). По мнению В.В.Кузьминкова, Япония рассчитывала путем экономического сотрудничества и интенсивного диалога на высшем уровне создать благоприятную атмосферу для принятия политического решения по территориальному вопросу (Кузьминков 2018, 155).

План Синдзо Абэ структурно состоял из следующих направлений:

- Сотрудничество, способствующее увеличению продолжительности здоровой жизни российских граждан. Данное направление предлагалось реализовать за счет повышения уровня медицинского обслуживания, в том числе в таких областях, как эндоскопия, дистанционная диагностика и лечение, реабилитация и косметические товары.
- Сотрудничество в сфере градостроительства, с целью создания комфортной и чистой среды, обеспечивающей уютную и активную жизнь.

- Существенное увеличение обменов и сотрудничества между японскими и российскими предприятиями малого и среднего бизнеса.
- Сотрудничество в области развития энергетической инфраструктуры, расширение производственных мощностей.
- Поощрение диверсификации промышленной структуры в России и повышение производительности. Развиваются стажировки в Японию, диагностика производительности предприятий и прочие аспекты.
- Развитие промышленности на Дальнем Востоке, формирование в этом регионе экспортной базы на рынке Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие тепличного овощеводства (г. Хабаровск), выдерживающего суровые зимы, строительство жилья для холодного климата (г. Владивосток).
- Сотрудничество в области передовых технологий с объединением знаний Японии и России, развивается взаимодействие, направленное на повышение эффективности почтовых служб.
- Стремительное расширение двухсторонних гуманитарных обменов на различных уровнях. Развиваются межвузовские, межрегиональные, спортивные и прочие обмены.⁵

⁴ Синдзо Абэ в своих мемуарах: Визит в РФ в 2016 году разозлил Обаму. URL: <https://rg.ru/2023/02/11/sindzo-abe-v-svoih-memuarah-vizit-v-rf-v-2016-godu-razozlil-obamu.html>

⁵ Как развиваются российско-японские экономические проекты. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html>

Именно эта встреча в Сочи стала отправной точкой в переговорах по «северным территориям». Предложенный Синдзо Абэ план был направлен не только на активизацию экономического сотрудничества между двумя странами, а на повышение самого имиджа Японии в России.

Синдзо Абэ считал, что в территориальных переговорах между Японией и Россией уже давно существует «теория входа» (入り口論 *иригутирон*) и «теория выхода» (出口論 *дэгутирон*). «Теория входа» — это утверждение сторонников жесткой линии в отношении России о том, что мирный договор должен быть заключен после подтверждения принадлежности Японии четырех островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. «Теория выхода» заключалась в том, чтобы найти способ решить территориальный вопрос путем улучшения японо-российских отношений. Япония колебалась между этими двумя теориями, но по своей сути она придерживалась «теории входа». Синдзо Абэ придерживался позиции о том, что не стоит оставаться на «теории входа» (Синдзо Абэ 2023, 216), а проявить большую гибкость в территориальном вопросе.

План сотрудничества Синдзо Абэ отражал его собственную позицию. Но она была обусловлена и историей вопроса, которая началась еще в 1989 году. В мае этого года министр иностранных дел Японии Сосуке Уно во время своего визита в Советский Союз выступил

с «теорией равновесия расширения».⁶ Пересмотрев традиционную «неразрывность политики и экономики» и сделав упор на укрепление экономических связей, он надеялся таким образом найти способ решить территориальный вопрос. Э. А. Шеварднадзе тогда отмечал, что даже при сохранении японо-американского договора о безопасности между двумя странами можно было бы заключить мирный договор.⁷ Это был первый случай, когда Советский Союз официально принял японо-американское соглашение о безопасности. За нормализацию советско-японских отношений также активно выступал Синтаро Абэ, на тот момент занимавший ключевые посты в партийном руководстве. Синтаро Абэ установил доверительные отношения с М.С. Горбачёвым, а предложенная программа, по оценке Т. Казухико, послужила основой в подготовке первого визита главы СССР в Японию в 1991 году (Казухико 2007,139).

В апреле 1991 года М.С.Горбачев первым из советских руководителей посетил Японию. Вместе с премьер-министром Японии Т. Кайфу было подписано Совместное японо-советское заявление (Синдзо Абэ 2023, 327). В отношениях между Японией и Советским Союзом, непосредственно граничащую с Японией, было признано целесообразным развивать конструктивное сотрудничество в атмосфере добрососедства, взаимной выгоды и доверия в торгово-экономической, политической, общественной, культурной, образовательной, спортивной,

⁶ Того Кадзухико. Хоппо:рё:до ко:сё: хироку. Усиनावарэта годо но кикай : (Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей). Токио: Синтося, 2007. С. 127; Эдамура Сумио. Как распалась империя. Воспоминания посла Японии в Москве, 1990-1994. М.: «Япония сегодня», 2003. С. 25 – 27.

⁷ Шеварднадзе Э.А. О прошедшем и будущем // Дружба народов 2006, № 12, Москва.

туристической областях, а также свободное и открытое общение между гражданами.

При содержательном анализе японо-советского заявления, можно отметить следующие направления, предусматривавшийся для развития японо-советского диалога, с целью последующего заключения мирного договора между двумя странами:

1. Расширение политического диалога.

Обе стороны хотят поддерживать, углублять и расширять политический диалог посредством частых взаимных визитов на уровне высших руководителей, поскольку уверены, что это улучшит и укрепит японо-советские отношения. Стороны подтвердили свою приверженность проведению дискуссий не реже одного раза в год, а при необходимости и чаще, и признали важность регулярных консультаций между министрами иностранных дел двух стран, которые были учреждены в 1966 году.

2. Расширения и активизация сотрудничества в сфере практической деятельности.

Обе стороны сошлись во мнении, что эта встреча на высшем уровне была очень полезна для обеих стран. В связи с этим обе стороны подготовили множество документов, отметив важность расширения и активизации сотрудничества в сфере практической деятельности.

3. Расширение торгово-экономических отношений.

Стороны готовы содействовать дальнейшему развитию торгово-экономических отношений между двумя странами на основе взаимной выгоды и высоко ценят межправительственные торгово-экономические консульта-

ции, а также деятельность японо-советской и советско-японской экономических комиссий. Стороны согласились с тем, что продвижение перестройки в Союзе Советских Социалистических Республик имело бы огромное значение как для всего мира, так и для Союза Советских Социалистических Республик.

4. Сотрудничество в области рыболовства.

Обе стороны положительно оценивают долгосрочное и взаимовыгодное развитие сотрудничества в области рыболовства. Они также выражают глубокую признательность за сотрудничество, которое в настоящее время существует между двумя странами в области рыболовства на основе действующих межправительственных соглашений. В связи с этим обе стороны заявили, что выступают за установление широких коммерческих и институциональных отношений между Японией и Дальним Востоком Советской Социалистической Республики, основанных на рыночной экономике. На международных форумах, включая деятельность международных организаций, в которых правительства обеих стран принимают совместное участие, обе стороны будут поддерживать и расширять тесное сотрудничество в деле сохранения, разумного использования, воспроизводства и оптимального применения живых ресурсов Мирового океана.

5. Научно-техническое сотрудничество.

Стороны призвали к дальнейшему развитию сотрудничества в области науки и техники и договорились расширять его в других областях, если обе стороны сочтут это необходимым. Они также выразили удовлетворение

работой Комитета по научно-техническому сотрудничеству и неуклонным развитием научно-технического сотрудничества между двумя странами на основе взаимной выгоды.

6. Культурных обмен.

Обе стороны выразили удовлетворение тем, что в последнее время наблюдается расширение культурного взаимодействия и рост уровня взаимопонимания между населением двух стран. Стороны отметили важность обменов для углубления взаимопонимания между традиционными и современными культурами и цивилизациями двух стран, а также постоянное развитие культурных обменов между двумя странами на основе уже достигнутых договоренностей.

7. Сотрудничество двух стран в гуманитарной сфере.

Обе стороны выразили удовлетворение растущим сотрудничеством в гуманитарной сфере. Хотелось бы выразить искреннюю признательность за предоставленную возможность посетить могилы и лагеря бывших военнопленных и японских жителей, постоянно проживающих в Союзе Советских Социалистических Республик. Обе стороны признают, что сотрудничество в гуманитарной сфере между двумя странами будет в значительной степени способствовать углублению взаимного доверия между народами двух стран.

8. Сотрудничество в области контроля вооружения.

Стороны согласились с тем, что для завершения процесса улучшения ситуации в мире в глобальном и региональном масштабе необходимо дальнейшее развитие, поскольку он является необратимым. Стороны подчеркнули необходимость продолжения усилий по поддержанию мира и безопасности во всем мире, а также важность миссии по достижению минимально возможного уровня вооружений и военной мощи на сбалансированной основе. В связи с этим обе стороны высоко оценили достижения в области разоружения и контроля над вооружениями, подчеркнули важность их добросовестного выполнения и призвали к заключению соглашения.⁸

В совместном японо-советском заявлении не был включён территориальный вопрос, поскольку его обсуждали отдельно.⁹ К тому времени Синтаро Абэ был серьёзно болен, и М.С.Горбачёв стал последним иностранным государственным деятелем, с которым он встретился. Синдзо Абэ, работавший в те годы личным секретарём отца, был в курсе его намерений (Синдзо Абэ 2023, 328). Тем не менее этим планам не суждено было осуществиться. В апреле 1991 г., когда М.С.Горбачёв посетил Японию с официальным визитом, он уже не имел той полноты власти, чтобы вести переговоры по территориальной проблеме. Лидер

⁷ Шеварднадзе Э.А. О прошедшем и будущем // Дружба народов 2006, № 12, Москва.

⁸ 日ソ共同声明 (Совместное японо-советское заявление) URL: <https://www8.cao.go.jp/hoppo/shiryou/pdf/gaikou35.pdf>

⁹ МИД. Сборник основных документов по вопросам советско-японских отношений (1954–1972). Министерство иностранных дел СССР. Москва, 1973. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007437456>

СССР признал её наличие, но не действительность территориальной статьи Совместной декларации 1956 года (Синдзо Абэ 2023, 329).

Сравнивая план экономического сотрудничества, который Синдзо Абэ представил в 2016 году с предложением о развитии отношений по восьми направлениям, получившим название «Программа Синтаро Абэ» можно отметить, что по многим направлениям программы были схожи, в частности, в следующих областях сотрудничества: культурный обмен, научно-техническое, гуманитарная сфера. Но были и некоторые различия. Так в рамках совместного японо-советского соглашения 1991 года отдельным пунктом указано сотрудничество в области контроля вооружения, отсутствует пункт сотрудничества в области развития энергетической инфраструктуры, но присутствует пункт сотрудничества в области рыболовства. То есть по многим позициям эти планы схожи, но есть и различия, обусловленные запросами времени, когда они были представлены.

Синдзо Абэ являлся преемником своего отца и так же был решительно настроен на решение территориальной проблемы. План Синдзо Абэ по экономическому сотрудничеству России и Японии представленный в мае 2016 г., не может считаться уникальным. За его основу был несомненно взят план его отца, который в свое время тоже предлагал его М.С. Горбачеву (план из восьми пунктов).

Позднее на пленарном заседании Восточного экономического форума Синдзо Абэ отметил, что план из восьми пунктов оказался успешным: был согласовано более 150 проектов и более половины из них уже реализуются.¹⁰ Многие из тех проектов были мелкомасштабными (сам премьер-министр приводил в пример этого реабилитационный центр во Владивостоке, умные светофоры в Воронеже и обеспечение высокоскоростным интернетом школ Якутии (Синдзо Абэ 2023, 217). То есть он понимал, что проект не был нацелен на экономический прорыв, а скорее на повышение

ТОВАРООБОРОТ РОССИИ И ЯПОНИИ ЗА ПЕРИОД 2013 – 2020 / TRADE TURNOVER BETWEEN RUSSIA AND JAPAN FOR THE PERIOD 2013 – 2020

период	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
сумма, \$млрд	33.2	30.8	21.3	15.8	18.2	21.3	20.3	16.2

Таблица.1. Внешнеторговый оборот России и Японии в 2013-2020 гг. (по данным ФТС России)

Table 1. Trade turnover between Russia and Japan for the period 2013 - 2020 (according to the FCS of Russia)

Источник: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

Source: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

¹⁰ Пленарное заседание Восточного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>

уровня сотрудничества между двумя странами, особенно в Дальневосточном регионе.

Оценивая степень успешности плана Синдзо Абэ, отметим, прорыва в результате реализации его плана не произошло. Если обратиться к статистике Федеральной таможенной службы России, то можно отметить, что с 2016 года, когда был предложен план экономического развития, отрицательная динамика сменилась на положительную, однако сумма товарооборота не достигла высоких значений, как например, это было в 2013 году (Таблица 1).

Можно отметить несколько препятствий для реализации плана Синдзо Абэ. Во-первых, это рецессия на мировом рынке, во-вторых, нестабильность российской правовой системы и в-третьих, сложные инвестиционные процедуры.

Как отмечают японские авторы, с одной стороны, экономическая структура Дальнего Востока исчерпала свой потенциал развития (Борий, Грейжик 2018, 4). С другой стороны, свободные порты, зоны опережающего развития и компании по глубокой переработке ресурсов предлагают новые возможности.

Россия возлагала определенные надежды на план Абэ, который мог бы способствовать привлечению инновационных технологий переработки первичного сырья, например, таких как производство кормов (для крупного рогатого скота). Так благодаря реализации плана Абэ удалось достичь определённых результатов:

- внедрение передовых транспортных систем (в том числе установка умных светофоров в г. Воронеже, за счет внедрения системы Artemis), техническое обслуживание канализационных трубопроводов, строительство жилья, ориентированного на поддержание здоровья. На основе японской системы транзитно-ориентированного проектирования (ТОП/TOD) во Владивостоке продвигается редевелопмент привокзальной территории в качестве единого терминала морских и железнодорожных путей, места туризма и отдыха, а также оказывается содействие в улучшении городской среды с использованием рециклинга отходов и их утилизации путем сжигания.
- При технической поддержке со стороны Японии в Камчатском крае был запущен демонстрационный проект системы энергетического контроля, включающие устройства ветрогенерации, соответствующий холодному климату, передачу энергии на большие расстояния и прочие аспекты.¹¹ В рамках проекта «Ямал СПГ» с японскими финансовыми учреждениями заключены кредитные соглашения на сумму 200 млн. евро. С участием японских компаний продолжается строительство и развитие завода СПГ в Арктике.
- К концу марта 2018 года было осуществлен анализ производительности 12 российских компаний, 100 человек прошли стажировки в японских компаниях. Для

¹¹ Ветроэнергетический комплекс запущен на востоке Камчатки URL: <https://ria.ru/20150911/1243669186.html>

превращения порта Восточный на Дальнем Востоке в базу экспорта угля для рынков Азии, включая Японию, поставляется, в частности, передовое оборудование японских компаний, продолжается развитие порта.¹²

- Почта России активно сотрудничала с Japan Post и Toshiba в области международной торговли через интернет и увеличения объема почтовых отправок.¹³

Благодаря этому, между компаниями Дальнего Востока и Японии, как отмечал Б.М.Афонин, постепенно создавалась бы система сотрудничества для каждой отрасли промышленности, основанная на основных экономических интересах (Афонин 2019, 37). Поскольку жители Дальнего Востока сейчас заинтересованы и продвигают переработку ресурсов, внедряют инновации, улучшают инфраструктуру по тому же пути, по которому пошла Япония после войны. По оценке В.О.Кистанова, перспективными направлениями японо-японских отношений являются модернизация портов и железных дорог на Дальнем Востоке, благоустройство городской среды и жилья, переработка твердых бытовых отходов и отработанного транспорта, производство строительных материалов (Кистанов 2015, 19). План Синдзо Абэ и расширение сотрудничества

в рамках российского предложения, представленного в ходе визита Президента Путина в Японию 15-16 декабря 2016 года, открывали новые возможности для расширения торговых связей между Японией и Японией, но с учётом осложнившейся международной обстановки этим планам не суждено было сбыться.¹⁴

Выводы

Таким образом, заявленный Синдзо Абэ план сотрудничества был направлен на повышение имиджа Японии для того, чтобы российская общественность более позитивно относилась к Японии и с большей готовностью была заинтересована в решении проблемы мирного договора между странами. Поэтому налаживание сотрудничества, в рамках плана, являлось важным шагом на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией.

Действительно ли комплексный план по развитию двустороннего экономического сотрудничества, предложенный Синдзо Абэ на саммите в Сочи в мае 2016 года являлся уникальным? Исходя из результатов анализа содержания Советско-японского заявления от 18 апреля 1991 г., а также «Синей книги по дипломатии» 1986 года, план экономического сотрудничества из восьми пунктов Синдзо Абэ по многим направлениям базируется на предложении по восьми направлений для развития

¹² Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2018 год и основных результатах деятельности за 2017 год. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/statistic/reports/?pdfModalID=2e689ffe-27e8-48ad-87e4-d23fa7b08f96>

¹³ «Почта России» и Japan Post договорились о сотрудничестве по транзиту отправок в Европу. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2016/12/16/669956-pochta-rossii-japan-post>

¹⁴ Сведения о Президенте: Визит в Японию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/trips/53488>

отношений, получившим название «Программа Синтаро Абэ». Это коснулось таких следующих областей сотрудничества: культурный обмен, научно-техническое, гуманитарная сфера, торгово-экономическое. Но есть и различия. Так, в рамках совместного японо-советского соглашения 1991 года отдельным пунктом было указано сотрудничество в области контроля вооружения. Отсутствует пункт сотрудничества в области развития энергетической инфраструктуры. При этом присутствуют предложения по сотрудничеству в области рыболовства. То есть по многим позициям эти планы были схожи, но были и различия, обусловленные условиями того времени, когда они создавались.

Удалось ли Синдзо Абэ достичь заявленных целей по отношению к России в результате реализации плана экономического сотрудничества? Сам Синдзо Абэ позднее признался, что реализация плана из восьми пунктов проходит успешно, согласовано более 150 проектов и более половины из них уже реализуются. Однако, многие из этих проектов были недостаточно масштабными для развития двух стран. Сам Синдзо Абэ понимал, что его план не был нацелен на экономический прорыв, а только на повышение уровня сотрудничества между странами именно в Дальневосточном регионе. Следует отметить, что с 2016 года, когда был предложен план экономического развития, отрицательная динамика внешнеторгового оборота между двумя странами сменилась на положительную, однако сумма товарооборота не достигла высоких значений, как например это было еще в 2013 году.

Налаживание сотрудничества, в рамках плана, являлось по мнению Синдзо Абэ важным шагом на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. На данную цель японский премьер поставил сразу, когда объявил о «новом подходе» к решению территориальной проблемы и мирного договора. Результаты реализации плана в его экономической части не стали существенными, но сам пример развития сотрудничества между двумя странами продемонстрировал определенный потенциал, но это еще тогда не помогло решению главного препятствия в отношениях двух стран, — урегулированию территориального спора. А теперь это становится еще более проблематичным.

Список литературы

1. Севастьянов С.В., Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений. *Известия Восточного института*. 2018; №4. С. 54-67.
2. Кузьминков В.В., Ян Цзюньдун. "Российский вектор внешней политики кабинета С. Абэ (2013 — 2017 гг.)". *Россия и АТР*. 2018; №1 (99). С. 148-160.
3. Афонин Б.М. Российско-японские экономические связи в свете восьми пунктов Синдзо Абэ. *У карты Тихого океана*. 2019; №1 (252). С. 30-39.
4. Brown, J.D. Abe's Russia Policy: All Cultivation and No Fruit. *Asia Policy* 2019; 26(1). pp. 148-155. doi:10.1353/asp.2019.0000.

5. Соколов В.С. Новый политический курс Японии. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2014; №3. С. 105-109.
6. Тимофеев В.В., Шевчук О.М. Личностная дипломатия Абэ Синдзо во внешней политике Японии на примере Северо-Восточной Азии (2012-2020 гг.). *Россия и АТР*. 2021; №3, С. 19-35.
7. Батакова А.А. Подходы правительства Японии к проблемам «Исторического прошлого». *Вестник МГИМО Университета*. 2016; №. 1 (46), С. 106-117.
8. Кистанов В.О. Политика Японии в Северо-Восточной Азии: проблемы и тенденции. *Ежегодник Япония*. 2015; №44. С. 7-19.
9. Афонин Б.М. Региональная дипломатия кабинета Синдзо Абэ. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2016; vol. 18, №1-2, С. 9-22.
10. Синдзо Абэ. (安倍晋三) Мемуары. (回顧録) *Чуокорон Шинша* (中央公論新社) 2023. 480 с. (на япон.яз.)
11. Казухико Того. (東郷和彦) Секреты переговоров о северных территориях: пять упущенных возможностей (北方領土交渉秘録: 失われた五度の機会). *Токио*, 2007; С. 430. (на япон.яз.)
12. Киити Мотидзуки. (望月 喜市) Удастся ли премьер-министру Синдзо Абэ заключить японо-российский мирный договор? (安倍晋三首相は、日ロ平和条約の締結に成功するか? (特集 平和条約締結のインパクト)) *Восток: Журнал Российского Дальневосточного Института* 2016; Т. (27): 10. С.5-8 (на япон.яз.)
13. Масару Сато. (佐藤 優) Почему российские политические элиты уважают господина Синдзо Абэ. (ロシア政治エリートが安倍晋三氏を尊敬する理由) *Аска Шинша* (飛鳥新社) 2022; (76). С. 145-151
14. Нагоси Кенро. (名越健朗) Критика Министерства иностранных дел Японии Минео Накадзима. (中嶋嶺雄の日本外務省批判ナカジマレイユウ ノ ニホン ガイムショウ ヒハン) *Под редакцией Института азиатских исследований и регионального сотрудничества Международного университета Акута*. (国際教養大学アジア地域研究連携機構編). 2021; Т. (12):3. С. 53-62 <https://ndlonline.ndl.go.jp/#!/detail/R300000002-1031514638-00?lang=en> (дата обращения: 17.05.2023) (на япон.яз.)
15. Синдзо Абэ. (安倍晋三) Отчет о мероприятии Выступление лидеров Японии и России на пленарном заседании (Специальная статья: Петербургский международный экономический форум и Япония). (イベント・レポート プレナリーセッションにおける日ロ首脳スピーチ (特集 ペテルブルグ国際経済フォーラムと日本)) *Ежемесячный отчет Россия-СНГ* (Periodical Title ロシアNIS調査月報). 2018. С. 6-15. <https://cir.nii.ac.jp/crid/1521980704663300224> (дата обращения: 03.04.2023) (на япон.яз.)
16. Борий А., Грейжик С. (ブールイ・アナトーリー, グレイジク・セルゲ) План Абэ

и новые возможности японо-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке (安倍プランと極東における日口協力の新しい可能性) *Северо-Восточный институт экономических исследований* (環日本海経済研究所). 2018. С. 3-6. (на япон.яз.)

References

1. Sevast'yanov S.V., Lukin A.L., Shishmakov S.O. Diplomacy between Putin and Abe: prospects for a political settlement of Russian-Japanese relations. *Proceedings of the Eastern Institute*, 2018; No. 4. pp. 54-67. (In Russ.)
2. Kuzminkov V.V., Yang Jundong. "The Russian Vector of the Foreign Policy of the Cabinet of S. Abe (2013-2017)". *Russia and Asia-Pacific*. 2018; No. 1 (99). pp. 148-160. (In Russ.)
3. Afonin B.M. Russian-Japanese economic relations in the light of Shinzo Abe's eight points. *At the map of the Pacific Ocean*, 2019; No. 1 (252). pp. 30-39. (In Russ.)
4. Brown, J.D. Abe's Russia Policy: All Cultivation and No Fruit. *Asia Policy* 2019; 26(1). pp. 148-155. doi:10.1353/asp.2019.0000.
5. Sokolov V.S. Japan's new political course. *Actual problems of modern international relations*, 2014; No. 3. pp. 105-109. (In Russ.)
6. Timofeev V.V., Shevchuk O.M. Personal diplomacy of Abe Shinzo in Japan's foreign policy on the example of Northeast Asia (2012-2020). *Russia and Asia-Pacific*. 2021; No. 3, pp. 19-35. (In Russ.)
7. Batakova A.A. Approaches of the Japanese Government to the Problems of the "Historical Past". *Vestnik of MGIMO University*. 2016; No. 1 (46), pp. 106-117. (In Russ.)
8. Kistanov V.O. Japan's Policy in Northeast Asia: Problems and Trends. *Yearbook Japan*. 2015; No. 44. pp. 7-19. (In Russ.)
9. Afonin B.M. Regional diplomacy of Shinzo Abe's cabinet. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2016; vol. 18, No. 1-2, pp. 9-22. (In Russ.)
10. Shinzo Abe. (安倍晋三) Memoirs. (回顧録) *Chuokoron Shinsha* (中央公論新社) 2023. 480 p. (In Japanese)
11. Kazuhiko Togo. (東郷和彦) Northern Territory Negotiation Secrets: Five Missed Opportunities (北方領土交渉秘録: 失われた五度の機会). *Tokyo*, 2007; P. 430. (In Japanese)
12. Kiichi Mochizuki. (望月喜市) Will Prime Minister Shinzo Abe be able to conclude a Japan-Russia peace treaty? *Vostok: Journal of the Russian Far Eastern Institute* 2016; T. (27): 10. P.5-8 (in Japanese)
13. Masaru Sato. (佐藤優) Why Russian political elites respect Mr. Shinzo Abe. (ロシア政治エリートが安倍晋三氏を尊敬する理由) *Asuka Shinsha* (飛鳥新社) 2022; (76). pp. 145-151 (in Japanese)
14. Nagoshi Kenro. (名越健朗) Criticism of the Ministry of Foreign Affairs of Japan by Mineo Nakajima. *Edited by Akita International University's Institute of Asian Studies and Regional Cooperation*. (国際教養大学アジア地域研究連携機構編). 2021; T. (12):3. pp. 53-62 <https://ndlonline.ndl.go.jp/#!/detail/>

R300000002-I031514638-00?lang=en
(accessed 05.17.2023) (in Japanese)

15. Shinzo Abe. (安倍晋三) Report on the event Speech by the leaders of Japan and Russia at the plenary session (Special article: St. Petersburg International Economic Forum and Japan). (イベント・レポート プレナリーセッションにおける日ロ首脳スピーチ (特集ペテルブルグ国際経済フォーラムと日本)) *Russia-CIS Monthly Report (Periodical Title ロシアNIS調査月報)*. 2018. S. 6-15. <https://cir.nii.ac.jp/crid/1521980704663300224> (accessed 04/03/2023) (in Japanese)
16. Borii A., Greizhik S. (ブールィ・アナトーリー, Грейжик・Серге) The Abe Plan and New Opportunities for Sino-Japanese Cooperation in the Far East (安倍プランと極東における日ロ協力の新しい可能性) Northeast Economic Research Institute (環 日本海経済研究所). 2018. pp. 3-6. (in Japanese)

Сведения об авторе

Магдеев Рафик Рашитович,

Старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
magdeef@mail.ru

Балакин Дмитрий Александрович

Старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
dimalakin73@gmail.com

Ан Дарья Марсовна

Старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный

университет, Казань, Россия
DarMAN@kpfu.ru

Information about the author

Magdeev Rafik Rashitovich,

Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
magdeef@mail.ru

Dmitry A. Balakin

Senior Lecturer
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
dimalakin73@gmail.com

Daria M. An

Senior Lecturer
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
DarMAN@kpfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

**Iran-Saudi Arabia relations after 1979:
interests in the Persian Gulf****Ирано-саудовские отношения после 1979 г.:
интересы в зоне Персидского залива**

***Останин-Головня Василий Дмитриевич,
Баскаков Илья Дмитриевич***

Отдел Ближнего и Постсоветского Востока

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

ostanin-golovnya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5937-8786>

***Vasily D. Ostanin-Golovnya,
Ilya D. Baskakov***

Department of Middle and Post-Soviet East

INION RAS, Moscow, Russia

Corresponding author:

ostanin-golovnya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5937-8786>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-82-93](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-82-93)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию динамики взаимоотношений Ирана и Саудовской Аравии с периода Исламской революции 1979 г. и по настоящее время. Особый акцент делается на соотношении интересов двух центров силы исламского мира в зоне Персидского залива. Анализируются те инструменты, которые Тегеран и Эр-Рияд использовали для укрепления своих позиций в рамках комплекса отношений в Персидском заливе, включая инструментализацию религиозного фактора, создание военных блоков, использование прокси-сил. Проводится сравнение курса Саудовской Аравии и постреволюционного Ирана по двум векторам: региональному и религиозному. Отмечается, что отношения Ирана и Саудовской Аравии проходили через этапы конфронтации

ABSTRACT

The article explores the dynamics of relations between Iran and Saudi Arabia starting at the period of the Islamic revolution in 1979 and up to the current stage. A special emphasis is placed upon the correlation of interests of the two power centers of the Islamic world in the Persian Gulf zone. The tools that Tehran and Riyadh have used to strengthen their positions within the framework of the Persian Gulf relations complex are analyzed, including instrumentalization of the religious factor, creation of military blocs, and use of proxy forces. The paper compares the course of Saudi Arabia and post-revolutionary Iran in two vectors: regional and religious. It is noted that the relations between Iran and Saudi Arabia have gone through the stages of confrontation and cooperation, which have been triggered by personal ambi-

и сотрудничества, что было вызвано личными амбициями, с одной стороны, и стремлением к стабилизации региональной обстановки, с другой.

Ключевые слова. Иран, Саудовская Аравия, ирано-саудовские отношения, Персидский залив, религиозный фактор, региональная политика, Ближний Восток

Для цитирования: Останин-Головня В.Д., Баскаков И.Д. Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 82-93 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-82-93>

На современном этапе Саудовская Аравия и Иран играют важные роли в региональных и глобальных процессах. Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Исламская Республика Иран (ИРИ) являются значимыми элементами ближневосточной подсистемы международных отношений и наряду с Турцией и Израилем входят в число центров силы региона. Ближний Восток — «гордиев узел» мировой политики, процессы в котором определяются поведением региональных «тяжеловесов». В данном контексте для понимания политических процессов данного региона чрезвычайно важным представляется анализ эволюции взаимодействия Ирана и Саудовской Аравии, сравнение их интересов в зоне Персидского залива как отдельной субрегиональной подсистемы международных отношений.

tions, on the one hand, and the desire to stabilize the regional situation, on the other.

Keywords. Iran, Saudi Arabia, Iran-Saudi Arabia relations, Persian Gulf, religious factor, regional policy, Middle East

For citation: Ostanin-Golovnya V.D., Baskakov I.D. Iran-Saudi Arabia relations after 1979: interests in the Persian Gulf. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 82-93 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-82-93>

Победа исламской революции в Иране в феврале 1979 г. привела к свержению проамериканского шахского режима в стране и установлению теократической формы правления на основе ценностей исламской религии в их интерпретации пришедшим к власти шиитским духовенством. В апреле того же года страна была переименована в Исламскую Республику Иран, а в декабре принята Конституция нового государства. Главной долгосрочной целью Исламской Республики Иран стало формирование единой исламской уммы под эгидой Ирана посредством решения задач по «политическому, экономическому и военному объединению исламского мира по иранскому образцу» (Сажин 2014, 182-183). В качестве основного инструмента для осуществления подобной стратегии рассматривалась концепция «экспорта исламской революции», предполагавшая военные и мирные измерения. При этом, как отмечает

В.А. Ушаков, в 1980-х гг. руководство Ирана отдавало предпочтение использованию военных методов «экспорта исламской революции» (Ушаков 1999, 7).

Несмотря на то, что Саудовская Аравия в апреле 1979 г. признала создание ИРИ и установила с ней дипломатические отношения (Ушаков 1999, 89), крайне бескомпромиссный характер внешней политики Исламской Республики Иран на раннем постреволюционном этапе выводил Тегеран на путь конфронтации с Эр-Риядом.

Реализация концепции «экспорта исламской революции» была направлена на трансформацию политических режимов стран исламского мира, включая Саудовскую Аравию. В дополнение к этому, исламский режим в Иране обрел открыто антиамериканский характер, США были наречены «большим сатаной», а отношения с другими государствами исламского мира стали рассматриваться через призму их связей с США как конституирующим другим. Саудовская Аравия, опиравшаяся в военно-политическом плане на помощь Вашингтона и имевшая тесное энергетическое сотрудничество с США (Останин-Головня 2022, 56), законо-

мерно превращалась в объект критики руководства Ирана.

Исламская революция в Иране, сделавшая религиозный фактор, по выражению А.И. Яковлева, «очевидностью для мирового сообщества» (Яковлев 2013, 11), и захват Запретной мечети в Мекке группировкой радикальных салафитов в 1979 г. стали отправной точкой активизации внешней политики Саудовской Аравии стал. Можно сказать, что возникновение антагониста в лице шиитской республики и рост радикальных настроений внутри королевства подвигли Эр-Рияд начать укрепление своей сути арабской суннитской монархии.

Так, в марте 1980 г. указом короля Халида ибн Абд аль-Азиза (1975–1982 гг.) была учреждена комиссия по разработке и кодификации Основного низама правления, базисом которого провозгласили «исламские ценности» (Васильев 1999, 553). Однако работа затянулась на 12 лет, а результаты утверждал уже следующий правитель — Фахд ибн Абд аль-Азиз (1982–2005 гг.). Примечательно, что коренные изменения в политическом курсе Саудовской Аравии начались именно в этот период:

<p><i>Внутренняя политика</i></p>	<p>Выдвижение политики «политизации ислама» сверху против процессов «исламизации политики» извне под влиянием шиитской революционности Ирана и изнутри на фоне радикализации отдельных салафитских групп.</p>
<p><i>Внешняя политика</i></p>	<p>Отход от «позитивного нейтралитета», отвечавшего интересам королевства в период Холодной войны, на более активный и гибкий курс «живого сочетания морали и реализма».</p>

Табл.1. Изменения политического курса Саудовской Аравии после 1979 г.

Table 1. Changes in the political course of Saudi Arabia after 1979.

Внутриполитические изменения сказались на модернизации системы государственного управления в сфере безопасности и духовных институтов, а также в постепенной трансформации идейно-ценностного поля, с целью отойти от доминирования ваххабитской интерпретации ханбалитского мазхаба в сторону «умеренного ислама суннитского толка» (Косач, Мелкумян 2003, 15).

Что касается внешнеполитического курса, то здесь перемены сказались на резкой активизации регионального вектора, основной задачей которого стало поддержание стабильности в зоне Залива и утверждение лидерства Эр-Рияда на Ближнем Востоке. 25 мая 1981 г. по инициативе Саудовской Аравии создаётся Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), куда вошли все страны титульного субрегиона, кроме Ирака, находившегося под властью Саддама Хусейна. Примечательно, несмотря на официальные заявления государств-участников, что Совет был создан исключительно в целях социально-экономической интеграции, арабские монархии Залива использовали данную площадку для развития сотрудничества в сфере безопасности, заявив в качестве приоритета совместную борьбу с оппозиционными и революционными движениями.

Образование ССАГПЗ можно расценивать как один из первых успехов Саудовской Аравии на пути формирования проекта «суннитского блока» в противовес доктрине «экспорта Исламской революции» Ирана. Также ярким проявлением внешнеполитического поворота

Эр-Рияда в сторону «живого сочетания морали и реализма» стала поддержка Багдада в ходе Ирано-иракской войны 1980–1988 гг., благодаря чему Саудиты смогли не только продемонстрировать принцип «арабской солидарности», но и сработать на сдерживание Исламской республики в регионе.

Более того, война двух главных конкурентов за лидерство в Персидском заливе 1980-х – 1990-х гг. в лице саддамовского Ирака и постреволюционного Ирана дала Саудовской Аравии возможность проявить себя и в рамках общесульманского сообщества. Знаковым моментом здесь стал третий саммит на уровне глав государств Организации Исламская конференция (после 2011 г. – Организаций исламского сотрудничества (ОИС)), который состоялся в Мекке в 1981 г. (Валькова 1987, 80). Египет и Афганистан не принимали участия во встрече из-за приостановки их членства, а Ливия и Иран отказались от присутствия на фоне очевидных разногласий с принимающей стороной.

Отсутствие оппонентов на саммите сыграло на руку Саудитам, которые смогли продвинуть собственную повестку. Особенно здесь примечателен шестой пункт коммюнике саммита ОИС 1981 г. под заголовком «исламская солидарность» содержал следующую формулировку: «Конференция постановила полностью посвятить себя принципу невмешательства, прямого или косвенного, во внутренние дела других государств; воздерживаться от провоцирования мятежей и посева семян раздора, которые не соответствуют принципам ислама, лежащим в основе Организации» (Третья

исламская конференция..., 1981).

Подробнее данное положение раскрывается в отдельном документе — Резолюции №4 саммита ОИК 1981 г. Несмотря на достаточно общий характер текста, с учётом ситуации в регионе, некоторые выражения обретают иную трактовку. Например, «провоцирование мятежей и посев семян раздора» в контексте ирано-саудовской конфронтации напрямую отсылают к доктрине «экспорта Исламской революции», бывшей в тот период концептуальной основой внешней политики Тегерана (Хандогин 2011, 114), а тезис об «принципах

ислама, лежащих в основе Организации» дала Саудитам простор для интерпретаций и наполнения тех самых принципов собственными смыслами в противовес шиитской революционности Ирана.

Таким образом, если события 1979 г. стали отправной точкой для трансформации внутренней и внешней политики Саудовской Аравии, то создание ССАГПЗ и третий саммит ОИК на высшем уровне в 1981 г. символически закрепили в качестве приоритетных направлений внешнеполитического курса Эр-Рияда два вектора:

ВЕКТОР	ЗАДАЧА
<i>Региональный вектор</i>	Утверждение лидерства на Арабском Востоке и гегемонии в Персидском Заливе
<i>Религиозный вектор</i>	Укрепление имиджа «родины ислама» и статуса главного защитника мусульманских ценностей в мире

Табл.2. Векторы внешней политики Саудовской Аравии.

Table 2. Vectors of foreign policy of Saudi Arabia.

Иран, в свою очередь, проводил курс, направленный на нивелирование обоих векторов внешней политики Саудовской Аравии. Так, в региональном плане Тегеран стремился занять лидирующее положение на пространстве Ближнего Востока посредством собственного внутреннего экономического, военного и научно-культурного развития и поддержки союзных государств (Сирия) и прокси-сил (например, ливанская Хизбалла). Однако затя-

нувшийся военный конфликт с Ираком подрывал потенциал Ирана, что лишало его возможности достигнуть лидерства как в рамках Персидского залива (Ушаков 1999, 98), так и всего Ближнего Востока в целом. Неприятие наступательной формы реализации амбициозного пан-исламского проекта Ирана большинством стран исламского мира также служило препятствием для достижения религиозных целей страны.

ВЕКТОР	ЗАДАЧА
<i>Региональный вектор</i>	Достижение лидирующих позиций на пространстве Ближнего Востока посредством комбинации мирных и военных инструментов «экспорта исламской революции»
<i>Религиозный вектор</i>	Унификация исламской уммы под эгидой Исламской Республики Иран

Табл.3. Векторы внешней политики Ирана на раннем постреволюционном этапе.

Table 3. Vectors of foreign policy of Iran at the early postrevolutionary stage.

В апреле 1988 г. на фоне продолжающейся ирано-иракской войны и сохранения курса Тегерана на «экспорт исламской революции» Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Ираном (Ушаков 1999, 99). Однако, как отмечает В.И. Юртаев, в последующий период исламский режим в Иране претерпел серьезные внутренние изменения, которые дают основания говорить о начале нового, второго этапа во внешнеполитической линии страны с 1989 г. (Юртаев 2018, 66). Переосмысление характера внешней политики государства связано, в том числе, с приходом к власти нового Духовного лидера А. Хаменеи и прагматичного президента А.А. Хашеми Рафсанджани (1989-1997 гг.). В 1990-е гг. руководство страны, пусть и не отбросив долгосрочные панисламские цели режима, пересмотрело наиболее радикальные положения военной доктрины и определило ее характер как оборонительный (Сажин 2014, 198). Основным же средством реализации «экспорта исламской революции» был установлен экспорт «исламской культурной революции» (Дружиловский 2017, 28).

После окончания ирано-иракской войны в 1988 г. Иран также предпринял ряд шагов по выходу из политической изоляции и заявил о нейтралитете в ходе конфликта между Ираком и Кувейтом, что послужило основой для восстановления отношений с Саудовской Аравией в 1991 г. (Ушаков 1999, 100). А.А. Хашеми Рафсанджани считал, что нормализация отношений с саудитами позволит укрепить позиции Ирана в Персидском заливе и станет препятствием для превращения ССАГПЗ в антииранский союз (Кожанов 2020, 81). При следующем иранском президенте, М. Хатами отношения ИРИ и КСА продолжали улучшаться, что подтверждается заключенными Соглашением о сотрудничестве в торговле, экономике, культуре, науке и технике (1998 г.) и Договором о безопасности (2001 г.) между двумя странами (Almaari 2023).

Основным инструментом Эр-Рияда по развитию регионального вектора в период 1990-х – 2000-х гг. был ССАГПЗ. После вторжения Ирака в Кувейт 1990 г. и Войны в Заливе 1990–1991 гг. государства, входящие в Совет, начали активнее развивать сотрудничество

в сфере безопасности, результатом чего стало увеличение численности «Щита полуострова» в 2002 г. (Мелкумян 2015, 457–458).

Что касается религиозного вектора, то после активизации исламской компоненты в политике Саудовской Аравии в период 1980-х гг., на которые пришёлся излом Холодной войны, в 1990-е гг. для религиозного вектора внешнеполитического курса Эр-Рияда открылись новые возможности. Распад СССР и Югославии дал возможность монархиям Залива начать прямое взаимодействие с мусульманскими общинами на Балканах, получивших независимость республиками Постсоветского Востока и отдельных регионов Российской Федерации (Аватков, Останин-Головня 2022, 65–66). Однако это взаимодействие имело двойственный характер. С одной стороны, на официальном уровне Саудиты щедро спонсировали строительство мечетей, организацию духовных центров и деятельность богословских образовательных учреждений. С другой стороны, началось проникновение на Балканы и Постсоветский Восток исламистских группировок, которые из-за своей приверженности радикальной салафитской идеологии с лёгкой подачи некоторых зарубежных и отечественных СМИ получили клейма «фундаменталистов» и «ваххабитов», что напрямую ассоциировалось с Саудовской Аравией и негативно сказывалось на её репутации.

Тем не менее, после терактов в США 11 сентября 2001 г. руководство королевства было вынуждено начать проявлять максимальную осторожность во всех связанных с религиозным вектором делах. После обнародования данных американских спецслужб о том, что 15 из 19 террористов являлись подданными Саудовской Аравии, риторика сконцентрировалась на защите репутации «ваххабитского королевства». Какие-либо ассоциации правящей династии с салафитами-радикалами из «Аль-Каиды»¹ в сложившейся тогда ситуации могли поставить под удар имидж всего королевства.

26 сентября 2001 г. Саудиты опубликовали заявление о разрыве всех отношений с правительством «Талибана»² в Афганистане, что в дальнейшем позволило Саудовской Аравии принять участие в деятельности «антитеррористической коалиции», созданной под началом Вашингтона (Косач, Мелкумян 2003, 143–144). Также Эр-Рияд выступил инициатором чрезвычайной сессии ОИС по проблеме терроризма на уровне министров иностранных дел, которая прошла в столице Малайзии 1–3 апреля 2002 г. Практическим результатом той встречи стала принятая Куала-Лумпурская декларация о международном терроризме, куда Саудовская Аравия смогла протащить тезис об «исламской солидарности» (Kuala Lumpur Declaration... 2002).

Всё это было направлено, прежде всего, на сохранение имиджа КСА, а доминантой саудовской внешней политики периода 2000-х гг.

¹ Организация запрещена в РФ.

² Движение запрещено в РФ.

можно назвать провозглашённый принцип «умеренности» (Косач, Мелкумян 2003, 160), который скорее являлся вынужденной осторожностью. При этом усиление американского присутствия в зоне Залива дало возможность Саудитам снова сосредоточиться на внутренних преобразованиях и дальнейшем развитии нефтяного сектора. Однако актуализация проблемы международного терроризма в повестке мирового сообщества вынудила Эр-Рияд на время снизить накал антииранской риторики со стороны официальных лиц: Иран постепенно стал превращаться из «центра шиитского радикализма» в «стратегического соперника», что позволило избежать излишних и нежелательных апелляций к проблематике исламистского радикализма.

Значительное влияние на динамику процессов в зоне Персидского залива оказало вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г. Крах иракской государственности привел к стремительному укреплению позиций Ирана, который расширил свое влияние в Ираке через лояльные Тегерану вооруженные шиитские формирования. На начало 2000-х гг. пришлось также оформление т.н. «оси сопротивления» (куда входят союзные и подконтрольные Ирану движения и государства). В результате Иран стал, по выражению В.И. Юртаева «единственным легитимным региональным лидером» или даже «региональным лидером глобального масштаба» (Юртаев 2010, 21). Усиление Ирана, тем не менее, не стало преградой для развития отношений ИРИ и КСА при президенте М. Ахмадинежаде (2005-2013). В 2007 г. М. Ахмадинежад был приглашен на саммит

ССАГПЗ, где в том числе выдвигал инициативы по укреплению системы безопасности в зоне Персидского залива (Кожанов 2020, 82).

Тем не менее с началом т.н. «арабской весны» резкие выпады в адрес Исламской республики вышли на прежний уровень в риторике монархий Залива (Беренкова 2017). Конечно, по государствам-членам ССАГПЗ протестная волна 2010 г. ударила не так сильно, как по Тунису, Ливии, Египту, Йемену и Сирии, но в феврале 2011 г. в Бахрейне демонстрации всё-таки обрели массовый характер после того, как одна из оппозиционных групп, аффилированных с Ираном, призвала к свержению «суннитского королевского режима» (Мелкумян 2015, 458-459). Тогда власти Бахрейна, ссылаясь на поддержку протестного движения извне, запросили у ССАГПЗ ввести силы «Щита полуострова» с целью «обеспечить безопасность и порядок» на территории страны.

Решение Совета выделить контингент для подавления бахрейнских протестов вызвало широкий резонанс среди шиитского меньшинства в Саудовской Аравии. Прежде всего, это коснулось провинции аш-Шаркийя, где расположены одни из крупнейших месторождений нефти королевства. В марте 2011 г. местные шииты провели несколько демонстраций, которые были слишком незначительны по количеству участников и серьёзной угрозы для внутренней безопасности не представляли. Тем не менее саудовские власти отреагировали решительно: было арестовано 100 шиитских активистов, требовавших вывода саудовских войск из Бахрейна (Benham 2011).

Для Ирана события «арабской весны» стали возможностью выдвинуть новую внешнеполитическую доктрину «исламского пробуждения». В отличие от концепции «экспорта исламской революции», в «исламском пробуждении» не была заложена проактивная наступательная компонента иранской внешней политики. Это резонировало с фактическими шагами и заявлениями Тегерана касательно процессов социально-политической трансформации в исламском мире. Так, Н.А. Кожанов отмечает, что «Тегеран был вынужден отказаться от жесткой модели поведения и буквально следовать за “арабской весной”, точнее, ее последствиями, в каждом отдельном случае реагируя на события по-своему» (Кожанов 2020, 82). В контексте государств Персидского залива, Иран поддержал протестные выступления в Бахрейне, что, в том числе, привело к новому этапу усугубления отношений с Эр-Риядом. После казни шиитского проповедника Нимр аль-Нимра в Саудовской Аравии в 2016 г. протестующие разгромили посольство КСА в Тегеране, вслед за чем последовал разрыв дипломатических отношений по инициативе Эр-Рияда.

Нормализация отношений Ирана и Саудовской Аравии в марте 2023 г. является, таким образом, лишь одним из этапов в противоречивой динамике развития взаимодействия двух стран на протяжении последних четырех десятилетий. Периоды стабилизации двусторонних отношений сменяются периодами дестабилизации под влиянием общих процессов на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. Сильное влияние на возможность нахождения компромисса оказывает соотношение фактической

реализации религиозного и регионального векторов двух стран в тот или иной период. На настоящий момент значимый вклад в отход от личных амбиций и переход к поиску компромиссов позволила обеспечить общее для Ирана и Саудовской Аравии стремление добиться суверенизации политического развития субрегиона Персидского залива.

Список литературы

1. Сажин В.И., Бондарь Ю.М. *Военная мощь Исламской Республики Иран*. М.: Издательство Московского университета, 2014. 512 с.
2. Ушаков В.А. *Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.)*. М.: Б.и., 1999. 210 с.
3. Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе. *Геоэкономика энергетики*. 2022. Т. 19, № 3. С. 53–66.
4. Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму. *Вестник Московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика*. 2013. № 4. С. 4–38.
5. Васильев А.М. *История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.)*. М.: «Классика плюс». 672 с.
6. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. *Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. 236 с.
7. Валькова Л.В. *Саудовская Аравия: нефть,*

- ислам, политика. М: «Наука», 1987. 254 с.
8. Третья исламская конференция на высшем уровне: заключительное коммюнике (مؤتمر القمة الإسلامي الثالث: البيان) (منظمة التعاون الإسلامي) .1981 <http://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.html>) дата обращения 30.10.2022) (на араб.яз)
  9. Хандогин К.Ю. Идеология хомейнизма и её влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана. *Власть*. 2011. № 10. С. 111–114.
  10. Юртаев В.И. *Исламизация как фактор внешней политики Ирана*. М.: Аспект Пресс, 2018. 157 с.
  11. Дружиловский С.Б. Трансформация внешнеполитического курса Ирана и её влияние на российско-иранские отношения // *Обозреватель - Observer*, no. 3 (326), 2017, pp. 25-35.
  12. Кожанов Н.А. Иран и страны ССАГПЗ: между противостоянием и диалогом. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 7. С. 80-88.
  13. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. 2015. С. 455–464.
  14. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Религиозный фактор и мусульманское паломничество в российско-саудовских отношениях. *Россия и мусульманский мир*. 2022. № 2 (324). С. 64–72.
  15. Almaari F. Clarifying the Status of Previous Iran-Saudi Agreements. *The Washington Institute for Near East policy*. 2023. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/clarifying-status-previous-iran-saudi-agreements> (дата обращения 29.09.2023)
  16. Kuala Lumpur Declaration on international terrorism. The Organization of Islamic Cooperation. 2002. http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения 30.10.2022)
  17. Юртаев, В.И. Иран: регионализация и геополитика. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2010. №4. С. 19-28.
  18. Беренкова Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность. *Российский совет по международным делам*. 2017. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения 30.10.2022)
  19. Benham J. Saudi arrests 100 Shi'ite protesters – rights group. Reuters. 2011. <https://www.reuters.com/article/oukwd-uk-saudi-arrests-idAFTRE72M24G20110323> (дата обращения 30.10.2022)

References

1. Sazhin V.I., Bondar Y.M. *Military Power of the Islamic Republic of Iran*. Moscow: Moscow University Press, 2014. 512 p. (In Russ.)
2. Ushakov V.A. *Iran and the Muslim World (1979-1998)*. Moscow: B.I., 1999. 210 p. (In Russ.)
3. Ostanin-Golovnya V.D. The Oil Factor in US-Saudi Relations at the Present Stage. *Geoeconomics of Energy*. 2022. Vol. 19, № 3. P. 53-66. (In Russ.)
4. Yakovlev A.I. Religious factor in world politics in the era of globalization: from secularization to fundamentalism. *Vestnik of Moscow University. Series 25: international relations and world politics*. 2013. № 4. P. 4-38. (In Russ.)
5. Vasiliev A.M. *History of Saudi Arabia (since 1745 till the end of the twentieth century)*. Moscow: Classics Plus. 672 p. (In Russ.)
6. Kosach G.G., Melkumyan E.S. *Foreign Policy of Saudi Arabia. Priorities, directions, decision-making process*. M.: ASTI IZDAT, 2003. 236 p. (In Russ.)
7. Valkova L.V. *Saudi Arabia: oil, Islam, politics*. M: "Nauka", 1987. 254 p. (In Russ.)
8. Third Islamic Summit Conference: final communiqué (مؤتمر القمة الإسلامي الثالث: البيان) *Organization of Islamic Cooperation (الختامي)*. 1981. <http://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.html> (accessed on 30.10.2022) (In Arabic)
9. Khandogin K.Y. Khomeinism ideology and its influence on the formation of conceptual foundations of Iran's foreign policy. *Vlast*. 2011. № 10. P. 111-114. (In Russ.)
10. Yurtayev V.I. *Islamization as a factor of Iran's foreign policy*. Moscow: Aspect Press, 2018. 157 p. (In Russ.)
11. Druzhilovsky S.B. Transformation of Iran's foreign policy course and its impact on Russian-Iranian relations // *Observer*, no. 3 (326), 2017, pp. 25-35. (In Russ.)
12. Kozhanov N.A. Iran and the GCC countries: between confrontation and dialog. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64, № 7. P. 80-88. (In Russ.)
13. Melkumyan E.S. The Gulf Cooperation Council of Arab Countries as an Institution for Ensuring National Security of Member Countries. *Nations and nationalism in the Muslim East*. 2015. P. 455-464. (In Russ.)
14. Avatkov V.A., Ostanin-Golovnya V.D. Religious factor and Muslim pilgrimage in Russian-Saudi relations. *Russia and the Muslim World*. 2022. № 2 (324). P. 64-72. (In Russ.)
15. Almaari F. Clarifying the Status of Previous Iran-Saudi Agreements. *The Washington Institute for Near East policy*. 2023. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/clarifying-status-previous-iran-saudi-agreements> (accessed on 29.09.2023)
16. Kuala Lumpur Declaration on international terrorism. The Organization of Islamic Cooperation. 2002. http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (accessed on 30.10.2022).
17. Yurtayev, V.I. Iran: regionalization and geopolitics. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2010. №4. P. 19-28. (In Russ.)
18. Berenkova N.A. Bahrain and regional Shiite

solidarity. *Russian Council on Foreign Affairs*. 2017. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (accessed on 30.10.2022) (In Russ.)

19. Benham J. Saudi arrests 100 Shi'ite protesters — rights group. Reuters. 2011. <https://www.reuters.com/article/oukwd-uk-saudi-arrests-idAFTRE72M24G20110323> (accessed on 30.10.2022)

Сведения об авторах

Останин-Головня Василий Дмитриевич

Научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Адрес организации: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

Баскаков Илья Дмитриевич

Младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Адрес организации: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru

Information about the authors

Vasily D. Ostanin-Golovnya

Research Fellow of Department of Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

Ilya D. Baskakov

Junior Research Fellow of Department of Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

The problem of exporting products by defense industry enterprises of Perm city to the DPRK in 1959–1964

Проблема отправки на экспорт в КНДР продукции предприятий оборонной промышленности города Пермь в 1959–1964 гг.

Хренов Валентин Валерьевич

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
val-khrenov@yandex.ru*

<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

Valentin V. Khrenov

*Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia*

*Corresponding author: val-khrenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>*

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-94-110](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-94-110)

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является комплекс проблем, связанных с экспортной деятельностью предприятий оборонной промышленности города Пермь в отношении КНДР в 1959–1964 гг. — в период, когда управление промышленностью СССР осуществлялась не отраслевыми министерствами, а региональными советами народного хозяйства (совнархозами). Контроль над экспортной деятельностью пермских предприятий был возложен сначала на Пермский совет народного хозяйства (совнархоз), а с декабря 1962 года — на совнархоз Западно-Уральского экономического района. Предприятиям, выпускавшим продукцию для нужд оборонной промышленности, помимо своего официального названия, также присваивался условный номер, поэтому их называли

ABSTRACT

The subject of the study are different problems with the export activity of the defense industry enterprises of Perm city to the DPRK in 1959–1964, i.e. in the period when the USSR industry was managed not by branch ministries, but by regional economic councils (so called sovnareshoz). Control over the export activities of Perm enterprises was entrusted firstly to the Perm Council of National Economy (sovnareshoz), and since December 1962 to the one of the West Ural Economic District. Enterprises that made products for the needs of the defense industry, in addition to their official name, were also assigned a conditional number, so they were called "numbered" and "mailboxes" ("p/box"). Nevertheless, such enterprises exported their products mainly to the countries of the so-called "people's democracy", having

«номерными» и «почтовыми ящиками» («п/я»). Тем не менее, такие предприятия осуществляли поставки своей продукции на экспорт преимущественно в страны так называемой «народной демократии», сыграв немалую роль в истории становления промышленности многих государств, среди которых была Корея. Народно-Демократическая Республика (КНДР), что обусловило актуальность выбранной темы исследования. В указанный период экспорт в КНДР осуществлялся по линии семи крупных пермских оборонных заводов, подведомственных управлениям машиностроения и металлургии, химической, электротехнической и другим видам промышленности, однако в данной статье не рассматриваются два предприятия химической отрасли, чья экспортная деятельность в отношении Северной Кореи была исследована в отдельной статье, посвященной экспортным поставкам в эту страну пермскими заводами химической промышленности. Региональные совнархозы функционировали в 1957–1965 гг., однако выбор в качестве хронологических рамок периода 1959–1964 гг. связан с тем, что именно на это время приходится осуществление экспорта в КНДР оборонными заводами Перми. В статье проводится исследование процесса организации поставок продукции предприятиями «п/я» Перми в Северную Корею и проблем, связанных с экспортом в эту страну.

Новизна исследования заключается в том, что источниковая база для данной статьи основана на материалах Государственного архива Пермского края (ГАПК), связанных с деятельностью отдела внешних сношений

played a significant role in the history of the formation of the industry of many states, among which was the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), which determined the relevance of the chosen research topic. During this period, exports to the DPRK were carried out through seven large Perm defense plants subordinate to the departments of mechanical engineering and metallurgy, chemical, electrical and other industries, however, this article does not consider two chemical industry enterprises whose export activities in relation to North Korea were investigated in a separate article on export supplies to this country by Perm chemical industry plants. The regional sov-narkhozes functioned in 1957–1965, however, the choice of the period 1959–1964 as a chronological framework is due to the fact that it was at this time that the Perm defense factories exported their products to the DPRK. The article investigates the process of organizing the supply of products by Perm enterprises to North Korea and the problems associated with exports to this country.

The novelty of the research is that the source base for this article is based on the materials of the State Archive of the Perm Krai (SAPK) covering the activities of the Department of Foreign Relations of the CNE of the West Ural Economic District. The documents were first introduced into scientific circulation within the framework of the topic under study.

Keywords. Perm, defense industry, DPRK, North Korea, exports

Acknowledgments. This work was supported by the Core University Program for Korean

Пермского совнархоза, которые впервые введены в научный оборот в рамках исследуемой темы.

Ключевые слова. Пермь, оборонная промышленность, КНДР, Северная Корея, экспорт.

Благодарности. Данная работа осуществлялась при поддержке Базовой университетской программы исследований Кореи через Министерство образования Республики Корея и Службы содействия развитию корееведения Академии корееведения (AKS-2019-OLU-2250001).

Для цитирования: Хренов В.В. Проблема отправки на экспорт в КНДР продукции предприятий оборонной промышленности города Пермь в 1959–1964 гг. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 94-110 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-94-110>

ВВЕДЕНИЕ

После передачи в 1957 году функций по управлению промышленностью в регионах вновь созданным органам местного самоуправления — советам народного хозяйства (сокращенно совнархозам) [О дальнейшем совершенствовании..., 1957, с. 343] – промышленные предприятия Пермской области стали подведомственны Пермскому совнархозу, состоявшему из 11 отраслевых управлений [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 625. Л. 3], которые были упразднены в связи с ликвидацией в СССР системы совнархозов в 1965 году. Так называемые «номерные» предприятия или «почтовые ящики» (п/я) Перми,

Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2019-OLU-2250001).

For citation: Khrenov V.V. The problem of exporting products by defense industry enterprises of Perm city to the DPRK in 1959–1964. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 94-110 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-94-110>

выпускавшие продукцию для нужд оборонной промышленности, подчинялись тому или иному отраслевому управлению совнархоза в зависимости от профиля деятельности (например, управлению химической промышленности, машиностроения и металлургии и т.п.). При этом в составе Пермского совнархоза не было какого-либо специального управления, которому были подведомственны только оборонные заводы, как это было, например, в совнархозе Средне-Уральского экономического района (г. Свердловск), где руководство экспортной деятельностью осуществлялось Пятым управлением

Свердловского совнархоза [ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 1001. Л. 3].

Различным управлениям сначала Пермского совнархоза, а после его укрупнения в конце 1962 года – Совета народного хозяйства Западно-Уральского экономического района — подчинялось несколько десятков предприятий, в т.ч. семь предприятий оборонной промышленности, осуществлявших экспорт своей продукции в Северную Корею. При этом все они находились непосредственно в сегодняшних границах г. Пермь, а именно:

- Завод п/я 3
- Завод п/я 100
- Завод п/я 210
- Завод п/я 212
- Завод п/я 215
- Завод п/я 273
- Завод п/я 398

В данной статье будут рассмотрены проблемы экспорта только продукции оборонных заводов п/я 3, 210, 212, 215 и 273, подведомственных Управлению общего машиностроения Пермского совнархоза. Экспортная деятельность в отношении Корейской Народно-Демократической Республики предприятий химической отрасли, к которым относятся оборонные предприятия п/я 100 и 398, не является предметом исследования данной работы, поскольку их деятельность в отношении Северной Кореи была комплексно рассмотрена в рамках другой научной статьи, посвященной

аналогичной деятельности предприятий, подведомственных Управлению химической промышленности Пермского совнархоза.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ниже рассмотрим основные показатели экспортных поставок предприятий оборонной промышленности Пермского совнархоза в КНДР в указанный период, товарную матрицу поставляемой ими продукции, научно-техническое сотрудничество, а также проблемы, связанные с их деятельностью в этом направлении.

Завод п/я 3. Под этим названием в советское время работал Завод № 33 имени М.И. Калинина, подведомственный Наркомату авиационной промышленности [Предприятия № 21-40], который находился по адресу г. Пермь, ул. Куйбышева, 140. Завод был основан в 1941 году на юге Перми близ железнодорожной станции Бахаревка и стал специализироваться на выпуске агрегатов регулирования для моторов и карбюраторов для самолетов [Завод №33]. После окончания Великой Отечественной войны на заводе также наладили выпуск автомобильных карбюраторов. В 1966 году Завод № 33 имени М.И. Калинина был переименован в Пермский карбюраторный завод имени М.И. Калинина, а еще позднее — в Пермский агрегатный завод. После акционирования в 1992 году предприятие стало работать как АООТ «Пермское агрегатное объединение "Инкар"» [Предприятия № 21-40], которое и по сей день занимается производством авиационной и автомобильной топливно-регулирующей аппаратуры [Инкар].

Экспортные поставки в Корею Народную-Демократическую Республику Завод п/я 3 осуществлял с 1962 года по 1964 год по линии всесоюзного объединения «Автоэкспорт». Во II квартале 1962 года Завод № 33 должен был отправить в Корею авиационные карбюраторы К-14А в количестве 5 шт. и клапаны ЭЛ-506 в количестве 10 шт. Карбюраторы были отгружены в КНДР в пределах установленного объема и срока, 4 мая 1962 года, а вот клапаны были отправлены заказчику с небольшим опозданием, 02.08.1962. Такое опоздание было связано с тем, что заказ-наряд от в/о «Автоэкспорт» завод получил достаточно поздно, в конце II квартала [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. Л. 26].

В 1963 году Завод п/я 3 должен был поставить в Северную Корею во II квартале лишь один карбюратор К-14А, который был отгружен в эту страну 24.04.1962 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 655. Л. 38].

Что касается 1964 года, то Завод № 33 получил заказ-наряд от всесоюзного объединения «Автоэкспорт» поставить в КНДР во II квартале топливные насосы для турбореактивных двигателей НР-21Ф в количестве 2 шт., которые были отгружены в Северную Корею с месячной задержкой, в начале августа 1964 года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 676. Л. 70]. Данные насосы применялись на авиационных двигателях З7Ф2С истребителей МИГ-21, которые многие годы несли службу в военно-воздушных силах КНДР [ВВС и ПВО КНДР: противоречивые сигналы].

Таким образом, Завод п/я 3 все плановые поставки 1962–1964 гг. авиационного оборудо-

вания в Корею выполнил в полном объеме с незначительным нарушением сроков поставки.

Завод п/я 210. Под этим названием в советское время работал завод № 172 в Мотовилихинском районе Перми [Предприятия № 151–200], который находился по адресу г. Пермь, ул. 1905 года, 35. Завод был основан в 1736 году В.Н. Татищевым как Мотовилихинский медеплавильный завод, а в XIX веке на его основе были созданы Пермские пушечные заводы. В дореволюционной России здесь также производились пароходы, паровые машины, прокатные станы и др. В 1930-е гг. на заводе было освоено производство продукции для цветной металлургии, нефтяной и угольной промышленности [Мотовилихинские заводы. История]. При этом продолжался выпуск артиллерийских орудий для нужд оборонной промышленности, который особенно активизировался в годы Великой отечественной войны. По этой причине с начала 1940-х гг. предприятие стало номерным и функционировало как Завод № 172 имени Молотова в подчинении Наркомвооружения [Завод № 172], а с 1953 года стало работать под обозначением п/я 210, т.е. «почтовым ящиком» 210. Помимо сталеплавильного производства, на заводе был освоен выпуск гарпунных пушек, полукубовых экскаваторов, породопогрузочных машин, угольных комбайнов, гидротурбин, нефтяных насосов и прочей техники. А последние годы вплоть до акционирования в 1992 году завод был известен как «Пермский машиностроительный завод имени В.И. Ленина», после чего стал носить название ОАО «Мотовилихинские заводы» [Мотовилихинские заводы. История].

В период совнархозов Завод п/я 210 осуществлял в Северную Корею только поставки стали в 1959–1960 гг. Так, в перечне оборудования, размещенного на предприятиях Пермского совнархоза по заказ-нарядам всесоюзной организации «Станкоимпорт» в 1958 году с поставкой в 1959 году, был упомянут заказ на поставку в КНДР в I полугодии 1959 года 38 тонн заготовки из высококачественной легированной стали, которая была отправлена в эту страну в полном объеме и в указанный срок. Помимо Кореи, в 1959 году Завод имени В.И. Ленина экспортировал такую же сталь также в Чехословакию, Болгарию, Венгрию и Монголию [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. Л. 234].

В журнале регистрации экспортных заказов на 1960 год, согласно заявке от всесоюзного объединения «Промсырьеимпорт» от 01.04.1960, на май 1960 года была намечена отправка в КНДР Заводом имени Ленина одной тонны конструкционной стали, которая была отгружена в полном объеме с незначительной задержкой, 18.07.1960 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 5].

Помимо поставок в Корею своей продукции, Завод имени Ленина делился с корейскими коллегами своими научно-техническими разработками для налаживания производства на территории Корейской Народно-Демократической Республики. На основании письма Пермского Совнархоза за № 34/676 от 23 декабря 1961 года в адрес советско-корейской комиссии по научно-техническому сотрудничеству госкомитета Совета Министров СССР по вопросам координации научно-исследовательских работ по вопросам обмена

техдокументацией с зарубежными странами руководством Завода было направлено письмо от 14 мая 1962 года, в котором за подписью и.о. главного инженера п/я 210 по фамилии Перетятко сообщалось о том, что Заводом «подготовлена и скомплектована техническая документация — рабочие чертежи, технические условия и др. на производство гарпунно-китобойной пушки ГКБ-6 и китобойного гарпуна ГКП-М-60 для передачи ее Корейской Народно-Демократической Республике» [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 608. Л. 126].

Таким образом, Завод имени В.И. Ленина экспортировал свою продукцию в КНДР в 1959 и 1960 году. Поставки были произведены в полном объеме с двухмесячной задержкой отгрузки в 1960 году. Помимо экспорта стали, в рамках международного научно-технического сотрудничества Завод п/я 210 передал в 1962 году Корейской Народно-Демократической Республике техническую документацию на производство гарпунно-китобойной пушки и китобойного гарпуна для налаживания их производства на территории этой страны.

Завод п/я 212. Под этим названием в советское время работал завод № 10 имени Ф.Э. Дзержинского Наркомата боеприпасов (НКБ) СССР, который находился по адресу г. Пермь, ул. Дзержинского, 1. Завод был основан в 1859 году как судостроительный, но после национализации в 1920-е годы XX в. сменил профиль производства, став заводом «Сепаратор», специализировавшемся на производстве молочных сепараторов, а с 1933 года стал также выпускать сепараторы для очистки масел

и дизельного топлива [Предприятия № 4–10]. Параллельно с выпуском основной продукции велось производство взрывателей и капсюльных втулок для нужд фронта [Завод № 10 имени Ф.Э. Дзержинского в годы Великой Отечественной войны]. После реконструкции завода в мае 1934 года предприятие стало называться Заводом № 10 имени Ф.Э. Дзержинского, при этом была расширена производственная программа завода: с 1935 года предприятие начало выпускать бензопилы, среди которых наибольшую популярность в СССР и за рубежом приобрела бензопила «Дружба», чье массовое производство началось с 1955 года и продолжалось несколько десятилетий. В годы Великой Отечественной войны, начиная с 1943 года, предприятие, выпускавшее продукцию для нужд оборонной промышленности, стало работать под обозначением п/я 212, т.е. «почтового ящика» 212. Впоследствии завод также имел такие названия, как «Завод имени Ф.Э. Дзержинского», «Пермский машиностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского», а в наши дни продолжает работать как ФГУП «Машиностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского» [ФГУП «Машиностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского»].

16 марта 1959 года на имя директора завода п/я 212 и начальника отдела внешних сношений Пермского совнархоза от всесоюзного экспортно-импортного объединения «Станкоимпорт» поступила телеграмма № 5526 с настоятельной просьбой со стороны инофирмы ускорить отгрузку в Корею бензомоторных пил «Дружба» и запчастям к ним [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. Л. 7]. Под «инофирмой» подразуме-

валось «Корейское общество по экспорту и импорту машин и оборудования “Киге”», которое еще в декабре 1958 года заключило с в/о «Станкоимпорт» контракт на поставку в I квартале в Корейскую Народно-Демократическую Республику бензопил «Дружба» и запчастей к ним, производимым на Заводе им. Ф.Э. Дзержинского [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. Л. 111]. В телеграмме от 7 апреля 1959 года руководство Станкоимпорта повторно обращалось к директору Завода по фамилии Кушнир ускорить отгрузку запчастей к пиле «Дружба» в КНДР [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. Л. 110]. Следует заметить, что в апрельской телеграмме, в отличие от мартовской, уже шла речь только об отгрузке запчастей. Однако, в перечне оборудования, размещенного на предприятиях Пермского совнархоза по заказ-нарядам в/о «Станкоимпорт» по состоянию на 1 января 1959 года для Завода п/я 212 значился только заказ на экспорт в КНДР в I квартале 1959 года 20 шт. бензомоторных пил «Дружба», а о запчастях к пилам какое-либо упоминание отсутствовало [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. Л. 234]. Исходя из содержания апрельской телеграммы можно допустить, что заявленные 20 шт. бензопил к концу марта 1959 года уже были поставлены в Корею. Попробуем разобраться, о каких запчастях для Кореи шла речь в вышеупомянутых телеграммах. Согласно перечню оборудования, размещенного на предприятиях Пермского СНХ по заказ-нарядам в/о «Станкоимпорт» по состоянию на 1 апреля 1959 года, Завод имени Ф.Э. Дзержинского должен был осуществить поставку в III квартале 1959 года в КНДР еще одной, на этот раз более крупной партии бензопил в количестве 138 шт., а также 1395 шт.

различных запчастей к ним [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. Л. 246]. Для сравнения объемов экспорта этой продукции Завода по зарубежным странам, в 1959 году п/я 212 должен был отправить 150 шт. бензопил в Польшу, 170 шт. — в КНР, а также по 100 шт. — в Румынию и Болгарию [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. Л. 246]. В ответной телеграмме Завода имени Ф.Э. Дзержинского от 4 июля 1959 года сообщалось, что никакого заказ-наряда на поставку запчастей в Корею с поставкой в I квартале на завод не поступало. При этом в телеграмме отмечалось, что в прилагаемом к телеграмме от 16 марта 1959 года в/о «Станкоимпорт» перечне не поставленного в Корею оборудования корейской стороной были указаны заказ-наряды на 138 шт. бензопил и запчастей, подлежащих отправке в КНДР не в первом, а в третьем квартале 1959 года. При этом руководство предприятия отметило, что Завод уже приступил к выполнению указанных заказ-нарядов и отгрузит продукцию корейскому заказчику в конце июля 1959 года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. Л. 112].

В этом контексте нельзя не отметить причину, по которой корейская сторона настаивала на скорейшем получении большой партии бензопил «Дружба». Как следует из письма северокорейского внешнеторгового общества «Киге», направленного 11.06.1959 года в адрес всесоюзного объединения «Станкоимпорт» с просьбой принять меры к сокращению сроков поставки бензопил в Северную Корею, причиной тому стало сокращение срока выполнения пятилетнего плана народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики по лесопромышленности до двух с половиной лет,

в связи с чем корейская сторона была крайне обеспокоена тем, что не сумеет выполнить план: ведь вся партия бензопил «Дружба», об ускорении экспорта которых шла речь в письме, предназначались для выполнения плана по лесозаготовкам в КНДР [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. Л. 111]. Ниже приведем оригинальный текст содержания с сохранением правописания, стиля и пунктуации вышеуказанного письма Корейского внешнеторгового общества «Киге» во всесоюзное объединение «Станкоимпорт»:

«Имею честь сообщить вам о том, что в связи с поставкой товаров между Вашим объединением и нашим обществом по заключенным контрактам от декабря 1958 года, имею честь Вам поблагодарить за старание обеспечение поставку рядное многое оборудование для лесопромышленность.

А также Вам обратить внимание, учесть наше острого обстоятельства на сокращение срок выполнения план народного хозяйства в первую пятилетку более двух с половиной в год, а также не обеспечите нижеприлагаемые товары, то у нас будет очень значительное затруднение выполнения план народного хозяйства в деле по сокращение более двух с половиной в год.

Поэтому прошу Вашего содействия учесть наше острого необходимостью принять особые меры поставки оборудования сократить сроки поставки чем указанных в контракте.

Надеемся удовлетворить нашу просьбу

Корейское общество по экспорту и импорту машин и оборудования» [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. Л. 111].

Таким, образом, в отношении экспорта в Корею продукции Завода п/я 212 в 1959 году можно сказать следующее. Корейское внешне-торговое общество «Киге», заключив в декабре 1958 года контракт на поставку 20 бензопил в первом квартале, а следом, в начале 1959 года, контракт на поставку 138 бензопил и запчастей к ним в третьем квартале, было крайне заинтересовано в скорейшей поставке указанной продукции в КНДР ввиду необходимости выполнения пятилетнего плана народного хозяйства своей страны за два с половиной года. Но на этом фоне корейские товарищи из общества «Киге», очевидно, либо перепутали эти заказы между собой, либо невнимательно изучили сроки поставки продукции полагая, что они должны были быть выполнены до конца марта 1959 года, в результате чего и произошло недопонимание между Корейским внешнеторговым обществом «Киге» и в/о «Станкоимпорт» с одной стороны, и руководством Завода имени Ф.Э. Дзержинского — с другой. Фактически же завод выполнил все свои обязательства перед северокорейским заказчиком за 1959 год в указанных в контрактах сроки и в полном объеме.

30 января 1960 года по линии всесоюзного объединения «Станкоимпорт» Заводу имени Ф.Э. Дзержинского поступила очередная заявка на поставку в КНДР в III квартале 1960 года 107 шт. мотопил «Дружба», который фактически был выполнен только в IV квартале: 30 штук

было отгружено в Корею 10.11.1960, а остальные 77 штук. — 27.11.1960 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 10]. По линии же всесоюзного объединения «Судоимпорт» Завод еще в январе 1960 года получил заказ поставить в КНДР в III квартале 1960 года один сепаратор НСМ, применяемый на судах для очистки топлива, который весной того же года был аннулирован по инициативе корейского заказчика и поэтому поставлен не был [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 12].

В апреле 1961 года по линии всесоюзного объединения «Станкоимпорт» Завод имени Ф.Э. Дзержинского должен был отправить на экспорт в Северную Корею самую крупную партию мотопил «Дружба» в количестве 323 шт. [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 606. Л. 27], с которым завод не сумел справиться в указанный срок, в результате чего поставка была перенесена на IV квартал того же года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 594. Л. 27], а продукция в полном объеме отгружена в Корею до 28 декабря 1961 года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 610. Л. 12]. Также в 1961 году п/я 212 поставил в КНДР запчастей к мотопиле «Дружба» во III квартале в два этапа на сумму 1192 руб. и 7435 руб. (отгружены 15.07.1961 и 15.08.1961 соответственно) и в IV квартале на сумму 1489 руб. (отгружены 30.11.1961 года) [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 610. Л. 12]. По просьбе этого же всесоюзного объединения в IV квартале Завод выполнил для Корейской Народно-Демократической Республики еще одну заявку — на 5 тыс. штук поршневых колец, которые были отгружены в полном объеме 30.11.1961 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 610. Л. 12]. Кроме того, 18.05.1961 п/я 212 получил дополнительный заказ от всесоюзного экспортно-импортного объединения

«Техмашимпорт» на поставку в КНДР в III-IV квартале 1961 года 3 шт. сепараторов САЖ-3М [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 592. Л. 69], которые были отгружены 23 октября того же года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 610. Л. 14].

В 1962 и 1963 годы Завод имени Ф.Э. Дзержинского поставлял в Корею только запчасти к мотопиле «Дружба» по линии в/о «Станкоимпорт». Так, в 1962 году Завод поставил в КНДР запчастей к бензопиле на сумму 4918 руб. во II квартале (отгружены 30.06.1962) [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. Л. 11] и в IV квартале (отгружены в ноябре 1962 года) [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. Л. 12]. В 1963 году Завод должен был поставить в Корею только запчасти к бензопилам в количестве 1500 шт. на сумму 7647 руб. в течение I квартала, из которых 1200 шт. были изготовлены в срок (отгружены 30.03.1963), а оставшиеся 300 шт. были изготовлены с опозданием и отгружены в КНДР лишь 21.05.1963 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 655. Л. 14].

В 1964 году Завод п/я 212 экспортировал в Северную Корею только маслоочистительные сепараторы СЦ-3 в количестве 5 шт., поставка которых была запланирована на II квартал: 2 шт. были отгружены в Корею в мае, и 3 шт. — в июне 1964 года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 659. Л. 49]. Об отгрузке сепараторов в мае 1964 года на приграничную станцию Хасан рапортовал в телеграмме заместитель директора Завода имени Ф. Э. Дзержинского А. Зуев [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 661. Л. 204].

Таким образом, в период 1959–1964 гг. Завод п/я 212 (Завод имени Ф.Э. Дзержинского) регулярно осуществлял экспорт продукции

в Северную Корею, при этом качество выполнения экспортных заказов находилось на относительно высоком уровне. Так, например, абсолютно все поставки за этот период были выполнены в полном объеме. В 1960–1961 гг. имели место быть задержки в соблюдении сроков поставки продукции, самой серьезной из которых стал перенос на полгода экспорта в Корею партии из 323 штук мотопил «Дружба». Не обошлось и без курьезного случая, когда в 1959 году корейский заказчик в лице внешнеторгового общества «Киге» по собственной невнимательности перепутал сроки поставки ему продукции, из-за чего возникло недопонимание между ним и руководством Завода имени Ф.Э. Дзержинского.

Завод п/я 215. Под этим названием в советское время работал Завод № 169, который находился по адресу г. Пермь, ул. Сергея Данщина, 7. Предприятие было основано в 1941 году на базе эвакуированного из г. Харькова в г. Пермь Харьковского завода холодильных машин «Механолит» [Список номерных заводов Молотовской — Пермской области], который специализировался на производстве машин для механизации труда в сфере общественного питания [История Харьковского завода холодильных машин]. В первые годы после эвакуации работал в Перми под названием Завод № 169 и п/я 215, в военное время производя боеприпасы для бомбардировочной авиации. В послевоенное время завод стал подчиняться Наркомату торговли и впоследствии сменил название на Завод торгового оборудования, поскольку уже производил мирную продукцию — оборудование для предприятий торговли

и массового общественного питания [Завод машин для «фабрик-кухонь»], такое как универсальные кухонные машины, овощерезки, картофелечистки, мясорубки и т.п. После реорганизации завода в постсоветские годы это предприятие продолжает работу под названием ООО «Завод «Торгмаш» [Торгмаш Пермь. О компании].

Торгово-экономическое взаимодействие Завода п/я 215 с КНДР осуществлялись в 1959 и 1960 годы, но оказалось не очень удачным и носило весьма специфический характер.

В 1959 году по заказ-наряду в/о «Машиноэкспорт» Завод должен был поставить в Северную Корею универсальную машину мясных цехов в количестве 1 шт. В своей почтограмме от 17.10.1959 начальнику отдела внешних сношений Пермского совнархоза, директор Завода торгового оборудования по фамилии Борисов сообщил о готовности выполнить заказ, но при этом обратил внимание на то, что в/о «Машиноэкспорт» перенесло сроки поставки на ноябрь 1959 года [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 588. Л. 180]. Однако 11.11.1959 на имя начальника отдела внешних сношений Пермского совнархоза А.Г. Михайлова поступила почтограмма от председателя в/о «Машиноэкспорт» Друтакова с просьбой аннулировать заказ-наряд на поставку универсальной машины мясных цехов по инициативе «инополучателя» (т.е. корейского заказчика) [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 588. Л. 111]. Таким образом, данный товар так и не был поставлен в Корею.

В марте 1960 года Завод торгового оборудования получил заказы от в/о «Разноимпорт»

и в/о «Машиноэкспорт» на поставку в Корею к маю месяцу нескольких видов своей продукции для участия в Советской торгово-промышленной выставке в Пхеньяне 1960 года, а именно:

- универсальный привод 822 для кухонных машин, 1 шт. (от в/о «Разноимпорт») [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 29].
- универсальная кухонная машина 723, 1 шт. (от в/о «Машиноэкспорт») [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 30].
- картофелечистка КА-150, 1 шт. (от в/о «Разноимпорт») [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 31].

30.04.1960 предприятие отгрузило продукцию в КНДР, причем универсальный привод был поставлен в количестве 2 штук [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. Л. 29].

Таким образом, единственный заказ от КНДР на 1959 год был аннулирован по просьбе корейской стороны, а все поставки в Корею за 1960 год были связаны исключительно с участием Завода торгового оборудования в советской торгово-промышленной выставке в Пхеньяне и не предназначались непосредственно для корейского заказчика.

Завод п/я 273. Под этим названием в советское время работал Завод № 629 Наркомата электропромышленности (НКЭП) [Почтовые ящики «п/я»], который находился по адресу г. Пермь, ул. Окулова, 75. Завод № 629, материальной базой которого стала часть оборудования Ленинградского электромеханического завода № 8, начал работу в 1941 году и его

основной продукцией сначала стало производство полевых телефонных аппаратов, а потом и гражданских автоматических телефонных станций, репродукторов и т.п. [Завод № 629]. В послевоенные годы предприятие стало одним из ведущих производителей средств связи в СССР и России под названием Пермский телефонный завод (ПТЗ) [Предприятия № 601–700], а после его акционирования в 1990-е гг. стал работать как ОАО «ПТЗ “Телта”» [Телта. Пермский телефонный завод. История завода].

Первые свои экспортные поставки в КНДР Пермский телефонный завод начал осуществлять с 1962 года, в III квартале которого должен был отправить в Корею 1 комплект учрежденческой автоматической телефонной станции УАТС-5 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. Л. 23] и 50 шт. телефонных капсюлей ТК-47. Товар в заявленном количестве был отгружен в эту страну в пределах установленного срока, 28.08.1962 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. Л. 21].

Во II квартале 1963 года у Завода п/я 273 была запланирована отправка на экспорт по линии в/о «Машприбор» в Северную Корею более внушительной партии телефонных капсюлей ТК-47 в количестве 1800 шт., которые были отгружены в эту страну уже 06.04.1963 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 655. Л. 25], а также 40 шт. телефонных аппаратов ТАН-6, предназначавшихся для включения в корабельные автоматические телефонные станции (АТС), которые были отгружены заказчику в полном объеме 09.05.1963 [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 655. Л. 28]. Такое же количество телефонных аппаратов было экспор-

тировано в Монголию и 19 штук — в Гану [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 646. Л. 211].

Здесь также обратим внимание на один примечательный сюжет, связанный с переводом технической документации с/на иностранные языки на экспортную продукцию, что позволяет получить представление о расценках на технические переводы (в т.ч. восточных языков) для уральских организаций по состоянию на 1963 год. Те предприятия, у которых был свой штат переводчиков, справлялись с этим собственными силами. Но тем предприятиям, у которых не было в штате таких специалистов, приходилось обращаться в торгово-промышленную палату своего региона. Одним из ведущих учреждений подобного рода на Урале (наряду со Свердловским отделением «Внешторгиздата», находившегося в г. Свердловске в Доме Промышленности на ул. Мамина-Сибиряка, д. 145) [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 592. Л. 223], была Торгово-промышленная палата Свердловской области, которая в начале 1960-х гг. располагалась по адресу г. Свердловск, ул. Карла Либкнехта, д. 3, и по вопросам перевода технической документации в нее обращались предприятия не только Свердловской области, но и также Пермской и других областей Урала. В 1963 году руководство Завода п/я 273 обращалось в Торговую палату г. Свердловска с запросом расценок на переводы текстов, в т.ч. с/на восточные языки. В ответном письме Торговой палаты от 21.12.1963 было сказано, что «стоимость переводов на русский язык со всех языков кроме восточных составляет 80 рублей за авторский лист, а на иностранные языки и с восточных языков (китайский, японский

и др.) 150 рублей за авторский лист» [ГАПК. Ф. 971. Оп. 1. Д. 649. Л. 11]. Поскольку один авторский лист соответствует 40 тысячам знаков с пробелами, стоимость услуг Торгово-промышленной палаты г. Свердловска по переводу технической документации с/на восточные языки, в т.ч. и корейский, на конец 1963 года составляла 3 руб. 75 коп. за одну тысячу знаков.

В 1964 году Пермский телефонный завод поставок в Корею не осуществлял.

Таким образом, завод п/я 273 все экспортные поставки в КНДР в 1962 и 1963 годы выполнил в срок и в полном объеме. При этом Завод нуждался в переводе техдокументации на свою продукцию на восточные языки.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в период 1959–1964 гг. работу над экспортными заказами для Северной Кореи проводили пять оборонных заводов, подведомственных Управлению общего машиностроения Пермского совнархоза. Среди них наиболее регулярно осуществлял экспортные поставки в Корейскую Народно-Демократическую Республику только Завод имени Ф.Э. Дзержинского (п/я 212), который в 1959–1964 гг. поставил в КНДР несколько сотен единиц гражданской продукции — мотопил «Дружба» и запчастей к ним, а также несколько маслоочистительных сепараторов. Остальные же оборонные заводы экспортировали свою продукцию в Корею с гораздо меньшей регулярностью. Так, завод п/я 210 поставлял в КНДР различные виды стали только в пе-

риод 1959–1960 гг., а завод п/я 273 экспортировал в эту страну различное телефонное оборудование в 1962–1963 гг. В свою очередь, завод п/я 3 осуществлял в 1962–1964 гг. экспортные поставки в Северную Корею продукции для нужд обороны — карбюраторов и топливных насосов для истребителей МиГ, которые несли службу в ВВС Корейской Народно-Демократической Республики. Завод п/я 215 получил на 1959 год единственный заказ для КНДР на поставку универсальной машины мясных цехов, который так и не был туда поставлен по причине аннуляции заказа корейской стороной. В 1960 году данный завод отправил в эту страну лишь несколько экземпляров своего торгового оборудования в качестве образцов для участия в Советской торгово-промышленной выставке в Пхеньяне 1960 года.

Говоря о своевременности выполнения экспортных поставок в КНДР, можно сказать, что все рассматриваемые предприятия (за исключением завода п/я 215, чей заказ был аннулирован) осуществили экспорт продукции в Северную Корею в полном объеме, но не обошлось без серьезных задержек. Так, в 1960 году завод п/я 212 на полгода задержал поставку в Корею 323 штук мотопил «Дружба», а завод п/я 210 на два месяца позже срока отправил в КНДР партию конструкционной стали. Нельзя не оставить без внимания ситуацию, когда в 1959 году корейский заказчик в лице внешне-торгового общества «Киге» по собственной невнимательности перепутал сроки поставки ему продукции, из-за чего возникло недопонимание между ним и руководством Завода п/я 212.

Единственный факт, свидетельствующий о научно-техническом сотрудничестве пермских оборонных предприятий с Корейской Народно-Демократической Республикой, удалось обнаружить лишь в случае с заводом п/я 210, который в 1962 году передал северокорейской стороне техническую документацию на производство гарпунно-китобойной пушки и китобойного гарпуна для налаживания их производства на территории КНДР.

Список источников

1. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: Закон от 10 мая 1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1957. № 11 (23 мая). С. 337–368.
2. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 625. 308 л.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 1001. 170 л.
4. Предприятия № 21–40. URL: <https://oboron-prom.ru/page,38,predpriyatiya-21-40.html> (дата обращения 07.01.2022).
5. Завод № 33. URL: <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-33/> (дата обращения 07.01.2022).
6. Инкар. URL: <https://vpk.name/library/f/inkar.html> (дата обращения 11.01.2022).
7. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 627. 93 л.
8. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 655. 134 л.
9. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 676. 80 л.
10. ВВС и ПВО КНДР: противоречивые сигналы. URL: <https://topwar.ru/28032-vvs-i-pvo-kndr-protivorechivye-signaly.html> (дата обращения 11.01.2022).
11. Предприятия № 151–200. URL: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25 (дата обращения 06.01.2022).
12. Мотовилихинские заводы. История. URL: <http://mzperm.ru/about/history/> (дата обращения 06.01.2022).
13. Завод № 172. URL: <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-172-2/> (дата обращения 06.01.2022).
14. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 584. 271 л.
15. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 596. 94 л.
16. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 608. 215 л.
17. Предприятия № 4–10. URL: <https://oboron-prom.ru/page,66,predpriyatiya-4-10.html> (дата обращения 04.01.2022).
18. Завод № 10 имени Ф.Э. Дзержинского в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/selected-docs/zavod-10-im-f-e-dzerzhinskogo-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения 06.01.2022).
19. ФГУП «Машиностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского». URL: <http://www.zid.perm.ru/main/> (дата обращения 06.01.2022).
20. Государственный архив Пермского края.

- Ф. 971. Оп. 1. Д. 586. 235 л.
21. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 606. 231 л.
22. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 594. 165 л.
23. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 610. 89 л.
24. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 592. 247 л.
25. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 659. 233 л.
26. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 661. 227 л.
27. Список номерных заводов Молотовской – Пермской области. URL: <https://pandia.ru/text/80/308/1841.php> (дата обращения 06.01.2022).
28. История Харьковского завода холодильных машин. URL: <https://retrotehnika.ru/catalog-bitovoy/poslevoennoe-proizvodstvo-byitovoj-texniki/xarkovskij-zavod-xolodilnyix-mashin/istoriya-xarkovskogo-zavoda-xolodilnyix-mashin.html> (дата обращения 06.01.2022).
29. Завод машин для «фабрик-кухонь». URL: <https://delint.ru/biznes/1320-.html> (дата обращения 06.01.2022)
30. Торгмаш Пермь. О компании. URL: <http://torgmash.perm.ru/about/> (дата обращения 06.01.2022).
31. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 588. 286 л.
32. Почтовые ящики «п/я». URL: <https://oboron-prom.ru/page,4,pochtovye-yaschiki-p-ya.html> (дата обращения 06.01.2022).
33. Завод № 629. URL: <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-629-2/> (дата обращения 07.01.2022).
34. Предприятия № 601–700. URL: <https://oboron-prom.ru/page,29,predpriyatiya-601-700.html> (дата обращения 07.01.2022).
35. Телта. Пермский телефонный завод. История завода. URL: <http://telta-perm.ru/about/istoriya/> (дата обращения 07.01.2022).
36. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 646. 252 л.
37. Государственный архив Пермского края. Ф. 971. Оп. 1. Д. 649. 266 л.

References

1. On further Improvement of the Organization of Industrial and Construction Management: Law of May 10, 1957. *Newspaper of the Supreme Soviet of the USSR*. Moscow: Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR, 1957. № 11, May 23, pp. 337–368. (In Russ.)
2. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 625, 308 l. (In Russ.)
3. State Archive of the Sverdlovsk Region, coll. 1966, aids. 1, foll. 1001, 170 l. (In Russ.)
4. Plants nos. 21–40. <https://oboron-prom.ru/page,38,predpriyatiya-21-40.html> (accessed 07.01.2022) (In Russ.)
5. Plant no. 33. <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-33/> (accessed 07.01.2022) (In Russ.)
6. Inkar. <https://vpk.name/library/f/inkar.html> (accessed 11.01.2022) (In Russ.)
7. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 627, 93 l. (In Russ.)
8. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 655, 134 l. (In Russ.)

9. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 676, 80 l. (In Russ.)
10. Contradictory Signals of North Korea's Air Force and Air Defense. <https://topwar.ru/28032-vvs-i-pvo-kndr-protivorechivye-signalny.html> (accessed 11.01.2022) (In Russ.)
11. Plants nos. 151–200. https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25 (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
12. Motovilikha Plants. History. <http://mzperm.ru/about/history/> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
13. Plant no. 172. <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-172-2/> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
14. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 584, 271 l. (In Russ.)
15. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 596, 94 l. (In Russ.)
16. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 608, 215 l. (In Russ.)
17. Plants nos. 4–10. <https://oboron-prom.ru/page,66,predpriyatiya-4-10.html> (accessed 04.01.2022) (In Russ.)
18. Plant no. 10 named after F.E. Dzerzhinsky during the Great Patriotic War. <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/selected-docs/zavod-10-im-f-e-dzerzhinskogo-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
19. FSUE "Machine-building Plant named after F.E. Dzerzhinsky". <http://www.zid.perm.ru/main/> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
20. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 586, 235 l. (In Russ.)
21. State Archive of the Perm Krai. SAPK, coll. 971, aids. 1, foll. 606, 231 l. (In Russ.)
22. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 594, 165 l. (In Russ.)
23. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 610, 89 l. (In Russ.)
24. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 592, 247 l. (In Russ.)
25. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 659, 233 l. (In Russ.)
26. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 661, 227 l. (In Russ.)
27. List of Defense Plants of Molotov/Perm Region. <https://pandia.ru/text/80/308/1841.php> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
28. History of Kharkov Refrigeration Machinery Factory. <https://retrotexnika.ru/catalog-bitovoy/poslevoennoe-proizvodstvo-byitovoj-texniki/xarkovskij-zavod-xolodilnyix-mashin/istoriya-xarkovskogo-zavoda-xolodilnyix-mashin.html> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
29. The Plant producing Equipment for Factory-kitchens. <https://delint.ru/biznes/1320-.html> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
30. Torgmash Perm. About the Company. <http://torgmash.perm.ru/about/> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)
31. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 588, 286 l. (In Russ.)
32. Post-Office Box Factories. <https://oboron-prom.ru/page,4,pochtovye-yaschiki-p-ya.html> (accessed 06.01.2022) (In Russ.)

33. Plant no. 629. <https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/17/завод-№-629-2/> (accessed 07.01.2022) (In Russ.)
34. Plants nos. 601–700. <https://oboron-prom.ru/page,29,predpriyatiya-601-700.html> (accessed 07.01.2022) (In Russ.)
35. Perm Telephone Plant Telta. History of the Plant. <http://telta-perm.ru/about/istoriya/> (accessed 07.01.2022) (In Russ.)
36. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 646, 252 l. (In Russ.)
37. State Archive of the Perm Krai, coll. 971, aids. 1, foll. 649, 266 l. (In Russ.)

Сведения об авторе

Хренов Валентин Валерьевич,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Information about the author

Valentin V. Khrenov

PhD in History, Associate Professor, Chair of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

**Representations on the role of external actors in the Libyan conflict
in the modern expert and analytical community of Turkey
(the case of SETA materials)**

**Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте
в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции
(на примере анализа материалов SETA)**

*Лукьянов Григорий Валерьевич¹,
Кулиева Нубара Салман кызы²*

*¹Институт востоковедения Российской
Академии Наук, Москва, Россия*

*²Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
gvlukyanov@gmail.com*

*Grigory V. Lukyanov¹,
Nubara S. Kuliyeva²*

*¹Institute of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*²National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia*

*Corresponding author:
gvlukyanov@gmail.com*

УДК ??? | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127)

АННОТАЦИЯ

Активизация политики Турции в отношении ливийского конфликта после эскалации вооруженного противостояния в апреле 2019 г., ознаменованная подписанием с Правительством национального согласия в Триполи двух меморандумов: «О взаимопонимании в области безопасности и военного сотрудничества» и «По вопросу разграничения морских границ в Восточном Средиземноморье» — сформировала новый баланс сил и укрепила экономические и политические позиции Анкары не только в Ливии, но и во всем средиземноморском

ABSTRACT

The intensification of Turkey's policy towards the Libyan conflict after the escalation in 2019, marked by the signing of two memorandums with the Government of National Accord in Tripoli: "On mutual understanding in the field of security and military cooperation" and "On the issue of demarcation of maritime borders in the Eastern Mediterranean" formed a new balance of power and strengthened Ankara's position not only in Libya, but throughout the Mediterranean region. Against this background, the attention of the Turkish expert and analytical community

регионе. На этом фоне значительно выросло внимание экспертно-аналитического сообщества Турции к изучению интересов, инструментов и пределов возможностей внешней политики других международных акторов, вовлеченных в ливийский конфликт.

В рамках статьи представлен обзор и предпринята попытка элементарного историографического анализа существующих в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции представлений о роли внешних акторов в ливийском конфликте в свете ключевых интересов и целей турецкой внешней политики.

Исследование построено на основе и результатах анализа материалов академического и экспертно-аналитического характера преимущественно на турецком и английском языках. При написании статьи были привлечены аналитические материалы турецкой «фабрики мысли» SETA, посвященные политике иностранных государств в Ливии.

Авторы приходят к выводу о том, что в целом политика, проводимая иностранными государствами в Ливии, характеризуется турецкими экспертами как неэффективная и деструктивная, ввиду существующих в их позиции противоречий и ориентации на максимизацию промежуточных выгод, а не конечное урегулирование конфликта. Исключением является лишь Италия, позиция которой расценивается турецкими экспертами как наиболее близкая к турецкому подходу к ливийскому конфликту. При этом турецкие исследователи подчёркивают раздражение внешних акторов активизацией турецкой политики в Ливии,

to studying the interests, tools and limits of the foreign policy capabilities of other international actors involved in the Libyan conflict has increased significantly.

The article provides an overview and an attempt at a basic historiographical analysis of the existing ideas in the modern expert and analytical community of Turkey about the role of external actors in the Libyan conflict in the light of the key interests and goals of Turkish foreign policy.

The study is based on the results of the analysis of academic and expert-analytical materials mainly in Turkish and English. When writing the article, analytical materials from the Turkish “thought factory” SETA were used on the policies of foreign states in Libya.

The authors come to the conclusion that, in general, the policies pursued by foreign states in Libya are characterized by Turkish experts as ineffective and destructive, due to the contradictions existing in their positions and their focus on maximizing intermediate benefits, rather than the final resolution of the conflict. The only exception is Italy, whose position is regarded by Turkish experts as closest to the Turkish approach to the Libyan conflict. At the same time, Turkish researchers emphasize the irritation of external actors with the intensification of Turkish policy in Libya, especially after 2019, which may become an obstacle not so much to the implementation of the goals of Turkish policy as to the resolution of the conflict.

Keywords: Türkiye, Libya, SETA, Libyan conflict, external actors, think tank.

For citation: Lukyanov G.V., Kulieva N.S. Representations on the role of external actors in the Libyan conflict in the modern expert and

в особенности после 2019 г., что может стать преградой не столько на пути реализации целей турецкой политики, сколько урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Турция, Ливия, SETA, ливийский конфликт, внешние акторы, аналитический центр.

Для цитирования: Лукьянов Г.В., Кулиева Н.С. Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции (на примере анализа материалов SETA). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 111-127 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>

analytical community of Turkey (the case of SETA materials). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 111-127 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>

Введение

Стремительный рост количества научно-исследовательских аналитических центров в мире (thinktanks) пришёлся на период 90-х годов, а основным ареалом распространения их деятельности стали страны Запада, в первую очередь — США, где данный феномен экономики знаний получил максимальное развитие и дифференциальное распространение. При этом во многих странах мира стихийно возросла роль институтов гражданского общества, а также начался процесс интернационализации политических и экономических процессов, требующих квалифицированного информационного и аналитического сопровождения. Все это обусловило активное вовлечение данных центров в процесс подготовки и даже принятия политических решений (Kanbolat, Karasar 2009, 91).

Турцию данные процессы затронули лишь с началом 2000-х гг., чему способствовал ряд объективных предпосылок. Прежде всего это результат последовательной имплементации начатых еще в 1990-х гг. комплексных преобразований юридической базы и экономической системы, направленных на ускорение процесса вступления Турции в Европейский Союз (ЕС), а также приход к власти под лозунгами демократизации, а также повышения качества и ответственности политического управления Партии справедливости и развития (ПСР). В данном контексте в Турции были осуществлены комплексные реформы в целях приведения внутреннего законодательства в соответствии с Копенгагенским критериям. Это касалось также демократизации политического режима и трансформации политической системы, в рамках которой уделялось повышенное

внимание роли гражданского общества в политическом процессе (Ustun, Kanat 2019, 407).

Наряду с растущими финансовыми и нормативными возможностями, обусловленными активизацией сотрудничества с ЕС, немаловажную роль сыграли изменения во внешней политике страны, последовавшие чуть позже. Имплементация новой внешнеполитической модели требовала соответствующего аналитического сопровождения и создания кадровой базы для продвижения турецкой политики в регионах, ранее не входивших в зону интересов Турции (прежде всего БВСА) (Babur 2022, 173).

Более того, пришедшая к власти и являющаяся достаточно молодой новая политическая элита испытывала нехватку в профессионально-подкованных и идеологически близких приверженцах, способных продвигать проправительственные нарративы как внутри страны, так и на внешнеполитических и международных площадках. Платформой для их развития и стали аналитические центры. Важную роль в этом процессе сыграли такие личности, как А. Давутоглу¹ и А. Гюль², способствовавшие привлечению представителей исследовательских центров к аналитическому обеспечению внешней политики государства.

Согласно данным Global Go To ThinkTank Index Report 2020 Турция занимает 3-е (после Ирана и Израиля) среди стран Ближнего Востока и Северной Африки место по количеству активных исследовательских центров (McGann 2021, 47). Их количество по состоянию на 2020

г. оценивается как 53, не считая университеты и государственные подразделения. В число лучших исследовательских центров мира по мнению Global Go To ThinkTank Index Report 2020 входят два турецких — Турецкий фонд экономических и социальных исследований (TESEV, 79/174), а также Ассоциация либерального мышления (ALT, 90/174) (McGann 2021, 69). Однако на сегодняшний день наиболее влиятельным с точки зрения масштаба деятельности и уровня вовлеченности в процесс принятия политических решений в стране представляется Фонд политики, экономики и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA) (Gürpınar, Aydın 2022, 8; Кудаяров 2023, 120).

С ростом конфликтного потенциала в регионе БВСА после «арабской весны» произошло переосмысление необходимой степени вовлеченности Турции в региональные процессы, особенно военно-политические конфликты. Управление конфликтами превратилось в эффективный инструмент усиления роли Турции на региональной и мировой арене. Сегодня Турция позиционирует себя как глобального игрока с влиянием сразу на нескольких приоритетных направлениях: исламском, постосманском и тюркском/постсоветском. Успех турецкой политики в Ливии после ее активизации в 2019 г. стал примером формирующейся переходной модели ближневосточной политики Турции после «арабской весны» с усиленным фокусом внимания на Восточном Среди-

¹ Занимал пост премьер-министра (28 августа 2014 — 22 мая 2016) и министра иностранных дел (1 мая 2009 — 28 августа 2014) Турецкой Республики.

² Занимал пост президента (28 августа 2007 — 28 августа 2014), министра иностранных дел (14 марта 2003 — 28 августа 2007) и премьер-министра Турецкой Республики (18 ноября 2002 — 14 марта 2003).

земноморье и использовании гибридных инструментов присутствия в регионе.

Целью данной статьи является анализ представлений современного экспертно-аналитического сообщества Турции о роли внешних акторов в ливийском конфликте и обоснование их места в турецком политическом дискурсе по ливийской проблематике.

О деятельности SETA

Фонд политических, экономических и социальных исследований (SETA) был создан в 2006 г. Деятельность Фонда реализуется по 10 основным тематическим направлениям: 1) внутренняя политика, 2) внешняя политика, 3) экономика, 4) общество и медиа, 5) безопасность, 6) право и права человека, 7) стратегические исследования, 8) образование и социальная политика, 9) европейские исследования и 10) энергетика (SETA 2023). В рамках каждого из направлений выделяются более частные вопросы. Например, в рамках раздела по внешней политике существуют региональные направления, в том числе европейское, ближневосточное, балканское и т. д.

Офисы SETA осуществляют деятельность в Стамбуле, Анкаре, Берлине, Брюсселе и Вашингтоне. На базе Фонда издаются несколько журналов, в том числе «Insight Turkey» (на английском), «Ru'ye Türkiyye» (на арабском) и «Kriter» (на турецком). Среди мероприятий,

организуемых SETA, стоит отметить тематические панельные дискуссии, проводимые в онлайн и офлайн формате, записи которых размещаются на официальном сайте. Фонд публикует различные материалы, представленные в виде комментариев, видеоотчетов, инфографики, новостей, подкастов и коротких заметок/мнений, не оформленных в форме аналитических докладов. Среди основных видов представления аналитических материалов выделяются отчеты/доклады (rapor), аналитические заметки (analiz), обзоры (perspektif) и книги. Ключевые различия представленных форматов — объем, частота их публикации, стиль изложения, актуальность рассматриваемого вопроса и глубина проработки поставленной проблемы.

Анализ информации, представленной на сайте SETA, позволил выявить, что кадровый состав Фонда в конце 2023 г. составлял 56 человек (SETA 2023). Сотрудниками Фонда являются как академические исследователи, так и общественные деятели (в т. ч. публичные политики и отставные государственные чиновники), а также те, кто совмещают два этих направления деятельности. На этапе первичного анализа материалов были выделены имена основных специалистов SETA, фокусирующихся в своих публикациях на ливийской проблематике. Это, прежде всего, Эмрах Кекилли³ и Ючель Аджер⁴ (SETA 2023) с наибольшим количеством

³ Получил степень бакалавра в Университете Мармара (Турция) в 2009 году. После получения степени магистра в Университете Билги (Турция) начал работу над докторской диссертацией в Университете Фатиха Султана Мехмета (Турция). Являлся сотрудником SETA.

⁴ Является профессором международного права в Анкарском университете Йылдырыма Беязыта (Турция). Получил степень бакалавра в Анкарском университете (Турция), степень магистра в Университете Шеффилд (Великобритания) и докторскую степень в Бристольском Университете (Великобритания). Является штатным сотрудником SETA. Является специалистом в области международного права.

публикаций по ливийской проблематике. При этом Э. Кекилли долгое время являлся штатным сотрудником SETA. Однако, несмотря на сохранение аффилиации с Фондом и наличие его публикаций на сайте до 2021 г., на момент 2023 г. Э. Кекилли не представлен в разделе штатных сотрудников SETA, а страница с информацией о нем на сайте организации пуста (SETA 2023).

Помимо авторов, активно и последовательно писавших по ливийской тематике, также существует ряд исследователей менее активных в публикации докладов и сфокусированных на иных форматах освящения ливийского досье, которые мы не затрагивали в рамках данной статьи (краткие комментарии на сайте, дискуссии и т. д.). К таким авторам можно отнести, например, Вейсея Курта (Istanbul Medeniyet Üniversitesi 2023), Мурата Аслана (SETA 2023) и ряд других кадровых сотрудников SETA. Форматы, не задействованные при написании статьи, преимущественно являются менее информативными и конъюнктурными, нежели используемые формы докладов/отчетов, аналитических заметок, обзоров и книг. Также они представлены в качестве коротких текстовых заметок или видео и аудиоматериалов, а не структурированных аналитических текстов.

Руководители Фонда отрицают их прямую связь с ПСР и финансирование со стороны политического руководства страны. Однако учитывая, что система финансового обеспечения такого рода организаций не является в достаточной степени прозрачной и ввиду особен-

ностей политики Фонда, а также в силу действующего законодательства, принято считать, что SETA если не близка, то, как минимум, весьма лояльна действующему политическому руководству Турции (Arin 2015, 5). Более того Фонд занял 32-е место в списке мировых «фабрик мысли», аффилированных с политическими партиями, согласно Global Go To ThinkTank Index Report 2020 (McGann 2021, 270).

К тому же в аналитических разработках и турецкой политической публицистике зачастую особое внимание уделяется вопросу связей бывших и нынешних сотрудников и руководителей Фонда с правящей партией, а также лично с президентом Р. Т. Эрдоганом через членов его семьи и ближайшего окружения (Özkan 2020, 228). К такой категории сотрудников относят, например, первого руководителя SETA, И. Калына, в 2023 г. ставшего главой Национальной разведывательной организации Турции, а ранее являвшегося официальным представителем президента Р. Эрдогана. Или действующего руководителя Фонда Б. Дурана, являющегося членом президентского Совета по безопасности и внешней политики. Данному аспекту патронажа и контроля государства над деятельностью аналитических центров даже была посвящена книга М. Агырэля «Спираль» («Sarmal») (Ağırel 2021), в которой был поднят вопрос истоков современной политической системы и генезиса элиты современной Турции. В книге была проанализирована структура и деятельность SETA как одного из ведущих аналитических центров в стране, идеологически близких к правящей партии. Книга способствовала укреплению восприятия

SETA как инструмента пропагандистской политики, ориентированного на закрепление положительного имиджа партии и правительства и продвижение избранного ими курса.

Тем не менее SETA на сегодняшний день является одним из наиболее активных и последовательных турецких исследовательских центров, который продуцирует качественную аналитику высокого уровня. Это дает Фонду возможность выступать не только инструментом государственной пропаганды, но и одним из центров, влияющих на механизм выработки внешнеполитических решений путем обеспечения информационной и аналитической поддержки деятельности государства и бизнеса. Также наличие в руководящем составе SETA лиц, приближенных к правящей элите или являющихся её частью, дает Фонду уникальные возможности оперативно и напрямую доносить свои рекомендации до высшего политического руководства страны.

Эмпирическая база исследования

В рамках данной статьи были проанализированы материалы SETA, представленные на официальном сайте Фонда в форме отчетов (rapor), аналитических заметок (analiz), обзоров (perspectif) и книг. В частности, по ливийской проблематике, были рассмотрены материалы, объединенные и представленные как «Ливийское досье» (Libya Dosyalari). В его состав входит 16 аналитических докладов: 7 аналитических заметок (analiz), 9 обзоров (perspectif) и 1 книга, опубликованные за период 2017–2021 гг. Помимо это, были привлечены материалы указанных форматов по ливийской

проблематике, не включенные в Досье — 4 аналитических заметки, 2 обзора, 1 отчет и 2 книги, представленные на сайте Фонда начиная с 2014 г.

Политика иностранных государств в Ливии

Одной из основных областей интереса современного экспертно-аналитического сообщества Турции по вопросу ливийского кризиса является роль и значение внешних акторов. Политике наиболее значимых в контексте Ливии региональных и глобальных внешних игроков посвящены отдельные доклады (Ataman, Karaduman 2020; Boyraz 2020; Meşe 2020; Güngörmez 2020; Faytre 2020; Alkanat 2020; Duran, Ataman 2020; Kekilli 2016) с анализом их позиций, мотивов, целей и общей сущности проводимой политики.

Стоит начать с выделенных исследователями групп государств, так или иначе вовлеченных в конфликт. В первую очередь, это касается **Европейского союза (ЕС)** как единого актора, а также его отдельных членов как самостоятельных игроков, обладающих разными интересами и способностью влиять на ситуацию в Ливии. Авторы делали акцент на том, что ввиду отсутствия единой четкой позиции объединения из-за внутренних разногласий, его наиболее заинтересованными в сложившейся в Ливии ситуации членами являются Франция и Италия. Отмечалось, что в результате их несогласованных действий и неспособности ЕС гармонизировать интересы отдельных стран-членов, объединение упустило возможность закрепления за собой роли значимого и эффективного игрока

(Alkanat 2020, 7). Среди основных интересов ЕС в Ливии — такие вопросы, как энергетическая безопасность, миграционный вопрос и международная торговля. С точки зрения турецких исследователей вопрос энергетики представлялся наиболее критическим для европейских государств, так как Ливия до начала кризиса 2011 г. являлась одним из основных поставщиков энергоресурсов в Европу из числа стран ОПЕК, обеспечивающей порядка 40% всего европейского импорта энергоносителей (Alkanat 2020, 3). Не менее важным для ЕС являлся вопрос нелегальной миграции в Европу африканских беженцев, в составе которых зачастую оказывались представители террористических и экстремистских группировок. В данном случае Ливия представлялась одним из основных транзитных пунктов, от стабильности на территории которого напрямую зависела безопасность ЕС. Одной из основных функций ЕС в рамках конфликта декларировалась посредническая деятельность, которая, однако, потерпела крах ввиду противоречивого столкновения официальной позиции объединения по признанию Правительства национального согласия (ПНС) как официального представителя ливийского народа с фактической поддержкой Ливийской национальной армии (ЛНА) под руководством военачальника Х. Хафтара. Это выразилось прежде всего в пассивной реакции на действия Х. Хафтара, направленные на установление военно-политического контроля над всей территорией страны, как в 2014 г., так и в 2019 г.

Таким образом, исследователи SETA утверждали, что ЕС как единый организм не

имел потенциала влияния в контексте как конфликтного, так и постконфликтного урегулирования в Ливии. Что касается стран-членов ЕС, наиболее сильно вовлеченных и заинтересованных в ливийском конфликте, а именно **Франции** и **Италии**, то турецкие исследователи отмечали столкновение интересов данных игроков, обострившееся после 2019 г. Обе страны имели достаточно сильные исторические и экономические связи с Ливией. Однако, несмотря на то что они рассматривали ливийский конфликт в контексте обеспечения энергетической безопасности и защиты интересов своих национальных нефтяных компаний, приоритеты стран различались.

Для Франции Ливия имела важное значение, прежде всего, с точки зрения поддержания находящегося в состоянии упадка геополитического влияния Парижа в регионе. Этот интерес обуславливал статус Франции как одного из идейных вдохновителей военной интервенции международной коалиции в Ливию. Кроме того, он же объяснял, почему Франция продолжала играть заметную роль в зоне конфликта, несмотря на все неудачи и допущенные ошибки. При этом несмотря на то, что Франция выражала активную поддержку начавшейся в регионе демократической волны в контексте начала «арабской весны», она продолжает поддерживать сильных секулярных военных лидеров в странах региона (Faytre 2020, 4). В случае с Ливией это Х. Хафтар, которого она видела в качестве гаранта интересов французских компаний и государства в Ливии. При этом если при Ф. Олланде эта поддержка носила более скрытый характер, то при с приходом к власти

Э. Макрона она приобрела очевидно более яркое выражение. Политика Елисейского дворца в Ливии отражала стремление Э. Макрона лишиться раз заявить о Франции как о лидере ЕС и глобальном игроке. Франция активно призывала внешних акторов не вмешиваться в конфликт, сохраняя высокий уровень собственной вовлеченности, а также ведя двойную политику официальной поддержки признанного ООН режима и неофициального сотрудничества с Х. Хафтаром. В целом турецкие исследователи активно подчеркивали деструктивный характер французской политики в Ливии, считая ее одним из виновников сложившейся ситуации, которая способствовала сохранению хаоса в Ливии.

Что касается Италии, то в документах SETA отмечалось, что для официального Рима наибольшую важность в контексте ливийского кризиса представлял вопрос нелегальных мигрантов. Учитывая влияние неконтролируемой миграции на социально-экономическое развитие и безопасность Апеннинского полуострова, ливийский кризис не представлялся для Италии лишь проблемой африканской политики, а напрямую влиял на положение внутри самой европейской страны. При этом акцент делался на том, что для Италии являлось приоритетным достижение стабильности и порядка в Ливии, в условиях которого стало бы возможным дальнейшее возмещение полученного за период кризиса экономического ущерба (Güngörmez 2020, 2). Несмотря на стремление к политике равной удаленности от внутренних акторов, отмечалась фактическая поддержка итальянской стороной ПНС. При этом в целях достижения консенсуса имели место также контакты

с представителями режима Х. Хафтара. Также в рамках данного вопроса подчеркивался факт того, что Италия считала необходимой более активное и эффективное вмешательство ЕС в Ливию в качестве единого актора в целях более эффективного содействия урегулированию конфликтной ситуации и проведения комплексной посреднической миссии.

Важно также отметить, что представителями SETA хоть и в значительно меньшей степени, но все же уделялось внимание политике, проводимой **Великобританией** и **Германией** в Ливии. В случае Объединённого королевства, несмотря на активное вовлечение в начальный период развития конфликта в 2011 г., его дальнейшая политика в отношении Ливии характеризовалась турецкими исследователями как пассивная (Boygaz 2020, 3). Среди причин турецкие исследователи посчитали важным отметить отсутствие сильных исторических связей между странами, а также указали на ряд объективных факторов. В первую очередь, процесс выхода страны из Европейского союза заметно ограничил внешнеполитические возможности по проецированию собственного влияния и заставил пересмотреть приоритеты и ключевые принципы собственной внешней политики. В этом контексте основное внимание страны было приковано к внутренним проблемам, всплывшим на фоне Брексита и процессу стабилизации отношений с ЕС. Более того, Великобритания «отдавала предпочтение» сирийскому конфликту, считая ливийский кейс менее перспективным, проблематичным, а потому неперспективным с точки зрения урегулирования для того, чтобы затрачивать на него

серьезные ресурсы и усилия. К тому же, основные проблемы, которые представлял ливийский кризис для стран ЕС, а именно нелегальная миграция и спад объемов торговли, не представлялись столь актуальными и значимыми для Королевства ввиду отсутствия развитой сети устойчивых торговых отношений с Ливией до начала кризиса, а также отдаленного расположения страны от непосредственной зоны конфликта. При этом, несмотря на минимальную вовлеченность Великобритании в процесс ливийского урегулирования, официально она поддерживала ПНС в рамках переходного процесса в стране, подтверждая это на деле, а потому сотрудничество с Лондоном могло бы быть полезным для Турции в её собственной ливийской политике. Однако исследователями отмечалась высокая вероятность поддержки Королевством и иных акторов, в случае достижения ими успеха в рамках сложившейся ситуации конкурентной борьбы за власть.

В случае с Германией турецкие исследователи отмечали затяжной период безучастности страны к ливийскому конфликту. Начиная с его зарождения и интервенции международной коалиции в Ливию, по решению которого Германия воздержалась от голосования в качестве непостоянного члена Совбеза ООН и вплоть до реализации инициативы Берлинской конференции. Однако несмотря на то, что за почти восьмилетний период кризиса в Ливии Германия не сумела завоевать какой бы то ни было значимый статус вопреки декларируемому стремлению участвовать в многостороннем процессе посредничества на равне с ООН и иными международными организациями.

Она все же закрепила за собой позицию страны нейтральной и равноудаленной от всех враждующих сторон. По этой причине инициатива Берлина о созыве широкой международной конференции по Ливии в 2020 г. изначально не столкнулась с критикой и несогласием ведущих акторов, вовлеченных в ливийский конфликт. При этом в качестве одного из основных мотивов активизации политики Германии по ливийскому вопросу рассматривался также миграционный вопрос, который чреват тяжелыми для Германии и ЕС в целом последствиями как в политической, так в социально-экономической сфере (Meşe 2020, 3). Однако, несмотря на большие надежды, возложенные германской стороной на берлинский процесс, по мнению турецких наблюдателей, он фактически потерпел крах и не принес значительных результатов и изменений динамики в процессе ливийского урегулирования. В качестве одной из основных причин этого исследователи SETA отмечали факт не вовлеченности главных акторов конфликта в лице Х. Хафтара и Ф. Сарраджа. Формальное присутствие военачальника и признанного международным сообществом премьер-министра на конференции в Берлине в равном статусе привело к уравниванию официального правительства страны и «путчистов» (Meşe 2020, 6) ЛНА и как следствие только усилило проблемы легитимности действующих акторов в Ливии. Более того, по мнению турецких аналитиков, Берлинская конференция еще раз подтвердила ведущую роль Турции в Ливии, невозможность изолирования Анкары в контексте урегулирования и достижения существенного результата миротворческих усилий

без её полноценного участия.

Что касается содержания и итогов Декларации, принятой по окончании конференции, то тут турецкие эксперты заострили внимание на двухосновных аспектах. Во-первых, на том, что благодаря активной политике Турции в рамках соглашения было фактически признано новое соотношение сил внутри страны и границы влияния сторон конфликта. Во-вторых, в условиях широкой поддержки фигуры Х. Хафтара внешними игроками его статус во многом был трансформирован из нелегального актора до официальной стороны конфликта. При этом, в контексте протекания Берлинского процесса стало понятно, что политическое урегулирование ливийского конфликта возможно лишь при сбалансированном соотношении военных сил внутри страны. Однако турецкое экспертное сообщество подчеркивало, что Турция рассматривает лишь политическое решение вопроса, в котором военное вмешательство являлось лишь инструментом установления баланса, необходимого для осуществления политических инициатив и обеспечения гарантий соблюдения достигнутых договоренностей.

Таким образом, турецкими исследователями ярко подчеркивался в целом неэффективный и даже деструктивный характер политики, проводимой как ЕС в целом, так и отдельными европейскими странами в Ливии ввиду как отсутствия четкости и единства позиций по данному вопросу, так неверности оценок ситуации в стране. При этом было принято во внимание, что все перечисленные страны выразили крайнюю озабоченность и неприязнь активизации Турции в Ливии, особенно в свете соглашений,

подписанных в 2019 г. между Анкарой и ПНС в Триполи. В перспективе рассматривалась возможность сотрудничества лишь с Италией, как страной с наиболее нейтральной, взвешенной и стабильной в течение продолжительного периода времени позицией по ливийскому вопросу среди европейских стран.

Еще одна группа государств, политике которых уделялось значительное внимание турецкими исследователями – это монархии Персидского залива. А именно **ОАЭ** и **КСА**, которым в рамках представленного анализа противопоставлялся Катар. Политика блока ОАЭ-КСА оценивалась турецкими аналитиками как «путчистская» (*darbeci*). Стремясь к сохранению существовавшего до начала арабской весны регионального порядка, в целях поддержания стабильности режимов, часто называемых в турецких материалах авторитарными и деспотичными, данные государства проводили в регионе политику, характеризованную турецкими специалистами как ревизионистская, интервенционистская и экспансионистская. Такого рода курс в первую очередь был направлен против качественных изменений в рамках региональной системы международных отношений, начавшихся с активизацией процессов арабской весны. В контексте этого ОАЭ и КСА являлись основными и наиболее последовательными союзниками Х. Хафтара в Ливии, фигура которого представлялась турецким наблюдателям лишь инструментом для поддержания выгодного «климата» в регионе. В материалах SETA выделялся ряд основных мотивов деятельности данных стран, в том числе: стремление обезопасить свои политические

режимы на фоне растущего регионального народного сопротивления; идеологическое противостояние в контексте распространения радикально-исламистских политических элементов, в первую очередь деятельности «Братьев мусульман», как было в случае с Египтом; а также борьба за региональное лидерство в контексте активизации региональных акторов, в том числе Турции (Ataman, Karaduman 2020, 12). Все это дополнялось также рядом более практических целей, а именно отмечалась роль Ливии как важного элемента портовой цепи в регионе и одного из основных обладателей запасов энергоресурсов и его экспортёра. А также факт способствования нестабильности в Ливии ее инструментализации в качестве платформы для реализации нелегальной финансовой и экономической деятельности стран Залива. Таким образом, турецкие авторы полагают возможным, что для союза Эр-Рияда и Абу-Даби первостепенным является не достижение стабильности и порядка в Ливии, а создание условий управляемой нестабильности. При этом отмечалось, что для ОАЭ и КСА также важным является действовать в русле интересов своих союзников в лице США и Израиля, которые создали благоприятную среду для роста влияния заливных монархий в арабском мире. Подчеркивалась нерегулируемость и неподотчётность действий монархий международными институтами и правилами, их склонность к использованию широкого внешнеполитического инструментария, от прямого финансового и военно-технического обеспечения до дискредитации в медийном пространстве и кибератак. Все это дополнялось указанием на мно-

гочисленные факты оснащения армии Х. Хафтара современными технологическими вооружениями в условиях ограниченных возможностей ливийского ВПК.

К данной группе стран в широком понимании также причислялся Египет, который использовался блоком ОАЭ-КСА в качестве моста и примера благоприятных изменений в регионе. В целом деятельность данного блока в Ливии оценивалась турецкими исследователями как дестабилизирующая, что ведет к взаимной критике, особенно на фоне активизации действий Турции и ее жесткого неприятия со стороны Залива. Блоку ОАЭ-КСА в регионе Персидского залива Турция противопоставляла Катар, отношения с которым в последние годы имели для неё исключительно положительную динамику развития. В том числе и по вопросу Ливии, где обе страны в числе немногих поддерживали ПНС и разделяли общие взгляды на вопросы политического урегулирования кризиса.

Стоит также отметить то, как турецкими экспертами характеризовалась позиция **Российской Федерации** по ливийскому кризису, которой как нестранно уделялось меньше внимания, нежели указанным выше государствам Европы и БВСА. В целом можно говорить о том, что Россия чаще всего упоминалась в контексте блока стран, оказывавших активную поддержку Х. Хафтару, в особенности посредством деятельности российской ЧВК «Вагнер». В данном контексте РФ рассматривалась наравне с такими странами, как Франция и ОАЭ. При этом турецкими исследователями было принято считать, что Россия в Ливии, как и в Сирии стреми-

лась заполнить вакуум влияния, образовавшийся на фоне снижения активности ЕС и США в регионе, однако сделать это с меньшими затратами, чем в сирийском случае (Duran, Ataman 2020, 162). Однако турецкими экспертами отмечалась важность сохранения Россией каналов связи с подавляющим большинством ливийских акторов периода после Каддафи. Это позволило ей также осуществлять посреднические функции, как например, в случае со встречей в Москве в январе 2020 г., предшествовавшей первой Берлинской конференции. К тому же не упускались из внимания и геополитические интересы России в Восточном Средиземноморье, а также желание РФ сохранить энергозависимое положение европейских стран, в контексте чего Ливия играет значимую роль.

Еще меньше внимания в контексте анализа ливийской ситуации уделялось политике **США** ввиду того, что Вашингтон изначально не занял позицию, которая позволила бы ему стать решающим элементом системы ливийского урегулирования на фоне общего снижения вовлеченности в дела региона после арабской весны. Однако это не отменяет факта того, что США не хотят предоставлять пространство для маневра в Ливии таким игрокам, как России и Франции, например (Duran, Ataman 2020, 136). В этом контексте США использовалась позиция таких стран как ОАЭ и КСА для поддержания наиболее благоприятного распределения сил в стране. При этом США, с одной стороны, поддерживали отношения с Х. Хафтаром, а с другой, пытались уравновесить Россию и Францию, которые также делали ставку на ливийского военачальника. Хотя данный под-

ход содержал серьезные противоречия, можно предположить, что в данном контексте балансирующая роль Турции не станет рассматриваться США в качестве проблемы. В целом среди турецких исследователей было распространено мнение о том, что внешние акторы и их политика несбалансированного вмешательства стали основным катализатором продолжения нестабильности в Ливии. Это было связано с тем, что турецкие исследователи характеризовали роль внешних акторов как источник поддержки ополченцев, не обладающих иными финансовыми и военными ресурсами, необходимыми для вовлечения в масштабный конфликт.

Заключение

Анализ рассуждений исследователей SETA о роли и характере участия внешних акторов в ливийском конфликте позволяет выявить особенности геополитических представлений турецкого политического истеблишмента, непосредственно связанного с центрами принятия и выработки решений в области реальной политики в отношении Ливии.

В период 2011-2014 гг. роль Турции в ливийском конфликте была не столь заметна, а её политика на этом направлении носила не столь активный характер, как после начала Второй гражданской войны, что во многом стало результатом сочетания группы факторов, среди которых не последнюю роль сыграло то, что течение длительного периода времени в турецком геополитическом воображении Ливии практически не существовало. В публичном научном и общественно-политическом дискурсе Турецкой Республики расположенная к ней

географически очень близко Ливия находилась в забвении с тех пор, как североафриканские владения Османской империи были окончательно утрачены ею.

Несмотря на то, что присутствие турецкого государства, бизнеса и гражданского общества в различных сферах общественной жизни Ливии, её реальном секторе экономики, сфере безопасности и управления, последовательно возрастало с 1990-х гг., в научном и аналитическом сообществе Турции не сформировалось ни когорты профессиональных исследователей и аналитиков, ни профильных центров и организаций.

Стремясь не только сохранить и нарастить свое экономическое присутствие в Ливии, но и увеличить свое политическое влияние в Северной Африке после арабской весны, турецкое руководство нуждалось не только в аналитическом обеспечении своих внешнеполитических инициатив и предприятий, но также в их информационно-пропагандистском сопровождении. В целях легитимации в глазах общественности новых усилий государственных структур на этом направлении, потребовавших значительного увеличения ресурсов и рисков, такие фабрики мысли, как SETA, оказались крайне востребованы и незаменимы. Это обстоятельство сделало материалы SETA перспективным объектом историографического исследования, направленного не только на реконструкцию внешней политики Турции, но и более широкую тему изучения процессов выра-

ботке, принятия и имплементации внешнеполитических решений внутри самой Турции, чья общественно-политическая система характеризуется высоким уровне развития культуры политического участия и плюрализмом мнений.

Период активного освящения вопроса роли внешних акторов в ливийском конфликте (после 2019 г.) в материалах SETA был обусловлен переосмыслением места Ливии во внешнеполитической модели и ростом непосредственного вовлечения Турции в ливийский конфликт, который неизбежно привел к столкновению турецких интересов с целями других иностранных государств. Безальтернативная поддержка Турцией ПНС⁵, а затем пришедшего в 2021 г. на его замену ПНЕ⁶ в то время, как остальные иностранные государства придерживались более гибкого подхода в отношении основных сторон конфликта ограничивает возможность достижения Турцией поставленных в Ливии целей при осуществлении альтернативных сценариев развития ситуации в Ливии (приход к власти Х. Хафтара). В то же время приоритетный для Турции вопрос разграничения морских границ в Восточном Средиземноморье и возможность использования энергетического потенциала региона исключает возможность согласования турецкой позиции с политикой подавляющего большинства иностранных государств в Ливии.

Основной тезис, выдвинутый турецкими исследователями в отношении политики внешних акторов в Ливии — о деструктивном

⁵ Правительство национального согласия

⁶ Правительство национального единства

характере их политики и пренебрежении реальным урегулированием конфликта направлен на усиление позиций Турции как основного внешнего актора в ливийском конфликте.

Список литературы

1. Kanbolat H., Karasar H.A. Türkiye'de Stratejik Düşünce Kültürü ve Stratejik Araştırma Merkezleri: Başlangıcından Bugüne Türk Düşünce Kuruluşları. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2009.
2. Ustun K., Kanat K. Shaping Foreign Policy Debates in Turkey: The SETA Foundation for Political, Economic, and Social Studies. Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers. Ed. By J. G. McGann, 2019, pp. 405 – 417.
3. Babur M. M. Türkiye’de Düşünce Kuruluşları: Politik Bilginin Çeşitliliği, İmkânı ve Sınırlılıkları. Mülkiye Dergisi, 2022,46 (1). pp. 163-201.
4. McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports., 2021.
5. Gürpınar B., Aydın Ö. The Uniformization of Think Tanks in Turkey: The Foundation for Political, Economic, and Social Research (SETA) as a Case Study. SAGE Open, 2022, 12 (1). pp. 1-13.
6. Кудаяров К. А. Деятельность Фонда экономических и социальных исследований Турции SETA. Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023; 3. С. 118–129.
7. SETA. Anasayfa. 2023. <https://www.setav.org/> (дата обращения: 14.01.2024).
8. SETA. Kadromuz. 2023. <https://www.setav.org/kadromuz/?sayfa=1/> (дата обращения: 14.01.2024).
9. SETA. YücelAcer. 2023. <https://www.setav.org/yazar/yucel-acer/> (дата обращения: 14.01.2024).
10. SETA. EmrahKekilli. 2023. <https://www.setav.org/yazar/emrah-kekilli/> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Istanbul Medeniyet Üniversitesi. Veysel Kurt. 2023. <https://ubys.medeniyet.edu.tr/ABPDS/AcademicInformation/BilgiGoruntulemev2/Index?pid=!xDDx!SDDwn73KYBsN5nrB3jbKg!xGGx!!xGGx!> (дата обращения: 14.01.2024).
12. SETA. MuratAslan. 2023. <https://www.setav.org/yazar/murat-aslan/> (дата обращения: 14.01.2024).
13. Arin K. Turkish Think Tanks, The AKP’S Policy Network From Neo-Gramscian and Neo-Ottoman Angles. Center for Turkish Studies Occasional Paper Series. 2015, 4 (1). pp. 1-22.
14. Özkan B. SETA: from the AKP’s organic intellectuals to AK-paratchiks. Turkey’s New State in the Making: Transformations in Legality, Economy and Coercion. Ed. By P. Bedirhanoglu, Ç. Dölek, F. Hülagü, Ö. Kaygusuz, 2020, pp. 226-243.
15. Ağirel M. Sarmal. Istanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2021.
16. Kekilli E. Öztürk B. Turkey’s Position in the Libyan Crisis. Insight Turkey, 2020. 22 (2). pp. 53-62.
17. Ataman M., Karaduman A. M. Analiz: BAE ve

- Suudi Arabistan'ın Libya Krizine Müdahalesi: Halkın İradesine Darbe Siyaseti. SETA, 2020.
18. Boyraz H. M. Perspektif: İngiltere'nin Libya Politikası. SETA, 2020.
  19. Meşe Z. Perspektif: Berlin'deki Libya Konferansı Işığında Almanya'nın Dış Politika Geleniğine ve Dönüşümü. SETA, 2020.
  20. Güngörmez O. Perspektif: İtalya'nın Libya Politikası. SETA, 2020.
  21. Faytre L. Perspektif: Fransa'nın Libya Politikası. SETA, 2020.
  22. Alkanat A. Perspektif: Avrupa Birliği'nin Libya Politikası. SETA, 2020.
  23. Libya Krizi: Bölgesel ve Küresel Aktörlerin Politikaları. Ed. By Duran B., Ataman M. İstanbul: SETA, 2020.
- ## References
1. Kanbolat H., Karasar H.A. Strategic Thought Culture and Strategic Research Centers in Turkey: Turkish Think Tanks from the Beginning to Today. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2009. (In Turk.)
  2. Ustun K., Kanat K. Shaping Foreign Policy Debates in Turkey: The SETA Foundation for Political, Economic, and Social Studies. Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers. ed. By J. G. McGann, 2019, pp. 405 – 417.
  3. Babur M. M. Think Tanks in Turkey: Diversity, Possibility and Limitations of Political Knowledge. Mulkiye Magazine, 2022, 46 (1). pp. 163-201. (In Turk.)
  4. McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports., 2021.
  5. Gurpinar B., Aydin Ö. The Uniformization of Think Tanks in Turkey: The Foundation for Political, Economic, and Social Research (SETA) as a Case Study. SAGE Open, 2022, 12 (1). pp. 1-13.
  6. Kudayarov K. A. Activities of the SETA Foundation for Economic and Social Research of Turkey. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Eurasian Studies. Story. Political science. International relationships". 2023; 3. pp. 118-129. (In Russ.)
  7. SETA. Homepage. 2023. <https://www.setav.org/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
  8. SETA. Ourstaff. 2023. <https://www.setav.org/kadromuz/?sayfa=1/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
  9. SETA. Yücel Acer. 2023. <https://www.setav.org/yazar/yucel-acer/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
  10. SETA. Emrah Kekilli. 2023. <https://www.setav.org/yazar/emrah-kekilli/> (accessed: 14.01.2024). (In Turk.)
  11. Istanbul Medeniyet University. Veysel Kurt. 2023. <https://ubys.medeniyet.edu.tr/ABPDS/AcademicInformation/BilgiGoruntulemev2/Index?pid=!xDDx!SDDwn73KYBsN5nrB3jbKg!xGGx!!xGGx!> (accessed: 14.01.2024).
  12. SETA. Murat Aslan. 2023. <https://www.setav.org/yazar/murat-aslan/> (accessed 14.01.2024). (In Turk.)
  13. Arin K. Turkish Think Tanks, The AKP'S Policy Network From Neo-Gramscian and Neo-Ottoman Angles. Center for Turkish Studies Occasional Paper Series. 2015, 4 (1). pp. 1-22.

14. Özkan B. SETA: from the AKP's organic intellectuals to AK-paratchiks. Turkey's New State in the Making: Transformations in Legality, Economy and Coercion. ed. By P. Bedirhanoglu, Ç. Dölek, F. Hülügü, Ö. Kaygusuz, 2020, pp. 226-243.
15. Ağirel M. Sarmal. Istanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2021. (In Turk.)
16. Kekilli E. Öztürk B. Turkey's Position in the Libyan Crisis. Insight Turkey, 2020. 22 (2). pp. 53-62.
17. Ataman M., Karaduman A. M. Analysis: UAE and Saudi Arabia's Intervention in the Libya Crisis: Politics of a Blow to the Will of the People. SETA, 2020. (In Turk.)
18. Boyraz H. M. Perspective: Britain's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
19. Meşe Z. Perspective: Germany's Foreign Policy Tradition and Transformation in the Light of the Libya Conference in Berlin. SETA, 2020. (In Turk.)
20. Güngörmez O. Perspective: Italy's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
21. Faytre L. Perspective: France's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
22. Alkanat A. Perspective: European Union's Libya Policy. SETA, 2020. (In Turk.)
23. Libya Crisis: Policies of Regional and Global Actors. ed. By Duran B., Ataman M. Istanbul: SETA, 2020. (In Turk.)

Сведения об авторах

Лукьянов Григорий Валерьевич

Институт востоковедения Российской Академии Наук
gvlukyakov@gmail.com

Кулиева Нубара Салман кызы

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Information about the authors

Grigory V. Lukyanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
gvlukyakov@gmail.com

Nubara S. Kuliyeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

The history and functions of the Joseon Star chart

История и функции чосонской карты звёздного неба

*Умярова Дина Фаридовна,
Гайнуллина Ляйля Айдаровна,
Балакин Дмитрий Александрович*
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
Автор, ответственный за переписку:
No2ma2s@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9173-6368>

*Dina F. Umyarova,
Layla A. Gainullina,
Dmitry A. Balakin*
Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
Corresponding author:
No2ma2s@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9173-6368>

УДК 39 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-128-135](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-128-135)

АННОТАЦИЯ

Звёздное небо с древности является неиссякаемым источником вдохновения представителей всех народов мира. Ему посвящено множество мифов и преданий, с его помощью люди определяли время для посевов, а моряки находили дорогу домой. Корейский народ не стал исключением — рисунки астеризмов присутствуют ещё на древних дольменах. Одним из их наиболее известных научных изысканий в этой области является чосонская карта звёздного неба — Карта созвездий и регионов, которыми они управляют (천상열차분야지도), составленная на заре династии Ли. Актуальность нашего исследования обуславливается тем, что карта использовалась не только для наблюдений за звёздами, но и обладала рядом политических

ABSTRACT

The starry sky has been an inexhaustible source of inspiration for representatives of all peoples of the world since ancient times. Many myths and legends are dedicated to him, with his help people determined the time for crops, and sailors found their way home. The Korean people are no exception – drawings of asters are still present on ancient dolmens. One of their most famous scientific researches in this field is the Joseon Star Chart, the chart of the constellations and the regions they govern, compiled at the dawn of the Li Dynasty. The relevance of our research is due to the fact that the map was used not only for stargazing, but also had a number of political functions, since its creation strengthened the position of the ruler who came to power. This is of particu-

функций, поскольку её создание укрепило позиции пришедшего к власти правителя. Это имеет особое значение для понимания политики того времени и способов обоснования власти вана. Поэтому целью нашего исследования является изучение её истории и функций, которые она несла. Для этого были проанализированы источники, в которых описывалось её создание и распространение.

Ключевые слова. Корея, Китай, карта звёздного неба, астеризмы, археология

Для цитирования: Умярова Д.Ф., Гайнуллина Л.А., Балакин Д.А. История и функции чосонской карты звёздного неба. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 128-135 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-128-135>

Звёзды всегда интересовали человека, мы можем отметить это во всех народах мира. В корейском обществе интерес к звёздному небу проявился ещё с древности, что отражено на дольменах (고인돌), огромных каменных столбах, использовавшихся для различных ритуалов и обрядов. Судя по изображённым на них звёздам и созвездиям, мы можем отметить, что корейцы с древности обращали внимание на небесные тела и интересовались астрономией. В более поздний период небо приобрело для корейцев сакральное значение. Поэтому неудивительно, что при дворе многих династий существовали специальные учреждения, изучавшие небо и наблюдавшие за ним. Они записывали любые изменения, которые позже могли

бы считаться знаменами. Кроме того стоит отметить влияние Китая, в котором подобные карты уже существовали и использовались при дворе. Таким образом, создание карты звёздного неба в Корее стало неизбежным.

Keywords. Korea, China, star chart, asterism, archeology

For citation: Umyarova D.F., Gainullina L.A., Balakin D.A. The history and functions of the Joseon Star chart. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 128-135 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-128-135>

бы считаться знаменами. Кроме того стоит отметить влияние Китая, в котором подобные карты уже существовали и использовались при дворе. Таким образом, создание карты звёздного неба в Корее стало неизбежным.

На наш взгляд, для классификации изображений небесных явлений на корейском полуострове наиболее подходящей является разделение, предложенное Ян Хонджином из Корейского института астрономии и космических наук, где он рассматривает их в зависимости от периода их возникновения. Согласно его точке зрения, таких периодов три. В самом раннем из них изображения звёзд присутствуют в древних захоронениях, в пещерах, на дольменах и керамике. Второй период характеризуется

оформлением так называемого «старого способа изображения небесных явлений» (고법천문도) [1, С.31], где основную роль играют 28 традиционных для Кореи созвездий [2, С.616], базой которых, однако, является китайские традиции. Третий период опять же характеризуется влиянием Китая, подвергнувшегося, в свою очередь, влиянию запада. В этот период уже с помощью телескопов, а не наблюдения невооружённым глазом, а также новых трудов учёных, корейские астрономы анализируют новые данные и создают так называемый «новый способ изображения небесных явлений» (신법천문도)[1, С.31].

Говоря о Карте созвездий и регионов, которыми они управляют (천상열차분야지도), существовало две редакции, первую из которых мы относим ко второму периоду, вторую — к третьему. Создание первой карты было завершено в (6 месяце) 1395 году. Проанализировав раздел о меридианных звёздах (중성) в традиционном энциклопедическом словаре по корейской культуре с дополнениями от 1903 года Добавленные рукописи с примечаниями² (증보문헌비고), раздел Карт звёздного неба сборника Восточных произведений (동문선)³ и в записях о Кёнсане сборника Записей земель востока (대동지지)⁴, мы приходим к выводу, что в начале своего правления Ли Сонге получает копию карты звёздного неба одной из предыдущих династий от некоего человека из Пхеньяна, но

точной даты получения данной карты обнаружено не было. Однако здесь присутствует некоторый спорный момент. По мнению многих корейских учёных и К. Руфуса, ставшим первым европейским учёным, изучившего карту, образец данной карты восходит к карте времён Когурё [3, С.32]. Тем не менее, Намгун Сынвон из Сеульского Национального университета считает, что правильнее будет относить оригинал карты к эпохе Корё, а не Когурё. Он утверждает, что присутствующий на карте термин 려계(麗季; рёге, досл. источник зла) [4, С.21] относится именно к периоду Корё, поэтому не может присутствовать на более древней карте. Кроме того, 12 созвездий зодиака, присутствующие на карте, также подтверждают её принадлежность к более позднему времени [5, С.121]. Здесь мы можем сделать вывод об удревнении корейской истории, поскольку, по его мнению, на момент основания новой династии им нельзя было сослаться на Корё. Это связано с тем, что нужно было доказать преемственность от более древнего и более почитаемого дома, а не дома, который только что был свергнут [4, 20]. Но когда и где бы ни был сделан оригинал карты, он утонул в реке в конце правления Корё во время одного из сражений.

Ван передал эту карту учёным из учреждения Соунгван, позже переименованному в Квансангам. Оно занималось вопросами астрономии, географии и другими науками ещё

¹ Слово подобрано автором статьи для более точного обозначения преемственности двух карт, поскольку вторая была создана на основе первой.

² Название труда переведено автором статьи

³ Название труда переведено автором статьи

⁴ Название труда переведено автором статьи

со времён позднего Корё. После изучения карты был вынесен вердикт о том, что она устарела и требует поправок на время и место, поскольку карта находилась в Пхеньяне, а ван велел перенести столицу в нынешний Сеул. Стоит отметить, что Соунгван, поскольку занимался ещё и вопросами географии, сыграл не последнюю роль в переносе столицы, о чём свидетельствуют силлоки вана Тхэджо [6]. После длительной работы карты была завершена в указанное время.

Стоит также отметить, что наблюдения за небесными явлениями велись ещё до завершения карты, о чём свидетельствуют записи в королевских силлоках. Ранние записи скудны и представляют собой краткую и сухо изложенную информацию о том, что было замечено на небе в определённый день и также служили для дальнейшей трактовки их как воли Неба. Самой первой из них является запись, датированная 9 месяцем 1 года правления вана Тхэджо, гласящая: «Марс вошёл в область восточного колодца» [7]. Поскольку карта была создана на 4 год его правления, мы можем сделать вывод, что запись была сделана до этого.

Самая первая карта представляла собой гранитный камень, высотой в 200.9 см, шириной в 122.8 см и глубиной в 12 см, с изображёнными на нём астеризмами. Чхве Чонджун из Университета восточных культур анализирует карту и приходит к выводу, что карта похожа на китайские настенные рисунки династии Хань и каменные карты династий Тан — Сун. Карта построена на трёх кругах и 28 традиционных созвездиях, также известных в Китае.

По их же образцу центром карты является Полярная звезда, находящаяся в созвездии Большой Медведицы. Кроме того, на карте присутствует разделение по Четырём священным животным, олицетворяющие каждую из сторон света и каждое время года [3, С.11]. Различие китайских и корейских карт в корректировке радиуса главного полюса с учётом местоположения Кореи.

На камне, на котором выгравирована первая карта, присутствуют изображения и с обратной стороны – это та же карта, но выгравированная зеркально. Существует несколько точек зрения относительно причин этого и датировок нанесения карт. Согласно **первой**, изображения с обеих сторон относятся к 1395 году. Автор книги История корейской астрономии, На Ильсон, предполагает, что причина в удвоенном количестве изображений на карте [8, 5-1]. Но стоит заметить, что это не объясняет причину зеркального изображения. Согласно **второй**, первое изображение карты было не на камне, а на бумаге, ввиду тяжёлой обстановки в стране, а на камень она была нанесена уже в правление Седжона, в 1433 году, когда обстановка наладилась. Как и в первом случае, считается, что обе стороны также были высечены в один период времени. Согласно **третьей** теории, одна сторона была выгравирована в 1395 году, а вторая — в 1433, поскольку на обеих сторонах есть существенные различия в расположении некоторых элементов [8, 5-1].

Кроме того, в связи с популяризацией астрономии, ван Сонджо (1567-1608) велел создать деревянную копию карты, отпечатать

120 листов копий карты и раздать придворным, о чём свидетельствуют силлоки вана [9] [10]. Ксилографии использовались для домашних наблюдений за звёздами и были крайне неудобными, поскольку делались с оригинала карты [8, 5-2]. Это может быть обусловлено началом борьбой за власть придворных группировок, поскольку немногим позже, в 1575 году, произошёл раскол власти «саримов» на «западников» и «восточников».

Однако время никогда не стоит на месте и вносит во всё, в том числе и в науку, свои коррективы. Во-первых, имеющаяся карта потеряла свой изначальный вид не только ввиду прошествия стольких лет, но и в связи с тем, что дворец, в котором она находилась, был сожжён в ходе Имчжинской войны (1592–1598). Однако, несмотря на это, карта хоть и была повреждена, но уцелела, и на данный момент хранится в Национальном музее Кореи. Во-вторых, через Китай в Корею попали западные тенденции и знания об астрономии, новое оборудование (телескопы) и книги, поэтому учёные вынуждены были скорректировать карту по новым данным. Таким образом, был создан «Новый способ записи небесных явлений», на основе которого была создана новая Карта, а в 1687 году — новая редакция карты. Кореяцы учли прошлый опыт ксилографии, поэтому в правление Ёнджо была создана специальная деревянная доска (목각본), намного меньшая по размеру и более удобная для печати карт, используемых в домашних условиях.

Таким образом, мы имеем дело с двумя картами, высеченными на камнях — картами

1395 и 1687 гг. Каждая из них имеет статус государственного наследия и носит номер 228 и 837 соответственно. Разница между ними состоит в расположении некоторых звёзд, способе нанесения 28 созвездий и перенос названия карты на самый верх в более позднем её варианте [11]. В 2006 году была выкуплена хранившаяся в Японском банке деревянная доска ксилографии.

Карта несла в себе ряд функций, значимых как для народа, так и для города. Прежде всего, карта была создана для легитимизации власти новой династии Ли. В данном случае становятся понятны ссылки на Когурё, а не на Корё, поскольку нужно было доказать не только преемственность власти, но и укрепить себя в глазах народа. Таким образом, через карту мы можем проследить тесную связь науки и политики того времени. Во-вторых, доказательство легитимности власти правящего вана через элемент конфуцианской политики — воли неба, поскольку это то, с чем народ уже знаком. В-третьих, изучение и оглашение подданным важных для сельского хозяйства периодов. Например, появлением каких тел можно начинать сеять. В-четвёртых, регистрация и трактовка всех небесных явлений, изучение и объявление их подданным как волю неба. Однако стоит отметить, что записи, сделанные в тот период, не несли в себе пророческого характера, а делались для дальнейшей интерпретации воли Неба.

Первым западным исследователем, обратившим внимание на Карту стал американец Уилл Карл Руфус (1876-1946). За свою жизнь он

совершил две поездки в Корею — в 1907 и в 1915. В свою первую поездку он преподавал математику и астрономию в Пхеньянской духовной семинарии (Union Christian college, Pyongyang) и через два года стал Суперинтендантом по образованию в М.Е. Mission (Методистская Епископальная миссия??) в Сеуле. Второй раз он посетил Корею, когда его пригласили преподавать в Чосонский христианский колледж (ныне университет Йонсе). Таким образом, мы можем отметить влияние христианской миссии на изучение астрономии в Корее.

История Карты созвездий и регионов, которыми они управляют, богата и интересна для изучения, поскольку благодаря ей исследователи могут познакомиться не только с расположение астеризмов, но и их влияние на жизнь страны. Так, придворные астрономы изучали звёзды и отмечали другие небесные явления для дальнейшей трактовки их как воли неба. Простым же людям сообщались важные с точки зрения сельского хозяйства даты, такие как дни посевов или сбора урожая. Однако само появление карты было важно для легитимации только что пришедшего к власти нового дома Ли, поскольку считалось, что в её основе лежит карта одной из более ранних династий.

Список литературы

1. Мун Джунъян (문중양). Введение к Западной небесной карте и трансформация традиционной карты небесной планисферы в Корее позднего периода Чосон (조선 후기 서양 천문도의 전래 신-고법 천문도의 절충). *Научно-исторический журнал корейеведения (한국사학회지)*. 2004; T.27 (1). С. 29 – 55. <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09072397> (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)
2. Чан Суна, Л'Хвиллер Б. Заново открывая древнее небо Кореи: захватывающая интерактивная 3D-карта традиционных корейских созвездий в Млечном пути. *Международный симпозиум по электронному искусству*. 2019; С. 616-617.
3. Руфус К.У. Небесная планисфера короля Ли Тхэджо. *Труды Корейского отделения Королевского Азиатского общества*. 1913; T.4 (23). С. 6 – 73.
4. Намгун Сынвон. Взгляд на историческую преемственность династии Чосон, основанной на Чхонсанъельчхабуняджидо ((天象列次分野之圖)에 나타난 역사계승의 식). Сеул (서울): *Департамент истории Сеульского Национального университета (서울대학교 대학원 국사학과)*. 2017. С. 59 – 125. (на кор.яз.)
5. Чон Ёнхун (전용훈). Характеристики корейской звездной карты, видимые с западной (서양 성도 (星圖)를 통해 본 조선시대 천문도 (天文圖)의 특징). *Институт истории и культуры Донгук (동국사학)*. 2018; T.64. С. 89 – 125. (на кор.яз.)
6. Силлоки династии Чосон (조선왕조실록). *Анналы короля Тхэджо (태조실록)*, 3 год 6 месяц 27 день (3년 6월 27일) 조선왕조실록 (history.go.kr) (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)

7. Силлоки династии Чосон (조선왕조실록). Анналы короля Тхэджо (태조실록), 1 год 9 месяц 4 день (1년 9월 4일) 조선왕조실록 (history.go.kr) (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)
8. На Ильсон (나알성). История корейской астрономии (한국천문학). Сеул: Центр культуры и публикаций Сеульского Национального университета (서울대학교출판문화원). 2009, 245 с. (на кор.яз.)
9. Силлоки династии Чосон (조선왕조실록). Анналы короля Сонджо (선조실록), 4 год 11 месяц 3 день (4년 11월 3일) 조선왕조실록 (history.go.kr) (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)
10. Силлоки династии Чосон (조선왕조실록). Анналы короля Сонджо (선조실록), 4 год 10 месяц 19 день (4년 10월 19일) 조선왕조실록 (history.go.kr) (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)
11. Карта созвездий и регионов, которыми они управляют (천상열차분야지도). Сеульский музей истории (서울역사박물관) 천상열차분야지도(天象列次分野之圖) | 유물 > 소장유물 정보 > 소장유물 검색 | 서울역사박물관 (seoul.go.kr) (дата обращения:15.11.2023) (на кор.яз.)
- www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09072397 (accssed:15.11.2023) (In Kor.)
2. Jang Sung-A, L`Huillier B. Rediscovering Korea's Ancient Skies: An Immersive, Interactive 3D Map of Traditional Korean Constellations in the Milky Way. *International Symposium on Electronic Arts*. 2019, pp. 616-617.
3. Rufus K.W. The celestial planisphere of king Yi Tai-jo. *Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society*. 1913, pp. 6 - 73.
4. Seungwon Namgung. The View of Historical Succession of the Joseon Dynasty Based on Cheonsang-Yeolcha-Bunya-Jido. Seoul: Seoul National University Department of Korean History. 2017, pp. 59 - 125.
5. Jun Yong-hoon. Characteristics of Korean Star Chart seen from Western Ones. *Dongguk history & culture institute*. 2018, pp. 89 - 125.
6. Joseon Dynasty Shilok. The Annals of King Taejo, 3 year 6 month 27 day 조선왕조실록 (history.go.kr) (accssed:15.11.2023) (In Kor.)
7. Joseon Dynasty Shilok. The Annals of King Taejo, 1 year 9 month 4 day 조선왕조실록 (history.go.kr) (accssed:15.11.2023) (In Kor.)
8. Na Il-seong. *History of Korean Astronomy*. Seoul National University Publishing and Culture Center. 2009, 245 p. (In Kor.)
9. Joseon Dynasty Shilok. The Annals of King Seonjo, 4 year 11 month 3 day 조선왕조실록 (history.go.kr) (accssed:15.11.2023) (In Kor.)
10. Joseon Dynasty Shilok. The Annals of King

References

1. Moon Jung-yang. The introduction of Western Celestial Map and the transformation of Traditional celestial planisphere map in the late Choson Korea. *Sinetic Histirical Journal of Korean Studies*. 2004, pp 29 - 55. <https://>

Seonjo, 4 year 10 month 19 day 조선왕조실록
(history.go.kr) (accssed:15.11.2023) (In Kor.)

11. Cheonsang-Yeolcha-Bunya-Jido. Seoul Museum of History 천상열차분야지도(天象列次分野之圖) | 유물 > 소장유물정보 > 소장유물 검색 | 서울역사박물관 (seoul.go.kr) (accssed:15.11.2023) (In Kor.)

Сведения об авторах

Умярова Дина Фаридовна,
Казанский Федеральный Университет
E-mail: No2ma2s@gmail.com

Гайнуллина Ляйля Айдаровна
Старший преподаватель
Казанский Федеральный Университет
E-mail: glaylaa@rambler.ru

Балакин Дмитрий Александрович
Старший преподаватель
Казанский Федеральный Университет

Information about the authors

Dina F. Umyarova
Kazan Federal University
E-mail: No2ma2s@gmail.com

Layla A. Gainullina
Senior Lecturer
Kazan Federal University
E-mail: glaylaa@rambler.ru

Dmitry A. Balakin
Senior Lecturer
Kazan Federal University

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;
Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;
Approved after reviewing: 10.02.2024;
Accepted for publication: 25.02.2024

The Discovery of Hinduism: A Phenomenon of Social Thought of the Bengali Renaissance

«Открытие индуизма»: феномен общественной мысли Бенгальского Возрождения

Скорородова Татьяна Григорьевна

Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Российская Федерация

skorokhod71@mail.ru

Tatiana G. Skorokhodova

Penza State University, Penza, Russia

skorokhod71@mail.ru

УДК 294.5 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-136-154](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-136-154)

АННОТАЦИЯ

«Открытие индуизма» описано как значимый компонент в общественной мысли Бенгальского Возрождения XIX – начала XX вв. Являясь частью «открытия Индии» (Дж. Неру), этот феномен происходит из ответа бенгальских интеллектуалов на духовный и интеллектуальный вызов индийским религиозным традициям от христианства и западной культуры. Феномен представляет собой становление мысли о родной религии и попытки его описания, чтобы создать образ индуизма в соотнесении с другими религиями — христианством и исламом. Основание для открытия было создано Раммоханом Раем и его последователями в Брахмо Самадже. Их монотеистический образ индуизма был адресован единоверцам, чтобы доказать присутствие общего и объединяющего всех древнего ядра и уравнивать его с другими религиями мира. Открытие родной религии в её целостности принадлежит неоиндуистским

ABSTRACT

The 'discovery of Hinduism' is described as meaningful component in social thought in the Bengal Renaissance XIX – early XXth century. Being the part of 'discovery of India' (J. Nehru), the phenomenon proceeded from the response of Bengal intellectuals to spiritual and intellectual challenge for Indian religious traditions from Christianity and Western culture. The phenomenon is the becoming of thought about native religion and the attempts of its description to create the image of Hinduism in comparison of other religions Christianity and Islam. The foundation for the discovery had been created by Rammohun Roy and his followers in the Brahmo Samaj. Their monotheistic image of Hinduism was addressed to co-religionists to prove its general and uniting ancient core and to equalize to other world religions. The discovery of native religion in its wholeness belongs to Neo-Hindu thinkers. Bankimchandra Chattopaddhyay, Swami Vivekananda, and Auro-

мыслителям. Бонкимчондро Чоттопаддхай, Свами Вивекананда и Ауробиндо Гхош представили индуизм как выдающееся «единство в многообразии», в котором есть место как для любых практик богочитания, так и высочайшим представлениям о Боге. Адресованный индийской и мировой аудитории, неоиндуистский образ родной религии объединил позитивное и критическое понимание, чтобы вернуть достоинство его последователям. Открытие вечных ценностей и высоких социальных норм служило социальному и культурному «собиранию» Индии в бенгальской мысли.

Ключевые слова: Общественная мысль Индии Нового времени, Бенгальское Возрождение, индуизм, Раммохан Рай, Брахмо Самадж, монотеизм, неоиндуизм.

Для цитирования: Скороходова Т.Г. «Открытие индуизма»: феномен общественной мысли Бенгальского Возрождения. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (1). С. 136-154 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-136-154>

Национально-культурный ренессанс в Бенгалии XIX – начала XX вв., затронувший разнообразные области интеллектуальной жизни и социальной практики, был создан усилиями относительно небольшого круга новых интеллектуальных элит, размышлявших о состоянии общества в условиях колониального британского правления и перспективах его усовершенствования в ситуации необходимости интеграции в мир Нового времени [См.: Скоро-

bindo Ghose have presented Hinduism as outstanding 'unity in diversity', that offers place for any worship practices as well as highest ideas on God. Being addressed both Indian and world audience, Neo-Hindu image of native religion united the positive and critical understanding to restore the dignity of his followers. The discovery of eternal values and high social norms in Hinduism served to social and cultural 'gathering' of India in Bengal thought.

Keywords: Modern Indian social thought, the Bengal Renaissance, Hinduism, Rammohun Roy, Brahma Samaj, monotheism, Neo-Hinduism.

For citation: Skorokhodova T.G. "Discovery of Hinduism": the Social Thought Phenomenon in the Bengal Renaissance. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№1). P. 136-154 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-136-154>

ходова, 2008; Dasgupta, 2011; Dasgupta, 2012]. Осознание бенгальскими интеллектуалами и реформаторами своего времени как «ренессанса» и «пробуждения» побуждало к осмыслению окружающей действительности во всей её полноте, попыткам инициировать реформаторские преобразования и культурному творчеству. При этом именно общественная мысль составила сердцевину и «нерв» эпохи Бенгальского Возрождения; выработанные ею

идеи и проективные положения легли в основу реформаторства и социокультурного творчества эпохи; из них сложилась целая гуманистическая философия.

В общественной мысли Бенгальского Возрождения существует феномен, который обозначил и описал в книге как «Открытие Индии» Дж. Неру, исходя из личного опыта. Содержательно это феномен обращения сознания к осмыслению родной страны и понимания её как Своей (в сопоставлении с Другими), обладающей неповторимыми особенностями наряду с универсальными качествами [См.: Скороходова, 2015; Скороходова, 2021]. Феноменологически это открытие заключено в способности увидеть свою страну «свежим» взором и осознанно анализировать её, т. е. описывать и объяснять для себя, соотечественников и иностранцев. Для индийцев XIX в. такое открытие Своего стало возможно благодаря тому, что интеллектуальные элиты вступили в диалог с Другим — Западом, что предполагало знание и объяснение собственной страны.

Важной частью «открытия Индии» был феномен «открытия индуизма» — родной религиозной традиции, относительно недавно получившей извне — от европейцев — собирательное название «индуизм» — абстрактный термин для обозначения религии основной массы населения [Stietencron, 1995; Lorenzen, 2006], отличной, тем не менее, от религии джайнов, буддистов и сикхов. Под этим производным термином я предлагаю понимать особый феномен общественной мысли Бенгалии, возникший как ответ на духовный и интеллектуальный вызов

родной религиозной традиции.

В Индии XIX в. обозначилось три условных вызова в религиозной и шире — социокультурной жизни: 1) прозелитистская и образовательная деятельность христианских миссионеров разных конфессий, включая критику верований местного населения регионов с целью побудить «язычников» обратиться к истинной вере; 2) попытки европейских учёных и теологов изучать индийские религии на научной основе, как происходящие от эпохи Вед («ведийские»), что весьма отличалось от наличных религиозных практик населения разных регионов; 3) самый термин «индуизм» имел характер вызова, поскольку ставил под вопрос религиозную принадлежность и самосознание в ситуации множества вероучительных и духовных традиций, верований и культов индийского субконтинента, как и само наличие общих для всех доктрин и практики.

Ортодоксальное брахманство сориентировалось в ситуации колониального правления довольно быстро: приспособилось к новой власти, признав в британцах «новых кшатриев» Индии, и предложило им как единственно верную собственную трактовку религии, общества и права — брахманистскую по сути. Этот ответ на религиозный вызов снова утвердил пошатнувшееся было в прежние века брахманское влияние в обществе, т. к. представил брахманизм сутью религии и культурной системы, — что было принято британцами и администраторами и учёными [Bayly, 1988, С. 136–158].

Не таким был ответ новых интеллектуалов разных регионов — поначалу Бенгалии,

затем Махараштры, Тамилнаду и других областей, ставших пространствами диалога индийской и западной культур. Религиозный компонент был частью общего вызова Запада традиционному обществу Индии, и формирующийся слой новых элит с западным образованием (наряду с традиционным или вместо него) оказался той социальной средой, из которой выходили интеллектуалы и реформаторы, способные творчески отвечать на все компоненты и на вызов в целом [Скороходова, 2008, С. 42–55; 170–207]. Поэтому, отвечая на три названных вызова в духовной сфере, интеллектуалы начали своё «открытие индуизма»; первыми стали усилия религиозных реформаторов Бенгалии.

«Открытие индуизма» происходило в сознании благодаря постижению текстов, исследованию религиозной жизни соотечественников и выработке некоторого представления о родной религии; труды об индуизме — это часть самопонимания в диалоге с Западом, его религией обществом и культурой, часть самоопределения культурного «я» индийца — для себя и ближних. Феномен открытия родной религии в Бенгалии представляет собой процесс развёртывания мысли о духовной традиции, попыток её описания, благодаря чему складывается некоторый её образ. Это мышление о своей религии — неортодоксальное, т. к. исходит не от хранителей традиции по варновому статусу с правом на её интерпретацию; и адогматическое, т. к. труд по описанию и объяснению религии (и не только своей) свободно и добровольно принят на себя бенгальскими интеллектуалами, далеко не всегда являющимися представителями брахманской варны. От-

крытие индуизма идёт на фоне других религий — христианства и ислама, которые тоже входят в круг понимания Другого; соответственно влияние других религий на интерпретации постоянно поощряет творческий подход к собственной традиции. При этом ведущим мотивом «открытия индуизма» оказалось его оправдание — в том значении, которое подчёркивал русский философ Вл. С. Соловьёв — «открытие правды» о нём [Рашковский, 2001, С. 35–37].

Открыть объект в познавательном смысле означает прежде всего назвать его — что сделали европейцы, оказавшись перед великим многообразием верований и культов, тяготеющих к общему истоку и брахманистской традиции, которая покоится на авторитете Вед. Название «индуизм» пришло от христианских миссионеров и прижилось в востоковедении, а также было усвоено местными интеллектуальными элитами как общее универсальное имя для родной религии, прежде имевшей в качестве самоназвания многозначное имя *дхармы*. Термин «индуизм» как никакой иной способствовал восприятию собственной религии как целостного объекта, при всей его сложности объединённого общими символами и практиками — дхармой, признанием Вед, санскар и др.

«Первооткрывателем» индуизма в этом смысле стал Раммохан Рай (1772–1833) — философ и реформатор, родоначальник большинства ренессансных процессов не только в Бенгалии, но вообще в Индии. С него начался условный первый период открытия индуизма бенгальскими интеллектуалами, 1815–1870-е годы; его отличало стремление найти

и выявить самое главное содержание родной религии, скрытое за множеством форм и практик «пуранического» индуизма и обосновать её достойное место в ряду других религий мира. Второй период 1880–1919 гг. пришелся на время развёртывания так называемого культурного национализма и отмечен описанием и объяснением родной религии во всей её полноте и многообразии.

Раммохан Рай первым ответил на три условных вызова индуизму. С начала его реформаторской деятельности — выхода первых переводов «Веданта-сутры» и ранних Упанишад на бенгали и английском (1815–1819) — он применяет термин «индуизм», начинает сотрудничество с баптистскими миссионерами Серампура в переводе Библии на бенгали и участвует в дискуссиях с брахманами, отстаивая своё понимание индуизма.

Удобными общими терминами «индуизм» и «индусский» Раммохан обозначает религиозную традицию (варианты 'Hindu religion' и 'Hindu faith') [Roy, 1982: Т. I, С. 3, 4, 74, 90, 179; Т. IV, С. 905–908], а также её значимые компоненты — «индусский теизм», «индусское богослужение», «индусская мифология», «индусская теология, право и литература», и «индусские священные тексты» [Roy, 1982, Т. I. С. 3, 5, 21, 35–36, 45, 66, 68, 89–90], а также как религиозная община. Начиная с Раммохана Рая, под индуизмом подразумевают весь комплекс религиозных практик и наполняют его содержанием — открыв, индуизм описывают и объясняют, критикуют и выявляют достоинства.

Открытие индуизма Раммоханом шло по очень непростой траектории: он был воспитан в атмосфере экзальтированной вишнуитской религиозности в родительском доме, затем, обучаясь в Патне, получил опыт созерцания Другой религии – ислама и на фоне его строгого монотеизма увидел «идолопоклонство» родителей. По настоянию матери он отправился в Бенарес, где получил санскритское образование и познакомился с философией веданты и так нашёл монотеизм в родной духовной традиции, прежде всего в Упанишадах. В. Хальбфасс подчёркивает его самопонимание как ведантиста [Halbfass, 1988, С. 214]. От юношеского конфликта с родителями из-за отрицания идолопоклонства в богослужении Кришне можно вести отсчёт размышлениям Раммохана о религии. Значимой вехой на пути стал трактат «Дар верующим в единого Бога» (1804, *Tuhfat-ul-Muwahiddin*), где он обосновал естественную склонность всех людей к вере в Единого Вечного Сущего и фундаментальный характер монотеизма для любой религии [Roy, 1982, Т. IV, С. 943, 957].

Наблюдения за религиозной жизнью и богослужебными практиками единоверцев открыли Раммохану реальность политеистической «народной» веры, с избытком форм и ритуалов, обрядностью, подавляющей дух веры, множеством ограничений и запретов, а также всеобъемлющее влияние брахманов в общине, которое консервировало сложившийся порядок и коренным образом искажало моральную и социальную жизнь верующих. Являясь сам монотеистом и брахманом, Раммохан с его опытом понимания других религий (в том числе

зороастризма, сикхизма и христианства) [Zaidi, 1999; Hatcher 2020, С. 127–137] и ведантистскими убеждениями не мог согласиться с тем, что политеистический индуизм — это индуизм истинный, возникший в древности и основанный на священных Ведах. Поэтому его открытие заключалась в том, что он нашёл и представил соотечественникам и иностранцам индуизм подлинный, то есть монотеистический. Как читатель и интерпретатор Упанишад и ведантист, он знал о присутствии монотеизма в родной религии, но воспринимал его как забытый и даже отвергнутый единоверцами, предпочитающими верить во множество богов и следовать предписанным обрядам. В трудах его достаточно критики культовых практик как иррациональных и аморальных, отягощённых ритуальными предписаниями и суевериями, — не говоря уже о таких обычаях, как сати, инфантицид и искупление при нарушении кастовых правил – все вместе они были для реформатора симптомами глубокого морального нездоровья и социальным злом в кавычках «в одеждах религии» [Roy, 1982, Т. II, С. 372].

Его открытие индуизма совершается для единоверцев, и через переводы текстов он «решил открыть им точные переводы частей их священного писания, проповедующего не только просвещённое служение Богу, но и чистейшие принципы морали» [Roy, 1982, Т. I, С. 74]. Это открытие по определению реформаторское, так как апеллируя к «вере наших древних предков» и «истинному смыслу священных книг» [Roy, 1982, Т. I, С. 3], Раммохан стремился преобразовать вероисповедную практику, перенести акцент на духовную жизнь и мораль

без разрыва с той религиозной традицией, которую в конечном счете все брахманы принимают за авторитетную, – опирающуюся на Веда.

Истолкование священных текстов брахманизма — Упанишад и Веданта-сутры в переводах позволило Раммохану представить изначальной верой индуизма веру в Брахмана как единого Бога, и потому в дискуссиях с пандитами он говорит: «...Доктрины единства Бога есть настоящий индуизм, что так эта религия понималась нашими предками и что как таковая она известна в настоящее время многим учёным-брахманам» [Roy, 1982, Т. I, С. 90]. Опираясь на авторитет Вед, Раммохан противопоставил их духовную часть (монотеизм и путь к спасению) аллегорическим представлениям об атрибутах Верховного Сущего, созданным для людей с ограниченным сознанием, «неспособных осознать и почитать незримого Верховного сущего» [Roy, 1982, Т. I, С. 131–130].

Раммохан действительно открыл индуизм как высокую веру в Единого Бога, исходящую из Вед. Генезис монотеизма прослеживается в *самхитах*, а Упанишады раскрывают Брахмана как Творца и Правителя вселенной; причём дух священных текстов доминирует над периферийными идеями о поклонении атрибутам божества и ритуалах.

Теологией индуизма Раммохан называет Веданту, которая обосновывает единство Бога и духовное почитание его без множества церемоний и ритуалов. Она оказывается сердцевинной высокого индуизма: не просто учение о вездесущем Творце, но и обоснование высших моральных принципов и любви к человеку —

отсюда на первый план выводятся этическая сторона индуизма, чья ведантистская теология говорит о том, что «человек страдает или обретает счастье сообразно своим дурным или добрым деяниям — постоянно уже в этом мире, а не только после смерти» [Roy, 1982, Т. I, С. 182–183, 185]. Такой индуизм оказывается образцом, на который можно ориентироваться в преодолении насущных проблем. Появление «образцового» монотеистического и этического индуизма, восходящего к древности, и с которым несопоставимо современное состояние, ставит индуизм в исторический контекст: какой бы вечной (*санатана*) ни была дхарма, меняются её формы. И это видит Раммохан: в его трудах присутствует мысль, что древнее возвышенное учение Вед постепенно скрылось за многими ритуалами, церемониями и обычаями, связанными с почитанием изображений богов, то есть высокая религия выродилась в политеизм и оказалась в упадке. Причиной тому реформатор видел стремление обеспечить возможность связи с Божественным сущим для «лиц слабого интеллекта, неспособных постичь Бога как Дух, как Творца» [Roy, 1982, Т. I, С. 161]. Упадок монотеизма прослеживается уже в *пуранах* и *тантрах*, где появились боги в облике живых существ и людей. При попустительстве и поощрении корыстолюбивых брахманов, укреплявших свою власть и благополучие, была создана система верований, ритуалов и обычаев, существующих в современной Раммохану Индии. Поэтому единоверцы «погружены в грубое идолопоклонство и веру в самые сумасбродные представления о будущем, о древности и чудесах их богов и святых,

якобы снизошедших к ним и описанных в древних книгах» [Roy, 1982, Т. III, С. 559]. Но несмотря на печальное современное состояние, Раммохан защищает индуизм от критики и прямых нападок миссионеров, отвергая обвинения в политеизме, потому что каждый индуист признаёт единство божества, даже поклоняясь ему в разных обликах [Roy, 1982, Т. III, С. 582–583].

Итогом размышлений Раммохана об индуизме стали, во-первых, представление о нём как целостной религии на общем основании и, во-вторых, попыткой его воссоздания в богослужебной практике. Общее основание — этический монотеизм, возведённый к вере в Бога Упанишад и закреплённый авторитетом Вед и философии Веданты. Отсюда многоцветный и полиморфный индуизм, существующий на субконтиненте, видится результатом поглощения истинного духа веры превратными представлениями о Божестве и ритуально-обрядовыми формами, которые к тому же поощрялись брахманским священством. Однако ситуация духовного упадка, по мысли Раммохана, безнадежной не являлось; он видел будущие перспективы индуизма в восстановлении его подлинного единобожия, ставящего веру индуистов в один ряд с великими монотеистическими религиями мира, а также в преодолении обрядоверия и ритуализма, которые должны быть вытеснены этикой любви к Богу их человеку — «для благополучия и счастья индуистов» [Roy, 1982, Т. I, С. 116]. Чтобы начать этот процесс, Раммохан Рай с единомышленниками основал Брахмо Самадж, чтобы почитать «Вечного, Непостижимого и Неизменного Сущего, который есть Творец и Хранитель

Вселенной, но не под каким-либо другим именем, обозначением или названием...» [Roy, 1982, Т. I, С. 216]. В новом религиозном объединении богослужение строилось как собрание без каких-либо социальных различий верующих в Вечного Сущего (Брахмо) для совместных молитв и размышлений, а практики поклонения образу и жертвоприношений в любой форме исключены. У Раммохана получился реформаторский образ индуизма, по сути — Другой индуизм, который транслировался и воспроизводился в рамках Брахмо Самаджа, но оставался элитарным на протяжении своей истории.

Размышления об индуизме в Брахмо Самадже продолжил в 1830–1840-х его молодой лидер, придавший обществу новый импульс после кончины Раммохана Рая — Дебендронатх Тагор (1817–1905). К этой вере его привёл личный религиозный опыт и напряжённый поиск знания об истинном Боге, отвержение ритуалов и почитания образов богов традиционного индуизма, а также изучение ведийских текстов — от Упанишад до *самхит*. Отправным пунктом его осознанного открытия индуизма было знание о Брахмане и предписанном Упанишадами почитании его [Tagore, 1909, С. 40], — Дебендронатх был глубоко убеждён, что это и есть истинная суть индуизма, несмотря на окружавшие его формы религиозной жизни родственников и соотечественников. Его отец, крупный предприниматель и общественный деятель Дароканатх Тагор был верным соратником Раммохана Рая, чьё влияние Дебендронатх испытал ещё в детстве, и потому представления об индуизме, лежавшие в основе Брахмо Самаджа,

играли значительную роль в понимании родной религии молодым реформатором. Его мечтой и целью было «проповедовать религию Брахмо как основанную на веданте» — чтобы вернуть всей Индии «единую религию» и тем самым положить конец всем разногласиям, объединить людей «в общем братстве», и разумеется, способствовать благу своей страны — возродить её прежнюю силу и славу, а в перспективе — вернуть свободу [Tagore, 1909, С. 40]. Дебендронатх рассчитывал, что каждый верующий откажется от «идолопоклонства со всей его пышностью и церемониями», то есть от индуизма пуран и тантр, и будет стремиться к познанию Брахмана, о котором говорят Упанишады.

Справедливо считая, что для единоверцев Веды — закрытая книга, несмотря на то что это обширный корпус литературы, Дебендронатх взялся за их изучение. Его открытие снова идёт по траектории от реальности к экзегетике текста и снова к реальности. Реальностью было всеобъемлющее господство *шастр* (*смрити*) и пренебрежение Ведами, которые в Бенгалии совершенно вышли из употребления — в чём повинны брахманы [Tagore, 1909, С. 41]. Несколько лет у него ушло на изучение текстов Вед с параллельным наблюдением за религиозной жизнью соотечественников во время путешествия по Северной и Восточной Индии.

Дебендронатх, как и Раммохан Рай, видел историческую эволюцию индуизма, однако по прочтении *самхит*, по сути, отказался от идеи о прамоотеистических истоках его веры. В ведийской эпохе, согласно её гимнам, он увидел то же идолопоклонство множеству богов и ту

же огромную роль ритуалов и жертвоприношений, что и в современности, хотя боги и носили иные, почти забытые имена: «Агни, Вайю, Индра и Сурья почитаются в Ведах как боги. Кали, Дурга, Рама и Кришна — всё это новые божества Тантр и Пуран. Агни, Вайю, Индра и Сурья — древние ведийские боги, поэтому пышные и до мелочей разработанные церемонии жертвоприношения касаются только их одних» [Tagore, 1909, С. 59, 60]. По текстам самхит Дебендронатх увидел, что только мудрецам древности была доступна вера в единого Бога, что они «поклонялись не существующим луне, солнцу, ветру и огню, а это был один Великий Бог, которому они поклонялись в формах Агни, Вайю и многих других» [Tagore, 1909, С. 67]. В дальнейшем пути богопочитания разошлись: мудрецы-отшельники отказались от жертвоприношений «материальным богам» и искали спасения в постижении Брахмана, тогда как основная масса верующих с течением времени обратилась к почитанию божеств пуран и тантр в убеждении, что «поклонение Кали и Дурге предписано Ведами» [Tagore, 1909, С. 69]. Однако и тщательно изученные упанишады не были свободны от многочисленных противоречий, и более того — в индуизме сложился целый ряд текстов в этом жанре, в том числе вишнуитских и шиваитских [Tagore, 1909, С. 74–75]. Эти открытия Дебендронатх сделал в поисках прочного авторитетного обоснования для Брахмо дхармы, то есть веры Брахмо Самаджа, и в итоге увидел, что на эту роль не подходит ни упанишады ранние, ни сами Веда, — только чистое знание, данное верующему в откровении духовного опыта: «чистое

сердце, полное света интуитивного знания, — вот его основание» [Tagore, 1909, С. 75].

Современное ему состояние духовной жизни индуистов Дебендронатх Тагор воспринимал критически: разнообразие обрядов жизненного цикла и храмовых считал воплощением идолопоклонства, наблюдал в Бенаресе перепалки пандитов по вопросам, связанным с правильной рецитацией Вед и жертвоприношением (*яджна*), неодобрительно смотрел на паразитическое существование храмовых жрецов, вымогающих пожертвования, на расточительные *мела* и кровавые жертвы во славу богов и богинь. На фоне этого только учение и община Брахмо Самаджа представляли воплощением подлинной веры и сообществом единомышленников. Так на основе открытия священных текстов ведийского комплекса и откровения упанишад о Брахмане как Абсолюте и Творце вселенной и человека в Брахмо Самадже выработалось представление о монотеизме как подлинной сути индуизма, исторически скрытой за политеистическими верованиями и практиками, и требующей возрождения. Именно это видение индуизма было принято за основание, объединяющее индусов, несмотря на их реальное разделение на множество традиций, культов и направлений.

Показательно, что среди брахмоистов было немало социальных реформаторов и просветителей, работающих с общественными настроениями и установками, которые укоренены в социорелигиозных представлениях индуизма, в первую очередь — идеей ритуальной чистоты и правилах общения. Молодой

соратник Дебендронатха Тагора Кешобчондро Сен (1838–1884), возглавивший юное поколение брахмоистов в 1860-х гг., развернул критику социальной организации индуизма — кастовой системы, которую назвал проклятием и средством удержания масс в узах духовной и социальной тирании [Keshub, 1938, С. 289], Реформатор считал, что социально-профессиональная структура оформилась как комплекс каст, впоследствии закреплённый религиозными санкциями. Древней Индии её высоким единобожием и этикой кастовые различия были неведомы, но эта система была создана вместе с социальным порядком брахманизма: высшая варна монополизировала духовную жизнь, образование, социальные возможности, власть и влияние. Отсюда каста воспринимается Кешобчондро как «страшное общественное бедствие» современного общества, безусловно вредное, т. к. это «оплот индусского идолопоклонства и гарантия для брахманского священства, ...наглое и кощунственное насилие над Божественным законом человеческого братства» [Sen, 1892, С. 12–13]. Это зло преодолевается, по мнению Кешобчондро, только разоблачением и разрушением, так как положительно улучшить её нельзя [Keshub, 1938, С. 288].

Столь же серьезной критике подвергались в Брахмо Самадже индуистские обычаи и практики в отношении женщин, семьи и брака (сати, пожизненное вдовство, затворничество, полигиния, детские браки), с подробными экскурсами в историю для объяснения их появления и необходимости преодоления в настоящем и будущем.

Заслугой брахмоистов стало описание индуизма как древней религии, восходящей к священным текстам Вед и развивающейся в историческом времени через духовные взлёты (как в период ранних упанишад) и периоды упадка, и вполне способной к обновлению и развитию в перспективе. Теоретически она осознана как общая для всех индуистов родная религия, ничуть не уступающая другим великим религиям в своих высших проявлениях и целях.

Восприятие интеллектуалами индуизма во всей его целостности и многомерности, как единства в многообразии, объёмлющего все культы и практики, пришлось на последнюю треть XIX столетия, время развернутого постижения индийского культурного и исторического наследия в общественной мысли, роста самосознания и самоопределения, в котором сошлись по крайней мере три обстоятельства. 1) Движение против подражания западному образу жизни в элитах и за заботу о сохранении и развитии привычных культурных форм и образа жизни — символом его в Бенгалии было Хинду (Джати) мела (Индусское (Народное) собрание) с духовным лидером Раджнарайоном Бошу — брахмоистом, другом Дебендронатха Тагора. 2) Созданное в 1875 г. Теософское общество проповедовало идею превосходства «арийской» (тождественной индуистской) цивилизации в истории. 3) Движение индусского ревайвализма, которое развилось в ортодоксальных кругах Бенгалии — его идеологи пандит Шошдохор Торкочудамони (1851–1928) и «индусский миссионер» Кришнопрошонно Сен (1849–1902) взяли курс на возрождение индуизма, пытаясь использовать для обоснования

величия его традиций методы западной науки [Sen, 1993; Raychaudhuri, 1988, С. 31–34]. Добавлю к этому особый импульс, который был придан общественной мысли со стороны традиционного святого и проповедника «народного» индуизма Рамакришны Парамахамсы (Гададхар Чоттопадхья, 1836–1886). Он показал бенгальским интеллектуалам, что за всем многообразием богов, культов и форм пребывает общий высший смысл — дух мистических отношений верующего с божественной реальностью, поэтому всё разнообразие индуистских практик оправдано его универсальным духом.

Мыслители, представившие своё видение индуизма во всей его полноте и многообразии, полемизировали и с ортодоксами-традиционалистами, и с ревайвалистами. Их открытие индуизма мотивировано, с одной стороны, тем же стремлением оправдания и защиты индуизма, что и у брахмоистов, хотя и с известной долей консервативного уважения к родной религии в её реальном облике, а с другой, — сознанием необходимости трансформации ряда индуистских практик и установлений в меняющихся условиях современности.

Если условно определять цели «открытия индуизма», которые ставили мыслители-реформаторы, то у Раммохана Рая будет очевидно открытие родной религии для духовного, морального и социального благополучия и совершенствования единоверцев, и его продолжали брахмоисты. Во второй половине XIX – начала XX вв. добавились цели новые. Писатель и социолог Бонкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894) был движим желанием показать духов-

ную, культурную и социальную ценность индуизма. Ученик Рамакришны, философ Свами Вивекананда (1863–1902) создаёт представление об индуизме как всеобъемлющей и самой толерантной из всех религий мира — и для индуистов, и для мировой аудитории. Политически мотивировано было осмысление индуизма у Ауробиндо Гхоша (1872–1950), пока он принимал участие в освободительном движении 1900-х годов: его открытие происходит для указания соотечественникам источника вдохновения на пути к *пурна свараджу*. Эти три открытия индуизма не единственные, но они наиболее наглядны с позиций целей и значения.

Бонкимчондро Чоттопаддхай в поздний период творчества (1880-е гг.) создал ряд трудов об индуизме, где рассмотрел и осмыслил его в исторической эволюции как сложное духовно-культурное целое. При этом, подобно Р. Раю, он видел его основу в универсальном монотеизме: «Корень религии, в частности, индусской религии, — единый Бог, Бог во всех вещах, следовательно, наша дхарма — в том, чтобы искать блага всех вещей» [Chatterjee, 1986, С. 191]. В «Письмах об индуизме» он отвечает на вопрос «Что такое индуизм», подчёркивая, что сам термин имеет иностранное происхождение, а религия тех, кого называют индусами, не имеет названия, хотя для них «вся жизнь есть религия» — отношения с Богом и с людьми, духовная и мирская жизнь «образуют одно сжатое и гармоничное целое, разделить которое на компоненты означает сломать всё устройство» [Bankim's Hinduism: 2011, С. 299]. Однако название «индуизм», несмотря на множество связанных с ним

противоречий и стереотипов, — весьма хорошо, так как все разнообразные религии, в которых он прилагается, имеют минимум два общих качества: они все происходят из общего источника и, следовательно, придерживаются общих доктрин; и опираются на священные тексты на санскрите или на другом языке, происходящем из санскрита [Chatterjee, 1986, С. 301].

Внешнее наблюдение говорит о многообразных индуизмах — политеистическом и пантеистическом, монотеистическом и даже атеистическом (если включать в него буддизм), о гуманном вайшнавизме и кровожадном шиваизме и так далее. Но Бонкимчондро видит во всех присутствие «некоторых общих свойств, некоторых фундаментальных принципов, которые формируют основание всего» [Chatterjee, 1986, С. 304] — это дхарма, (сути писатель отождествляет её с культурой), философская сущность (*таттва-джняна*) — знание о высшем Боге в душе человека, преданность Богу (*бхакти*) и моральная жизнь. Благодаря этому любая форма богопочитания приемлема в индуизме, так как «Бог может принять поклонение в любой форме» [Chatterjee, 1986, С. 197].

Индуизм виделся Бонкимчондро естественной религией ещё в ранние периоды творчества: она возникла из элементарных форм поклонения и обожествления природных объектов и стихий, которые отразились в самхитах Вед и хотя не имели отношения к Богу, но «представляли силы и щедрость Бога и усовершенствование наших духовных способностей» [Chatterjee, 1986, С. 181]. Как естественная религия, индуизм прошёл пять стадий раз-

вития, и в этом смысле он — религия историческая, с истоками в вере древних ариев, завоевавших Индию и обративших местное население в её адептов (ведийский индуизм), со стадией почитания Бога, избранного из всего пантеона божеств, затем — осознания единства Бога и служение ему в почитании всех богов. На четвёртой стадии — в период Упанишад — «единственным объектом богослужения для человека тогда стал Блаженный Брахман», но и это была не вполне совершенная форма религии [Bankim's Hinduism: 2011, С. 71]. Поскольку почитание Ниргуна Ишвара (безличного Бога) для человека слишком трудно, ему нужен идеал, зримый пример добродетели, «истинно религиозные люди, которых считают подобиями Бога», а с ними — «религиозная история» [Chatterjee, 1986, С. 163–166]. Пуранический индуизм — стадия совершенного состояния религии, сочетающая благочестие преданности личному Богу со знанием сути Абсолюта. Пуранические боги и герои эпических поэм стали идеалами добродетельных людей и богов в человеческом облике [Chatterjee, 1986, С. 166–167].

Для описания индуизма Бонкимчондро применил метафору древа: корни его уходят в первобытность, ведийскую эпоху, где созданы основы вечной дхармы, но затем она вырастает сложную целостность с ветвями, пышной листвой, цветами и плодами, и ничто из перечисленного не пребывает в корнях [Bankim's Hinduism, 2011, С. 307–308]. Индуизм растёт вместе с ростом культуры, и в нём есть место всем народам и племенам, для которых эта всеобъемлющая религия буквально создаёт счастье [Chatterjee, 1986, С. 170]. Это счастье

и благополучие обеспечивает её этическая суть — *читташудхи*, моральное очищение души через власть над чувствами, милосердие, добрую волю и любовь к Богу. Впервые эти моральные основы религии, по мысли Бонкимчондро, развернуто объяснил Кришна в Бхагавадгите [Chatterjee, 1986, С. 176–178].

Нетрудно заметить, что Бонкимчондро воспроизводит базовые интерпретации индуизма у Р. Рая: монотеизм как основание, гуманистическая этика как ключевое содержание дхармы: «...Если истинно, что Он— Моральный Правитель вселенной, постоянно судящий нас по нашим деяниям, тогда богослужение — это всё, что соответствует Его чистой природе, и должно быть приятно Ему» [Chatterjee, 1986, С. 184]. Однако многообразие религиозных практик писатель считает достоинством индуизма, как и его религиозную историю, так как счастье и освобождение от страданий и путь к Богу делаются доступными для всех. И это одна из причин того, что во всех отношениях индуизм для Бонкимчондро «превосходит все другие религии» и есть «лучшая религия в мире» [Chatterjee, 1986, С. 176].

В похожем стиле интерпретации индуизм открывает индийской и мировой аудитории Вивекананда, чьё восприятие предзадано принятием веданты как сути индуизма. Как и Бонкимчондро, он считает термин «модным», но не выражающим сути этой религии; скорее надо «пользоваться словом “ведантисты” вместо “индусы”» [Vivekananda, 1998, С. 119–120], говорит Вивекананда, хотя в речах и статьях и не отказывается ни от термина, ни от его произ-

водных. Суть религии выражена в Упанишадах как вечное отношение человека и Бога [Vivekananda, 1998, С. 121]. Её общее основание — вера в Брахмана (Бога), закон кармы, определяющий ответственность человека за все деяния и судьбу в обретении свободы и Бога, и возможность познания Высшего через собственную душу [Vivekananda, 1998, С. 123–126]. Преодоление смерти и страдания, обретение свободы (*mukti*) и вечного блаженства Вивекананда называет целью индуизма — общей, но достигаемой разнообразными путями и формами: все их объединяет признание авторитета и вечных принципов ведийских Упанишад [Vivekananda, 1998, С. 120].

Как его старший современник Бонкимчондро, Вивекананда использует для описания индуизма метафору древа: это «могучий баньян, растущий из корня Упанишад и Веданты» [Vivekananda, 1998, С. 323], чьим влиянием пронизано в индуизме буквально всё — от брахманизма до пуранических верований, от многочисленных направлений, почитающих Шиву и воплощения Вишну, до местных культов и сект. Более того, индуизм отвечает духовным запросам людей самого разного уровня интеллекта и способностей — от простого люда, поклоняющегося личному Богу, и до рафинированного философа, размышляющего о безличном Брахмане.

Вивекананда закрепляет и понимание индуизма как исторически меняющейся религии: неизменными считает её вечные принципы (веданту), а различные религиозные практики, нормы, обычаи и институты — изменяю-

щимися и даже *подлежащими* изменению со временем. Если они приходят в противоречие с принципами веданты, их следует отбросить [Vivekananda, 1998, С. 120–121]. Серьезную роль в изменениях играют выдающиеся личности — риши, философы и святые, снова и снова открывающие вечные истины Вед и оберегающие добро против аморальности и зла [Vivekananda, 1998, С. 248–249]. Благодаря им индуизм — религия не только вечная, но и живая религия любви, отречения, работы против зла и служения всем живым созданиям в мире [Vivekananda, 1998, С. 133–134, 142–143].

Однако в живой религии индуизма, в его образе жизни Вивекананда видит множество пороков и проблем, которые вполне в духе брахмоистского социального реформаторства довольно жёстко и жестоко критикует: догматизм, приверженность в форме и ритуалу, сектантство (хотя разнообразие путей к Богу — это норма), фанатизм, а также рождённые ими бесчеловечные социальные установления — детские браки, вдовство, ущемление прав женщин, неприкасаемость как абсолютное зло, кастовая система и предрассудки.

В выступлениях и трудах Вивекананды индуизм описан и теоретически, как идеальная вечная религия, одна из самых мирных и толерантных в мире, ничем не уступающая другим религиям при сравнении с ними, религия истины и любви: «она учит, что истинен один Бог, а этот мир ложен и быстротечен, ...учит отречению и покоится на мудрости тысячелетий...» [Vivekananda, 1998, С. 180], и что «одна только любовь — самый подходящий путь для

выживания, а не ненависть, и что её кротость — то, что даёт миру силу жить и приносить плоды, а не просто животность и физическая сила» [Vivekananda, 1998, С. 138]. Его критический анализ реалий традиционного индуизма, особенно в социальном измерении, хотя и выявляет достоинства его верований, направлений и культов, но сохраняет то принципиальное несогласие с противными человечности обычаями и установками, которое Вивекананда унаследовал от предшественников реформаторов Брахмо Самаджа.

По траектории от понимания смысла священных текстов от Вед и Бхагавадгиты к открытию содержания духовной жизни индуистов движется мысль Ауробиндо Гхоша. Хотя все религии для него были «ветвями единой универсальной религии», восходящей к духовности человека как таковой [Aurobindo, 1997, Т. XX, С. 33], индуизм он принимал в качестве общей духовной основы, объединяющей индийцев — санатана дхармы, подобной гигантскому дереву, чьи корни уходят в глубокое знание, а ветви пребывают в сфере действия [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 77]. Источником духовного знания, дхармы и культуры являются Веды, где заложен глубокий смысл, «скрытый за символическими словами, образами и речениями для жертвоприношений» [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 347]. В древности «праотцы ариев» открыли всему человечеству (!) знание пути истины и бессмертия, — «арийскую дхарму», то есть синтетическое лицезрение и стены на уровне предельной высоты и всеохватности. Уже в гимнах Ригведы явлена истина Бога, а конкретные боги Вед — это «различные

формы светозарного и всеильного божественного», его силы, энергии, ипостасей (*сам-чит-ананда*) и другие. В Упанишадах воплощено высшее знание ведийских риши, причём Ауробиндо Гхош убеждён, что в нём уже присутствует не только всё духовное наследие прошлого, но и всё, что появилось затем философии и культуре Азии и Европы, и то, что появится в будущем [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 328]. На образе бессмертного Универсального Существа основана «изначальная мантра» всей культуры Индии, которая представляется воплощением её в душе и жизни человека. Упадок духа, а затем и бедствия, постигшие Индию в истории, объясняются у Гхоша тем, что «мантра забывалась, искажалась и портилась, и поэтому и страна, и народ оказались ввергнуты в упадок и несчастья [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 334]. Поэтому в начале эпохи Калиюги перед битвой на Курукшетре в Бхагавадгите было дано знание, побуждающее к кармической борьбе против зла.

Внешние практики индуизма представляются Ауробиндо Гхошу намного менее значимыми, нежели его духовное содержание, восходящее к «арийскому идеалу». Индуистские ценности знания, преданности Богу и любви имеют для него глубоко современное значение; он соединяет их социально-политическими добродетелями — великодушием, скромностью, человеколюбием, созиданием, защитой слабых и наказанием тиранов. В индуизме он видит три формы дхармы — Бог во внутреннем духе, в ментальном мире и в мире физическом. Трём путям дхармы (*марга*) — знанию (*джняна*), преданности (*бхакти*) и действию (*карма*) соответствуют способы её проявления — истина,

любовь и энергия. Благодаря им разворачивается эволюция людей в вечной религии [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 77]. Современники Ауробиндо Гхоша — наследники арийского идеала — призваны решать задачи национального возрождения (заметим, что не религиозного!) опираясь на ценности дхармы, но также — перспективного раскрытия божества в каждом человеке, каждом народе и всем человечестве [Aurobindo, 1997, Т. IX, С. 78–79].

При открытии индуизма на рубеже веков в бенгальской общественной мысли раскрытие его смысла, содержания и достоинств сформировалась влиятельная школа понимания его как особого «единства в многообразии», в котором есть место всем вероисповедным практикам и самым высоким представлениям о Боге.

Бенгальское «открытие индуизма» представляется, судя по результатам, довольно серьёзным достижением общественной мысли. Сам процесс был интеллектуальным «собираанием» родной религии под общим именем вокруг глубокой веры — в личного и одновременно безличного Бога — и авторитета древних Вед и других священных книг. В этом «собираании» произошло накопление знаний о смысле родной религии и создание образа индуизма благодаря описанию его как всеобъемлющий древней, исторически развивающихся и гуманистической религии, служащей всем духовным запросам индийцев и обеспечивающей высокие моральные качества верующих, их благополучие в мире и в вечности. Этот образ задал положительное и одновременно критическое понимание индуизма, его достоинств и достижений — действительных, а не

вымышленных ортодоксами и традиционалистами. Кроме того, благодаря вниманию к исторической эволюции этой религии сформировались основы понимания индуизма как развивающегося и меняющегося существования вечной дхармы, но и как некоторой упорядоченной многоуровневой целостности. Полученная от неортодоксально мыслящих верующих интеллектуалов, религиозно-философская интерпретация создала одну из предпосылок научного изучения индуизма и одновременно положительное восприятие его иностранной аудиторией. Кроме того, бенгальские мыслители сформировали основу для общей религиозной идентичности разнoverующих в рамках санатана дхармы, — укоренённой в духе, в садхане, а не в институтах и ритуалах. В положительно воспринимаемом индуизме в перспективе есть обоснование для социальных и культурных изменений, которых требуют обстоятельства современности (возрождение общества как его развитие), а также для мотивации социальной и политической активности, что имеет неоднозначную тенденцию политизации индуизма — например, через концепт «индусской нации». К тому же появившийся образ индуизма потенциально работал на конструирование особого «воображаемого сообщества» (Бенедикт Андерсон) — «индуистской общности» на фоне реальной дифференциации её — локальной и региональной, практической и теоретической, элитной и народной. В целом бенгальское «открытие индуизма» можно расценить как важнейший компонент осмысления индийцами себя, к своей истории и культуры, а также самообретения в раскрытии себя для современности.

Список источников

1. Скороходова Т. Г. *Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени.* — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 320 с.
2. Dasgupta Subrata. *Awakening: the Story of the Bengal Renaissance.* Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
3. Dasgupta Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore.* Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
4. Скороходова Т. Г. Феномен “открытия Индии” в социальной мысли Бенгальского Ренессанса. *Вопросы философии.* 2015. № 9. С. 189–200.
5. Скороходова Т. Г. Образ Индии в социальной мысли Бенгальского Возрождения. *Вопросы философии.* 2021. № 4. С. 157–167.
6. Stietencron H. von. Religious Configurations in Pre-Muslim India and the Modern Concept of Hinduism. *Representing Hinduism: The Construction of Religious Traditions and National Identity.* Ed. by V. Dalmia and H. von Stietencron. New Delhi, 1995. P. 51–81.
7. Lorenzen D. *Who Invented Hinduism? Essays on Religion in History.* New Delhi: Yoga Press, 2006. 284 p.
8. Bayly C. A. *Indian Society and the Making of the British Empire.* Cambridge University Press, 1988. XI, 230 p.

9. Рашковский Е. Б. *Профессия — историко-граф: Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия*. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2001. 250 с.
10. Roy Raja Rammohun. *The English Works* / Ed. by J. C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo, 1982.
11. Halbfass W. *India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding*. Albany: SUNY Press, 1988. 604 p.
12. Zaidi Zahida. Currents of Thought in Tuhfat-ul-Muwahiddin. *Grantha. Indian Journal of Library Studies*. Vol. VI. № 1&2. Calcutta, 1999, January. P. 43—56.
13. Hatcher Brian A. *Hinduism Before Reform*. L., Cambridge: Harvard University Press, 2020. 321 p.
14. Tagore, Devendranath. *The Autobiography*. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co., 1909. 195 p.
15. *Keshub Chunder Sen in England*. Calcutta: Navavidhan Publications Committee, 1938. XVIII, 560 p.
16. Sen Keshub Chunder. *Essays: Theological and Ethical*. 2nd ed. Part II. Calcutta: Brahma Trust Society, 1892. 182 p.
17. Raychaudhuri Tapan. *Europe Reconsidered. Perceptions of the West in the Nineteenth Century Bengal*. Delhi etc. Oxford University Press, 1988. 369 p.
18. Sen Amiya P. *Hindu Revivalism in Bengal: 1872–1905. Some Essays and Interpretation*. Delhi: Oxford University Press, 1993. 456 p.
19. Chatterjee Bankim Chandra. *Sociological Essays; Utilitarianism and Positivism in Bengal*. Transl. & Ed. by S.N. Mukherjee, M. Maddern. Calcutta: Wild Peony, 1986. 206 p.
20. *Bankim's Hinduism. An Anthology of Writing by Bankimchandra Chattopadhyay*. Ed. by Amiya P. Sen. New Delhi: Permanent Black, 2011. 379 p.
21. Vivekananda Swami. *Complete Works*. 12th ed., 9 vols, Mayavati, Almora, Advaita Ashrama, 1998. Vol. III. 540 p.
22. Aurobindo Sri. *The Complete Works*. In 36 vols. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Publication, 1997.

References

1. Skorokhodova T. G. *The Bengal Renaissance. Essays on History of Sociocultural synthesis in Modern Indian Philosophical Thought*. St. Petersburg, St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2008. 320 p. (in Russian).
2. Dasgupta Subrata. *Awakening: the Story of the Bengal Renaissance*. Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
3. Dasgupta Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore*. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
4. Skorokhodova Tatiana G. 'Discovery of India' Phenomenon in the Bengal Renaissance's

- Social Thought. *Voprosy Filosofii*. 2015. Vol. 9. pp. 189–200.
5. Skorokhodova Tatiana G. (2021) “Image of India in Social Thought of the Bengal Renaissance”. *Voprosy Filosofii*. Vol. 4. 2021. pp. 157–167.
6. Stietencron H. von. Religious Configurations in Pre-Muslim India and the Modern Concept of Hinduism. *Representing Hinduism: The Construction of Religious Traditions and National Identity*. Ed. by V. Dalmia and H. von Stietencron. New Delhi, 1995. P. 51–81.
7. Lorenzen D. *Who Invented Hinduism? Essays on Religion in History*. New Delhi: Yoga Press, 2006. 284 p.
8. Bayly C. A. *Indian Society and the Making of the British Empire*. Cambridge University Press, 1988. XI, 230 p.
9. Rashkovsky Eugene B. *The Profession is a Historiographer. The Materials for the History of Russian Thought and Culture of Twentieth Century*, Novosibirsk: Sibirsky Khronograf, 2001. 250 p. (in Russian).
10. Roy Raja Rammohun. *The English Works* / Ed. by J.C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo, 1982.
11. Halbfass W. *India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding*. Albany: SUNY Press, 1988. 604 p.
12. Zaidi, Zahida. Currents of Thought in Tuhfat-ul-Muwahiddin. *Granthana. Indian Journal of Library Studies*. Vol. VI. № 1&2. Calcutta, 1999, January. P. 43—56.
13. Hatcher, Brian A. *Hinduism Before Reform*. L., Cambridge: Harvard University Press, 2020. 321 p.
14. Tagore, Devendranath. *The Autobiography*. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co., 1909. 195 p.
15. *Keshub Chunder Sen in England*. Calcutta: Navavidhan Publications Committee, 1938. XVIII, 560 p.
16. Sen, Keshub Chunder. *Essays: Theological and Ethical*. 2nd ed. Part II. Calcutta: Brahmo Trust Society, 1892. 182 p.
17. Raychaudhuri Tapan. *Europe Reconsidered. Perceptions of the West in the Nineteenth Century Bengal*. Delhi etc. Oxford University Press, 1988. 369 p.
18. Sen Amiya P. *Hindu Revivalism in Bengal: 1872–1905. Some Essays and Interpretation*. Delhi: Oxford University Press, 1993. 456 p.
19. Chatterjee Bankim Chandra. *Sociological Essays; Utilitarianism and Positivism in Bengal*. Transl. & Ed. by S.N. Mukherjee, M. Maddern. Calcutta: Wild Peony, 1986. 206 p.
20. *Bankim's Hinduism. An Anthology of Writing by Bankimchandra Chattopadhyay*. Ed. by Amiya P. Sen. New Delhi: Permanent Black, 2011. 379 p.
21. Vivekananda, Swami. *Complete Works*. 12th ed., 9 vols, Mayavati, Almora, Advaita Ashrama, 1998–2002.

22. Aurobindo Sri. *The Complete Works*. In 36 vols. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Publication, 1997–2017.

Сведения об авторе

Скороходова Татьяна Григорьевна

Пензенский государственный универси-
тет

skorokhod71@mail.ru

Information about the author

Tatiana G. Skorokhodova

Penza State University, Penza, Russia

skorokhod71@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;

Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;

Approved after reviewing: 10.02.2024;

Accepted for publication: 25.02.2024

俄苏文学影响下韩少功的知青自审书写研究

——以小说《日夜书》《暗示》为例

Влияние советской культуры на литературный
самоанализ Хань Шаогуна

Лю Ичжи,

Чжан Юн

Хунаньский технологический университет

2507434166@qq.com

刘一枝, 张勇

湖南理工学院中文学院,

湖南岳阳 中国

2507434166@qq.com

УДК 39 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2024-155-165](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-155-165)

АННОТАЦИЯ

Два романа Хань Шаогуна в новом веке, "Ночная и дневная книга" и "Подсказка", исследуют себя, образованную молодежь и "Время", написав о судьбе поколения образованной молодежи. А романы образованной молодежи в начале 80-х годов, отличаются тем, что принимают диалектический взгляд на историю и общество, писатель также относится к тем, кто находится под влиянием русской литературы, в отличие от предыдущего одного политического взгляда "образованная молодежь в деревню", он имеет сложный подтекст, через косвенный путь самодисциплины, открытый взгляд на результаты. В обществе Хань Шаогун хочет, чтобы его увидели и поняли. В личном плане он пересматривает свою молодость и завершает самоанализ.

ABSTRACT

韩少功新世纪的两部小说《日夜书》和《暗示》通过对知青一代人命运的书写,对自我、知青和时代进行审视。与80年代早期知青小说不同的是,采用辩证的目光重审历史和社会,这其中也有作家受到俄苏文学的影响,不同于以往对“知青下乡”的单一政治视角,其具有复杂的审视内涵,通过间接的自审方式,得出了一个开放的审视结果。于社会韩少功想让他们这知青一代被看见、被理解,于他个人则是在回顾青春和完成自我的审视。

关键词: 俄苏文学; 韩少功; 小说; 知青; 自我审视

For citation: 刘一枝, 张勇. 俄苏文学影响下韩少功的知青自审书写研究——以小说《日夜书》《暗示》为. *Modern Oriental Studies*. 2024;

Ключевые слова: Хань Шаогун; роман; образованная молодежь; самоанализ; русско-советская литература.

Для цитирования: Лю Ичжи, Чжан Юн. Влияние советской культуры на литературный самоанализ Хань Шаогун. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; 6 (1). С. 155-165 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-155-165>

复杂的审视内涵

俄苏文学，即是俄罗斯文学和苏联文学的合称。从时间段上来界定的话，1917-1991年，苏联文学是泛指在苏维埃俄国以及后来苏联境内公开发表的文学作品，直至苏联解体，期间共有七十多年的历史。而俄罗斯文学是限指苏联成立以前的俄罗斯文学，主要指19世纪俄罗斯古典文学。从艺术风格上总结，即“19世纪俄罗斯古典作家具有很强的使命感，他们的批判现实主义精神、执着而痛苦的追求激情、博大的人道主义胸怀，与五四‘为人生’派的作家立即产生了共鸣。俄罗斯古典作家虽然不少人出身贵族，如列夫·托尔斯泰、屠格涅夫、陀斯妥耶夫斯基等，但是他们的文学作品始终保持着一种平民意识，避免贵族化倾向，显示出浓郁而鲜明的俄罗斯民族性和人民性”¹，自五四以来，持续到20世纪80年代中期，俄苏文学对中国作家的影响是较为显著的，也曾伴随过一些当代作家的青年成长时期，韩少功便是其中之一，其中俄苏文学以上的精神特质也或多或少地渗透在他的创作当中。

比如，自省反思意识，托尔斯泰的《安娜·卡列尼娜》也是借安娜的挣扎和人生轨迹在窥见当

Volume 6 (№1). P. 155-165 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-155-165>

时俄国19世纪70年代的社会现实，将19世纪批判现实主义推向了最高峰，他不仅是在审视“安娜”这个人，还连同在审视她背后的那个俄国社会。而韩少功小说中也常带有审视意味，新世纪以来创作的《日夜书》和《暗示》便是其写知青题材的两部代表作，为什么说是“审视”呢？站在今天看过去，过去无论是人性还是社会都出了些差错，过去了不能就这样过去了，本着心中的良知，韩少功决定在中晚年再提起笔来写写自己和那一代人身上的知青烙印。

知青自审的缘起，是因为大家对知青的了解片面化、概念化、模式化，附加了更多其他的因素在知青形象身上，而知青自审更多则是回到真实的自我，对自己人生经历，价值观念、理想信念、命运沉浮的审视，重新认识自我，找到自我，同时从对时代变迁的审视中给后人留下些历史教训。

他主要审视的对象便是人性，在特定社会环境中的人性，经过知青岁月影响后的人性，写到了人性中固有的弱点和力量及其具体表现。比如总是活得提心吊胆的女孩马楠，她像一只敏感的小兔子，胆怯，对危险的警觉高，可关键时刻却

¹陈南先：《俄苏文学与“十七年中国文学”》，苏州大学学位论文，2004年。

做出了比谁都英勇的救人举动，泼了一瓢开水把砍人的疯汉子镇住了，奇怪的是本该自豪的她却拒绝承认是自己干的，别人夸她她还下意识地生气来掩饰惶恐，好像怕惹什么祸上身一样，谨慎到了极点。人的这一不正常思维背后折射出了社会生存环境有存在一些不正常的“逻辑”，避免犯错也是人的本能，对未来和未知的恐惧是人性中固有的，这也分人是生活在一个怎样的环境中。马楠并不是一个天生很胆小的人，如果她能生活在当今21世纪新时代，能有一个圆满幸福的原生家庭，她也有可能人性中敏感、胆怯的这一面会被缩小和隐藏。此外还有一例“以动物喻人”，绰号“酒鬼”的猴子在紧急情况下求饶居然是“扑通”一声双脚下跪，这一行为让人深深震惊，因为连自然界中不懂人类社会规矩的猴子都下意识在模仿，可见它见过多少次多少人开批斗会，侧面可推出些许信息量。表面上只是在写人的状态的一个剪影，其实也是通过审视人性在审视社会，因为人性是在社会这个大环境下熏陶形成的，在韩少功的知青书写中，人性是“近景”而社会是“远景”，两者同是被审视的对象。

综上，韩少功小说是在对一代知青命运沉浮的客观描绘中把握知青人生信念和价值立场，在阐释对时代变革的理解和态度中重新寻找自我和人生意义，“俄苏文学的巨大魅力与俄苏作家自觉地成为‘社会良心’的角色深刻相关，他们认为作家的使命就是书写时代和社会最迫切的问题。因此，他们始终关注社会现实，对社会现象进行深刻分析和反思，对社会问题作出回答，在黑暗社会现实中坚守独立的思想品格、在文学创作中宣传自己思想和理想。他们坚定深刻的反思意识、独立坚韧的人格尊严、热烈崇高的理想精神始终践行在他们的人生和写作中，使得他们的作品深沉厚重，有着宽广的人道主义精神和强烈的社会

责任感。俄苏作家这种自省意识、社会使命感也深刻影响着韩少功，并在他的创作呈现出来”²，所谓一种作家的社会责任感，那些知青返城后又各自走上怎样不同的人生道路？是否能继续适应千变万化了的外部环境？他们的内心世界又会被引发起怎样的波动？等等一系列人和社会、人与自身相处的问题，韩少功他思考生命，由表及里，由浅入深，“暗示”着那些“日日夜夜”。

除了有受俄苏文学反思精神的影响，基于中国本土的知青经验，韩少功也形成了自身的特色，他的知青书写审视的是过去的人生道路和现在的生存状态。类似陶渊明“归去来兮”的心态，叹道“悟已往之不谏，知来者之可追。实迷途其未远，觉今是而昨非”，他认识到过去的人生道路已经不可修改，成为历史，而未来的事还来得及补救。回首一看大家的知青岁月，确实当时都处于迷途之中，马涛、小安子、大甲...无一例外，他们从过去到现在，既有荒唐的过错，也不乏青春的美好，不同于陶渊明“觉今是而昨非”的一概否决，韩少功对知青的审视内涵书写更富有辩证目光，写出了它的复杂性，立足现在的生存状态来观看各路“后知青”的来龙与去脉，不是站在上帝视角高高在上地俯视他们，而是采取平视姿态，怀着悲悯之心和些许不忍，写他们的笑与泪，好的与不好的，曾经的绚烂和如今的落败，笔触柔软而细腻。

二、间接的自审方式

同是以文学之笔在回忆和审视过去的生活，韩少功不同于巴金在《随想录》中以“我”的身份直接写“我”的故事，表达忏悔和反思，而是主要在写“我”所看到的“别人”的故事，夹以议论抒情，其新世纪小说《日夜书》和《暗示》便是“我”想透

² 邹冬奇：《韩少功小说创作对俄苏文学的接受》，湖南理工学院硕士学位论文，2021年。

过“别人”来进一步看清“自己”，看清这“一代人”的尝试。

看着曾经一起生活过的知青们在返城后各走上了不同生活轨迹，仿佛也像是自己另外可能的“不同活法”，如同“照镜子”，在镜子里看见形形色色人的悲欢离合，那里面又何尝不是照见了包括自己在内的这一代人的种种可能呢？再如90年代的《马桥词典》也是从方言切入，作者以词条形式来描绘马桥世界，而不是以自己的口吻来直接写马桥故事。众所周知，小说不同于散文，它可以不用那么直白坦诚，采用艺术上的“陌生化”来使读者和文本及作者间“隔”一层会更显魅力，所以由此看来，韩少功自我审视的方式表达地更为间接、含蓄和值得推敲。

（一）第三人称叙述视角

韩少功小说中大多看起来像是第一人称叙述，实则是第三人称叙述，另外造出了一个“叙事者”，但却不一定是“我”在讲“我”的故事，而是主要写“我”在看“别人”的故事。在《日夜书》中是由叙述者“我”即陶小布在书写“后知青”中的官员、工人、民营企业家、流亡者等各类人的经历命运。从时间上看，“我”站在“今天”看遥远的“昨天”，离知青年代已隔了些久远年份，心态趋于冷静理性，由当年的稚嫩迷茫到现今事业爱情皆有所成，仍能对他们产生“共情”，这种感情复杂，非褒贬二字可划分。从空间上看，知青生活是所有人物的共有经历，由乡村返回城市，“我”是同代亲历人也是见证者，连接着这批人的“过去”和“后来”，这一视点的设立，便于同时从历史深度和社会广度来观察人情世态。

写出同代知青的故事一是不希望这些一个个曾经鲜活的生命被历史遗忘，二是希望在写下回忆的同时能通过看“他人”来向内审视自己的内心，向外重新思考人生和生命的意义。不单是因他们

的事迹值得被记录，更多的触动是通过写“他人”，“我”时常能看见“我自己”，看见“这一代人”的某些共性。《日夜书》中的马涛跟“我”说“唤醒这个国家是我活下去的唯一意义。你们不知道，我病得一头栽在地上时也没灰过心，哪怕吃饭时嚼沙子吞蛆虫也没灰过心... ..我被他们的耳光抽得嘴里流血，被他们的皮鞋踩得骨头作响，但我一直在咬紧牙关提醒自己，要忍住，要忍住，要忍住。我就是盼望这一天，就是相信有这一天... ..”后捧头而哭，而“我也眼眶潮湿”，说明“我”心中也潜藏了一个知识分子普遍的救国梦、英雄梦，只是外在行为上不想也不敢像马涛一样疯狂。陶小布当年自愿“上山下乡”也是有想着身为青年人能建设国家，在基层干出番事业的，听着“他”说出了“我”心中也期盼的图景，和也曾怀揣在心头的热血和理想，而这一切却被现实击碎，在如今显得荒唐又可笑，怎能不为之动容呢？虽平常有点看不惯马涛这类“堂吉诃德”式的“英雄人物”，但在说出以上话的那一刻，“我”理解了他。

贺亦民也是个传奇人物，在被捕走前只有“我”明白他短信中“人肉炸弹”的意思，久久为他沉默，写道：一键之下，事情结束了，他终于成为中国的林纳斯，一颗共产主义的技术炸弹--他其实不太愿意充当的角色。在那个石油城，他差不多曾是一个特别顾家和恋母的孩子，采来一朵鲜花，一心献给母亲，但敲了好一阵家门却迟迟未听到开门声，只能重新走上流浪的道路，听任花瓣在风中飘散四方。

“我”用一种浪漫的写法比喻贺亦民的困境，这浪漫背后便是他个人无尽的悲凉，不幸的童年——贺父从小对他的PUA式教育，因个子矮，加学历低在成长中备受屈辱等，这一切都埋在他的心中生根，但他长大后并没报复社会，反而发明出了科学精英都头疼的学术成果，虽也有“混混”气，但并不妨碍他是“一个有缺点的好人”。捧

着一颗纯粹的心来，却被世俗所不容，本该是“天之骄子”却意外成了祖国母亲的“流浪弃儿”。他吃了许多苦，努力想做“好人”被父亲和大众认可，最后却因一次正当防卫失手杀了人而落了个“坏人”的名头不得善终，前有成果被一票否决，“我”痛惜他的结局，同时也从中看到了那代年轻人怀才不遇，被命运捉弄又难以逃脱的人生“缩影”。

“我”既是小说中的旁观者，也是参与者、议论者和抒情者。在叙述他人故事之余，或隐或现，“我”时常“跳出来”发表理性兼有感性的言论，上升到人性、社会、生命等高度层面来重新看待过去的人与事。陶小布可视为“隐含作者”，小说节与节之间采用跳跃、闪回的组合方式，梳理记忆时“我”多用到了倒叙、插叙，全篇片段化，人物出场也如《水浒传》的联缀式，一个引出一人，同一人又能贯穿在其他人的主要章节中，无中心主人公，于小说中的地位“人人平等”。在故事之间，“我”插入了自己的声音，同时也很大程度是真正作者韩少功的声音，比如“泄点和醉点”节从“性”上来窥见人的精神病态，其中有关人类心理学、社会学的考量便是韩少功自身的知识储备。

此外，“我”将人生比喻成电影，常站在上帝视角看自己和他人，从前希望能预知未来，后来觉得人生就像已拍好的电影，只能走一步知道一步地“认命”，这部电影就是由这一代人的日日夜夜组成，“日夜书”是过去进行时、现在进行时和将来进行时。“逝者如斯夫，不舍昼夜”，“我”从中稍作停顿来思考“我是谁”“我从哪儿来”“我要到哪儿去”这类哲学问题，升华了思想主题。正是因为“我”除了单一叙述者外又加入写了“自己”的想法，使得《日夜书》在故事内外还利于读者进行理性思辨和情感代入。

（二）“我”的人物形象

不可忽视的是，“我”不仅在小说中承担叙事功能，也是作者塑造的一个人物形象，只是相对

于其他人物较为隐形。《日夜书》中的“我”即陶小布，他朴实真诚，敏感多疑、胆小又软弱，不太敢爱敢恨，易与他人产生共情，学识广而谨言慎行，为人很是“中庸”，有时像个“烂好人”和“和事佬”，亲历过知青在物质和精神间的难以平衡，正视自己的生存境遇与价值，发现自己不过也是个会向现实妥协的普通人，并未因是叙述者而“美化”自己，反之大方承认自己的缺点。“我”参与在很多人的故事中，主要起见证并描述的作用，陶小布的性格中有中国传统知识分子的影子，他是知青中的一员代表，其性格描写部分不如其他人立体，也是为衬托他人形象而存在的。

陶小布是作者虚造的一个说话者，总以“我”的口吻出现，有些经历如“六年”的知青生涯还与真正的作者韩少功暗合了，两人性格也有相似之处，但不可将“陶小布”完全等同于韩少功，充其量可以肯定的是他身上有作者“自我形象”的投射。在真实讲述者即作者和读者中间，设定一个“我”这样的人物，作用一是让“我”参与故事而成为线索，好贯穿全部的人物和事件，二是“我”作为虚构人物有小布的立场，与真作者“隔”了一层，其言行不易被误会成韩少功本人亲历的，避开些无聊的考据癖，三是作者方便借“我”之口抒己所见，书中广博的知识和犀利论断可以说都是韩少功自己的思考，四是出于一定的顾虑，让书中人物说话，能涉及的内容可更自由，“他”想赞同就赞同，想批判就批判，说些粗俗的话也无妨，反正又不等同于作者的立场，还能显得更活泼生动。

三、辩证的审视目光

（一）兼容受难者与受益者心态

陶小布在书写知青一代人时，他是“过来人”自居，一个“亲历者”却退居成了“旁观者”，本可以做主角却要当“配角”，与其他人物形“平视”关系，透过他们来看见“自己”已显现或隐藏的“一部

分”，在鲜活同类个体身上看见一个时代的“倒影”。

知青生活不只是“我们”人生中的一个小阶段，过去了就算过去了，它恰好撞上这群人的青春期，而十五六岁正是一个人三观的形成关键期，即便知青返城后跨入了中老年，这期间的影响将伴随他一生甚至影响到后一代。韩少功身上也体现了这点，即便他后来迁居海南或是隐居于湖南，期间的生活较少进入其作品，而“知青情结”却是他一直以来难以割舍的，几乎渗透在他所有作品中。同写知青题材，韩少功新世纪以来的小说是不同于二十世纪八十年代的“伤痕”与“反思”文学的，他谈到“伤痕文学”过于标签化，形成了一种“非黑即白”的两极思维模式，不利于作家表达生活的复杂性和丰富性，他更在意于“打破模式，更换视角，解放自己的生命感受”。

早期主流的知青小说总流露出作者单一否定的审视目光，知青形象多是无辜的、趋近完美的，充满着精英意识，即使堕落了也全是社会的“黑锅”，常以完全的“受害人”自居，事后回忆起就表达着自哀自怜又愤慨的情绪，而在《日夜书》中作者韩少功与叙述者“我”都不走极端路，同时兼容了两种身份介入到审视过程中。

1. 受难者

一方面是以受难者自居，知青们被命运抛掷到另一条人生道路上，“我”讲的后知青故事大多是悲剧，或是留有种种遗憾。年少背井离乡，从城里的读书娃突然转到当年一穷二白的农村劳作生活，“我”在客观上承认了大家在肉体和精神上都吃了许多苦，但未放大苦难描写，只是借人的状态侧面描写。如说饿得眼珠子发绿时能一口咬个猪肘子时陶小布说“操！吃了那一口，挨枪毙也值呵。”现在看来夸张，这种“饥饿感”在当时却是真实描写，还有“我”为换五十张饭票豁出去吃死人尸骨

的情节，人至绝境，为了“吃”知识分子可以放下身段和不择手段，这让人想起《绿化树》中的章永璘。眼前温饱没法解决，“上层建筑”便像是句笑话，知青不仅面临着肉体上的痛苦，还有精神上的煎熬。“我”有时稍微清醒就在想“更高的东西”，不愿意屈服于现在这种卑琐的生活，时常感到被世界抛弃了的寂寞，第20节还仿《狂人日记》体写了“我”的幻觉和生存恐惧，可见平时情绪是多么压抑，只有在梦境中才得以释放。

除了共有的苦难，每个人还有各自不同的难处。马涛自诩为“英雄”想轰轰烈烈干番大事而受万众瞩目，但客观看他脱离现实，成不了什么气候，但这样一个小人物也在政治风波中，在自己的假想中活地提心吊胆，然后真被告密坐牢，白耗费了几年青春又后查出癌症，母亲和女儿去世时他都不知情更不用提在场了，一辈子活在幻想的“英雄梦”中，可笑又可怜。马楠为救这个糊涂哥哥在少女时委身于一个老主任，后在与“我”的婚姻中也留有心理阴影，且终身不孕，脾气变得古怪而爱折磨人，类似人物的精神病态描写有很多，与置身之外的“揭短”不同，“我”理解他们的苦衷，不只是停留在表面看他们，前后文都有交代“因果”，同是天涯沦落人，“我”看向他们的同时也在反思自己，做了个“种瓜”的比喻：当年在乡下时...也许，这只瓜在授粉和打苞时遭遇了事故，出现细胞或基因方面的错误，才积下了满肚子悲愤。你也不妨这样想象：月光遍地之时，别的瓜都睡了，只有它不睡。早上鸡叫时，当别的瓜兴致勃勃接受阳光和雨露，只有它在暗暗地收集蚁毒、蚊毒、蝎毒、蜂毒、蛇毒、蜘蛛毒... ..把自己熬制成一颗定时炸弹，然后在主人的餐桌上轰然爆炸。它就不想希望自己也能甘甜一生吗？当然不是，肯定不是，绝对不是。但它的悲情无人可知... ..

以瓜喻人，“我”以宽容的目光看向这些知青，把他们被忽视的一面从幕后重新拉出来——

马涛并非天生就是个走火入魔的政治狂人，他只是个努力想证明自我价值的小伙，想守护心中那一寸纯粹的救世理想；马楠并非天生就是个神经兮兮的家庭妇女，她只是一个曾经家庭责任感过重和渴望爱的善良少女；小安子并非天生就是个放荡不羁爱自由的流浪者，她只是受到了原生家庭的刺激，在留给“我”的日记中仍是一个纯真浪漫的女子... ..没有绝对的坏人也没有完美的好人，那么是谁造成了他们的悲剧？老了的知青们有一套“统一”回答：“如果说他们现在下岗失业了，提拔无望了，婚姻解体了，儿女弃读了，原因不是别的什么，肯定就是白马湖罪大恶极，窃走了他们的青春年华”，即将责任全推给了“上山下乡”政策，而“我”并不认为这是唯一原因，政治环境只是小说中一块遥远的幕布，此外还有人性本身的问题，还有其他时代同样存在的规律，和一些不可言明的因素我们姑且称之为“命运”等等。

陶小布在下乡中吃了不少苦头，但时隔多年他再回过头来审视这段岁月并未把所有不幸都指向政治层面，一个曾经的“受难者”对苦难的叙述反而是轻松的，以轻松的语调讲沉重的话题，带点黑色幽默，庄词谐用，初读令人发笑，再多读几遍便觉出了“笑中带泪”。

“我”因看似神志不清被判定没用了，分到了没人愿做的工作，被变相孤立，于是美名说在领导的“照顾”下去“守秋”，句末交代句“算是比较轻松的差事，一般只交给老年人干的”便引人发笑，其实在乡下“我”的精神痛苦是不被理解的，反而被当做“疯子”调离人群，有自嘲大材小用的意味在里面。一个人守在空空的山谷里几近要被寂寞逼疯只得自找“乐子”，说着“我重要的工作之一就是四处投放屎尿”，还边胡唱着歌，明明惨遭风雨，“我”却喊着“嘿！老子今天干脆什么也不做了，就同你死拼一把，睡它一个淋浴觉就不行

吗？”，乍一看他好像乐在其中，其实是“苦中作乐”罢了，谁会真的因被丢到露宿野外又夜遭暴雨而享受“淋浴觉”呢？侧面看出知青当年条件很苦，甚至有生命危险，可“我”和真正的作者都未对苦难作过多的正面描写，一方面是阅历随年岁增长，看开了，只是当下感受很真实，熬过了当时现在来看也不是什么过不去的坎，苦难记忆淡化，一方面是作者乐观的心态，他不愿再重复“伤痕文学”的声音，由对苦难的展示，上升到了普遍人性与社会的思考，不单单是抱怨，而是对包括“我”在内的知青受难者怀有一颗悲悯之心。

韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第10页。

韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第222-223页。

韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第180页。

2. 受益者

另一方面是以“受益者”自居，“我”陶小布算是返城知青中混得较好的，既上了大学，后又当了官员，事业爱情双丰收，物质和精神也实现了双重富有，这也是他更能辩证看待知青生活的重要原因。在《暗示》的“极端年代”节中“我”从改造教育的层面肯定了毛主席所提倡的知青上山下乡运动，认为它使“人文理性重新扎稳了根基，打掉了知识界的软骨症和幻视症”³，也为自己有亲历的生活经验感到庆幸，赞赏其背后的“知行合一”理念。

不仅在书中，在现实中的作者韩少功也可见其从知青生活中受益颇多。一是积累了生活素材，促生了《马桥词典》等作品，知青锻炼和地域文化滋养了他的文字，二是结识了一批乡亲并与他们产生了深厚的感情，这种朴实亲近的人情

³ 邹冬奇：《韩少功小说创作对俄苏文学的接受》，湖南理工学院硕士学位论文，2021年。

关系是在城里难得结下的，三是扎根农村，知识分子更能贴近和理解乡土中国，利于重视传统，继往开来，如在八十年代掀起了“寻根文学”之风，四是寻得了身体与心灵的栖息地，其退休后再次选择回汨罗即年轻时插队的地方养老，他自言不喜欢城市的喧嚣，性情几乎已全融入到这片乡土中，可见作家对过去的知青生活是持有留恋、认同态度的。

（二）融合批判与肯定立场

韩少功对笔下这些知青的审视目光是辩证的，既有批判、反思，也有肯定、同情。在俄苏作家中，大部分人认为文学当反思其所处时代社会和本质，“谁之罪”是俄苏文学的一个突出主题。对底层农奴的遭际书写、对社会世态的批判、对知识分子群像的塑造... ..这些在果戈里、托尔斯泰、屠格涅夫等19世纪俄苏作家的笔下均有呈现，不难发现，他们常通过对人物灵魂的自我拷问来反思知识分子群体和自身。这点与韩少功在《日夜书》的表达也相契合，叙述者陶小布多次穿梭在他人的故事中又一遍遍反观自身，对自己和其他故事的主人公进行灵魂拷问，“而在苏俄作家们有着深刻的历史反思精神，索尔仁尼琴的《古拉格群岛》、帕斯捷尔纳克的《日瓦戈医生》等小说以清醒的态度书写历史和现实生活。俄苏作家对社会强烈的使命感使他们注重对历史和现实的反思，注重对社会和个人的反思”这点也同样有体现在中国作家身上，韩少功在青年时期就深受到俄苏文学的熏陶和影响，基于知青经验上的反思精神是他的一大创作特色，其并不单一从政治层面进行批判，而是更高地站在了“人性”、“社会”层面。

从经历和命运上来说，《日夜书》中的知青们是悲剧居多，“我”批判的是人性中的弱点、社会上不合理的运作方式和不公平的命运，肯定的是“我们”这一代人顽强而又真实的生命力。如大甲

本有着美术天分，因下乡中断了他的艺术深造，劳作并没有让他道德或艺术上有所长进，反而他在这自视高人一等而不安分，因知识分子的虚荣心老爱吹牛，占小便宜，后把些乡下常听到的下流话转变为画作，稍作包装“出口”却成为国际上炙手可热的画家，这一经历就是个“反讽”，所谓接受“再教育”，大甲他并未领悟到中国文化中的精髓，反用些糟粕去糊弄外国人且以此为豪，假如他不用下乡而走上原定的那条路，会不会成为个真正有水平的画家呢？也不一定。此案例只能说明并不是每一个知青都能在下乡中得到真正的锻炼，很多政策初心好却达不到预期效果，存在着些不合理之处，大多数情况是他们中止了学业而在乡里白白耗费了几年青春，思想趋于平庸。但作者并未将人物简单化，在来到白马湖这个新天地后，大甲身上也生出了一股子激情和生命活力，他是大家劳累日子中的“开心果”，在条件艰苦时仍未放弃绘画，他给孩子画老虎，给村妇画刺绣来换得些好处，展一技之长而倍受人尊敬，多年以后，陶小布推想他无论是发达还是落魄“他都可能挂一支破吉他，到处弹奏自己的伟大畅想”，这样一看大甲又有些可爱。

此外，白马湖知青们对下过乡有又悔恨又自豪的暧昧心理，但他们嘴面上咬定只有悔恨，并把所有不幸都推脱给下乡，习惯性自我麻痹，把所有的美好都寄托在当年没走成的另一条路上。面对这种后知青心态，“我从农民的立场批驳道“凭什么说三五年的农村户口就坑了你们一辈子？”，大意是知青再苦也比不上农村人一辈子呆在山里苦，可山里照样出人才，反观城市才是养懒了人，不必把黑锅全扣在下乡头上，在批判中又没有完全否定知青经历在“我们”人生中的作用。

从价值观上来说，下乡后，知青原有的价值体系在面临现实和与各种人打交道中受到不断的冲击，并发生改变，“我”此刻的价值判断也与当年

做知青时的“我”不同，审视目光是变动的。作者肯定了各种价值观都有其存在的合理性，并不能按官方或统一标准去衡量好坏，价值观它可以是多元的、复杂的。《日夜书》中“我”在各种人的“反问”下，开始了对原有价值观的自我怀疑，他们的声音既是外在的，也是“我”内心想问又不敢逼问自己的，比如“我”想劝贺疤子学好，他反问“这个世界谁稀罕我学好？再说，什么是好？你能讲得清楚？”，然后讲起厕所理论，的确，这是他在残酷的社会丛林中形成的生活哲学，对于贺疤子个人来说是管用的，相比之下“我”口中的“学好”“高尚”显得苍白无力，这是对道德标准的重新审视。再比如老场长吴天保反问小布“解放全人类，不就是要让大家都好过？没有煮的，没有杵的，能好到哪里去？”，小布觉着生活中还有更高的东西，吴天保再次反问“更高的？哪里？”，而“我说不出来”，在物资匮乏的年代，当下感官欲望的满足的确比遥远的精神追求要更紧要、更实在，吴天保话糙理不糙，说得当时的“我”无言以对。现在的“我”来看还是无法完全认同一些观念，但在不同价值观碰撞间能有所判断和取舍，不会仅站在个人立场上非褒即贬。

从理想信念上来说，“我”批判的是些本就幼稚的梦想和人们不理智的追求方式，肯定的是其中单纯真诚的初心。《日夜书》中的马涛，一个堂吉诃德式的人物，抛母弃女，他自视为“救世超人”的一系列言行显得幼稚可笑，全身心疯疯癫癫地投入到幻想中的“革命”，最后家破人亡，可“我”并没有完全嘲笑他的理想信念，在马涛对“我”说出唤醒国家是他活着的唯一意义，“我”也热泪盈眶，产生了共鸣。小安子不愿做个安分的女人，背离家庭后私生活混乱，一生都在漂泊，她所想过“浪漫生活”总是把别人折磨得够呛，雨中漫步等情节也让人暗自发笑，可她日记中提到最想做的事居然很简单——“就是抱一支吉他，穿一条黑色长裙，在全世界到处流浪，去寻找高

高大山那边我的爱人”，有谁能否定这样浪漫单纯的梦想？“我们”这一代知青将理想设定得太过于美好而忽视了现实的残酷，结果在追梦中执迷不悟，呈现出某种病态的坚持，就像小女孩笑月曾满心欢喜种下自己画的太阳，却迟迟没等来太阳树的开花结果，直到她香消玉殒后也没看到，这也是一个隐喻，是知青们梦想破灭的缩影，他们的理想本就脱离实际，是不会有结果的。

《暗示》中也有揭示知青对国家所提倡理想信念的曲解，及一系列啼笑皆非的心理和行为。在上世纪六十年代女孩们还没有“打扮”的概念，抢着脏活累活来“争相使自己的皮肤晒黑，争相使自己的肩膀变宽……一个个形如铁塔”，这并非真正在追求劳动的快乐，而是“攀比”，比谁身上因劳动留下的痕迹最明显而感到光荣，现在看来这现象就像是在以自我摧残为乐。同样扭曲的心态还体现在“为了表现出向贫下中农学习的政治姿态”知青纷纷学“抽烟”，“我”居然想故意弄旧新衣而不在农民面前自卑……国家发动知青下乡的初衷是边缓解就业压力，边让年轻人学会农民身上吃苦耐劳等优良品质，部分知青没领悟到下乡学习的本质，舍本逐末，把发扬青春的理想信念理解为“做做样子”，作者对这一现象也是持批判态度的。

结语

韩少功曾被学者杨厚均在访谈中问及苏俄文学对其的影响较深处，他回答道“俄国有东正教的强大传统，有更强的欧洲文化基因，这与中国有较大差异。但苏俄的国情和发展道路与我们又有某种近似性，有天然的亲缘关系。这大概是我们最容易相互理解的一个重要原因。苏俄最早出现‘人民性’的概念。陀思妥耶夫斯基在纪念普希金时，提到过‘人民性’有三层含义即表现‘小人物’，汲取民众和民族的语言，代表民众的利益和愿望。他的《穷人》就是很有底层性和人民性的，有普希金的精神血脉”，继而简介了下大背景，提及在

当时西方发达国家文学走“自我路线”的“相比之下，苏俄文学显然是另走一路，其主流风格是忧民、忧国、现实批判、社会关怀，我们不妨称之为‘人民路线’。这一直影响到20世纪的中国、日本以及亚非的很多国家。那时候叫‘红色的三十年代’，又叫‘普罗文艺’。一个进步作家不说‘普罗’这个俄语词，好像都没法出来混的”⁴，韩少功自青少年时期就深受俄苏文学的熏陶，在后续的新世纪创作中仍可见到这种“人民性”观念的持久影响，其新世纪小说《日夜书》和《暗示》便可作为典例来分析。

《日夜书》和《暗示》中“我”不断地在重新审视他人，也不断在重新审视自己，但未得明确结论，更多只是展现出来“我们”知青的故事，让读者自作评价。韩少功是属于“想清楚了写散文，想不清楚的写小说”的作家，所以知青自我审视的结果也是没法一句言明的。其两部小说的结尾节都具有朦胧多义性，带有隐喻和象征，作者

的总结或许暗含其中，如《日夜书》末句“多么美好”，到底是历经劫难后重见阳光而发自内心的感叹，还是正话反说带有愤愤不平？抑或是两者混杂？... ..没有唯一答案。

从叙述人“我”的讲述来看，对知青主要是持理性批判态度的，由于韩少功也曾是知青，在审视反思中代入的情感并不是冷冰冰的，而是一副热心肠，于《暗示》自序中他说：拿起笔来不过是别无选择，应运而为，不过是心存某种积郁和隐痛，难舍某种长念和深愿，便口无遮拦地不平则鸣。我把自己的观察、经验、想像、感觉与思考录之以笔，以求叩问和接通他人的灵魂。受俄苏作家那种擅于灵魂拷问之精神的影响，韩少功既有上升到命运哲学去客观思考人生，也有自我宽慰想求得思想解脱的主观成分，其审视的结果具有开放性，等待着不同读者的“加入”与“输出”。

注释：

- 1) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第178页。
- 2) 孔见等：《对一个人的阅读—韩少功与他的时代》，江苏文艺出版社2013年版，第266页。
- 3) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第10页。
- 4) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第222-223页。
- 5) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第180页。
- 6) 韩少功：《暗示（修订版）》，人民文学出版社2008年版，第355页。
- 7) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第8页。
- 8) 韩少功：《日夜书》，上海文艺出版社2013年版，第183页。
- 9) 韩少功：《暗示（修订版）》，人民文学出版社2008年版，第27页。
- 10) 韩少功：《暗示（修订版）》，人民文学出版社2008年版，第1页。

⁴杨厚均：《俄苏文学与“人民学”——韩少功访谈录》，《文艺论坛》2020年第1期。

参考文献

- 1) 韩少功. 日夜书[M]. 上海文艺出版社, 2013.03.
- 2) 韩少功. 暗示[M]. 人民文学出版社, 2008.05.
- 3) 孔见 等. 对一个人的阅读—韩少功与他的时代[M]. 江苏文艺出版社, 2013.03.
- 4) 张诗颖. 论韩少功知青叙事的开放性[D]. 湖南理工学院, 2020.
- 5) 谢珉. 归去来兮[D]. 江西师范大学, 2020.
- 6) 林森. “知青”原点与时间之书——论韩少功长篇小说《日夜书》[J]. 中国现代文学研究丛刊, 2020(05):59-69.
- 7) 田春娟. 论韩少功小说的知青书写[D]. 西北师范大学, 2020.
- 8) 梁小娟. “归去来”: 回望与凝眸——论韩少功的知青经验及其创作流变[J]. 江汉论坛, 2019(12):65-69.
- 9) 项静. 中间状态: 知青精神空间的流变与文化姿态——以韩少功的《归去来》与《日夜书》为例[J]. 中国现代文学研究丛刊, 2018(08):111-130+246.
- 10) 王诗梦. 论韩少功小说中的残缺人物[D]. 江西师范大学, 2016.
- 11) 李遇春. “进步”与“进步的回退”——韩少功小说创作流变论[J]. 文学评论, 2014(05):45-57.
- 12) 陈燕. 论韩少功小说创作中的身份意识[D]. 湖南师范大学, 2014.
- 13) 刘复生. 掘开知青经验的冻土——评韩少功的长篇小说新作《日夜书》[J]. 文艺争鸣, 2013(08):110-113.
- 14) 陈南先. 俄苏文学与“十七年中国文学”[D]. 苏州大学, 2004.
- 15) 邹冬奇. 韩少功小说创作对俄苏文学的接受[D]. 湖南理工学院, 2021.
- 16) 杨厚均. 俄苏文学与“人民学”——韩少功访谈录[J]. 文艺论坛, 2020,(01):127-128.

Сведения об авторах

Лю Ичжи

Хунаньский технологический университет
2507434166@qq.com

Чжан Юн

Хунаньский технологический университет

Information about the Authors

Liu Yizhi

Hunan Institute of Technology
2507434166@qq.com

Zhang Yong

Hunan Institute of Technology

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.02.2024;
Принята к публикации: 25.02.2024

Information about the article

The article was submitted: 01.02.2024;
Approved after reviewing: 10.02.2024;
Accepted for publication: 25.02.2024

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.

п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структу-

рированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения.

Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. !В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О.

Название статьи. *Название журнала, где была издана статья.* Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura,

1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, при-

водят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (**“Contribution of the authors:”**). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;

принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/*другое*

Исторические/*другие науки*

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (*точка в конце не ставится*)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

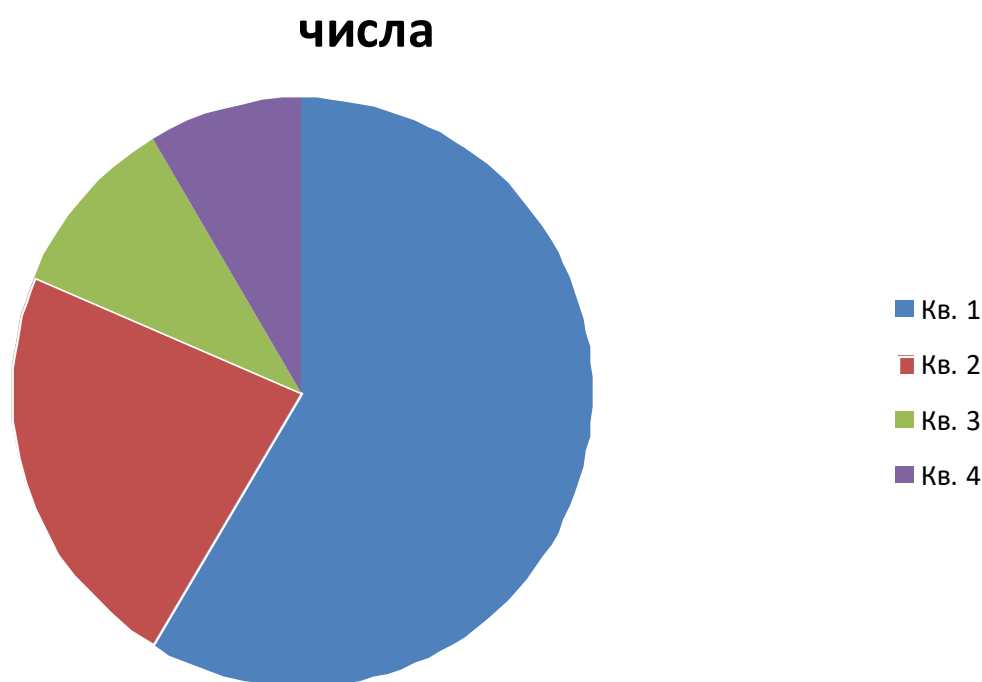

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

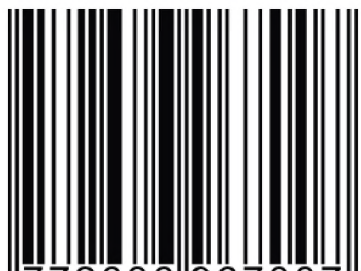
Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >